

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

„Мои воспоминанія“ М. Леонтьева представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ по событіямъ, какія въ нихъ описываются, такъ и по личности самого автора. Судя по собственнымъ признаніямъ, онъ, воспитанный съ дѣтства среди благодатной природы Тульской губерніи, чуть не съ отрочества поступилъ на военную службу, какъ дѣлали многіе дворяне конца XVIII вѣка, а затѣмъ, произведенный въ офицеры, послѣ длиннаго ряда походовъ начала XIX столѣтія, запечатлѣвшій раною свое участіе въ сраженіяхъ, вышелъ съ пенсіею въ отставку и жилъ, какъ трудолюбивый хозяинъ-помѣщикъ, въ своемъ родовомъ имѣніи. Здѣсь-то, на досугѣ отъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, прежній служака, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, принялся за составленіе своихъ любопытныхъ „Воспоминаній“: въ трехъ компактныхъ книжкахъ, облаченныхъ въ старинный переплетъ, на жесткой пожелтѣвшей бумагѣ, при помощи гусиного пера, онъ характернымъ почеркомъ, похожимъ на древнюю скоропись, описалъ уцѣлѣвшія въ его памяти „дѣла минувшихъ дней“. Какъ близкій очевидецъ, авторъ ярко изобразилъ эпоху Павла I; какъ живой и храбрый участникъ во многихъ сраженіяхъ, сообщилъ всеренцу новыхъ свѣдѣній о битвахъ съ французами и о походѣ въ Финляндію, а какъ наблюдательный современникъ почти четырехъ десятилѣтій минувшаго столѣтія, сохранилъ въ своихъ разсказахъ характерныя черты изъ тогдашней общественной жизни Россіи и быта русскихъ дворянъ-помѣщиковъ. Наконецъ, остается прибавить, что М. Леонтьевъ былъ роднымъ отцомъ Павла Михайловича Леонтьева, извѣстнаго профессора-классика въ Московскомъ Университетѣ и одного изъ главныхъ основателей Императорскаго Лицея Цесаревича Николая. Поэтому читатели „Записокъ“ встрѣтятъ рядъ новыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи П. М. Леонтьева, какія значительно дополняютъ его автобіографію, помѣщенную въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“ (М. 1855 г., т. I, стр. 453—454).

Д.

Часть I-я.

Начато писать 1827 года, декабря 1-го въ сельцѣ Красномъ
Михаиломъ Леонтьевымъ.

Отецъ и мать оставили меня,
но Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Сирота.

Къ приумноженію рода человѣческаго явился и я въ сей міръ въ городѣ Кіевѣ въ обильное время чудныхъ событій, 1785-го года Августа 13-го. Да не подумаетъ кто, что рожденіе мое, подобно другимъ, сопровождалось заботами и лелѣяньемъ, толико сроднымъ нѣжнымъ родителямъ; нѣтъ! Лишь я родился какъ и повезли меня въ самую глубокую осень съ юга на сѣверъ! Зачѣмъ?—такъ, ибо родители мои предпринимали путешествіе изъ Епифани въ Кіевъ предъ моимъ приходомъ въ міръ сей, для свиданія съ своимъ родственникомъ. Удивительно! неужели нельзя было прискаты на сіе способнѣйшаго времени?—видно нельзя было, но однако сіе забавное путешествіе стоило мнѣ четырехъ реберъ, которыя мнѣ переломили, вѣроятно, ухаживая за мною слишкомъ нѣжно. Эта поѣздка для меня памятиѣе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были дѣйствующими во оной.—Каково то было мнѣ служить? каково и теперь иногда въ дурную погоду?—а все отъ излишней охоты ѣздить туда и сюда!—думая что, и я улыбался? Но—улыбка моя видно не такъ была восхитительна, какъ для меня улыбка дѣтей моихъ!—Но какъ бы то ни было а меня привезли во Есенокъ, деревню съ нами смежную, въ которой родители мои имѣли всегдашнее свое пребываніе. По общему ходу происшествій теперь бы слѣдовало заняться описаніемъ моего дѣтства, но какъ не всякому пріятно вспоминать тѣ дни, которые проводили мы съ наглыми и развратными дядьками, съ глупыми ребятами и тому подобными лицами, то и прошу меня отъ сего уволить! Но гдѣ же были наши родители? чѣмъ они занимались?—Государи мои! посмотрите на названіе сей главы—видите ли, что, имѣя отца и мать можно быть сиротою?—Избави Боже! скажетъ читатель, и я изъ глубины души повторяю то же.

О воспитаніи моемъ говорить нечего, съ сей только стороны родители мои не любили затѣй! Они просто учили меня грамотѣ, и больше ничему. Не знаю была ли тогда написана фонъ Визинымъ комедія „Недоросль“, но видно что и мой отецъ не любилъ дѣленія, хотя и былъ самъ математикъ, служа въ артиллеріи до майорскаго

чина.—Какъ тягостна бѣдность, быть можетъ, скажетъ читатель, въ отношеніи невозможности воспитать дѣтей; но мои родители сего сказать не могли, имѣя около 200 душъ съ прекрасными землями. Время текло, и я достигнулъ 12 лѣтняго возраста; отецъ мой съ жадностью дожидавшійся времени сбыть меня съ рукъ, обрадовался, узнавъ, что Павелъ I-й, вступя на престолъ Россіи 1796-го года 6-го Ноября, жаждалъ съ своей стороны погасить просвѣщеніе, десницами вѣнценосныхъ предковъ его въ отечествѣ нашемъ возженное. И такъ, не теряя времени, отецъ мой, взявъ меня, пустился въ Москву, куда Павелъ вскорѣ долженствовалъ прибыть для коронованія; прибывъ туда въ Апрѣль мѣсяцъ 1797-го года и упрятавъ, какъ говорится, меня въ службу, отецъ мой, давъ мнѣ рубль мѣди, пустился домой, оставя меня, въ совершенно бѣдственной бѣдности и среди людей для меня чуждыхъ.

Глава II.

Вступление въ службу.

Я вступилъ на службу на 12 году 1797-го года Апрѣля 17-го лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ, которымъ я обязанъ былъ выслужить три мѣсяца по тогдашнему уставу. Обмундировка моя была соотвѣстна моему толчку въ службу и служила видимымъ отпечаткомъ нѣжности моего родителя; т. е. мундира хуже моего въ цѣломъ полку не было, а шинель счелъ онъ вещь излишнею,—быть можетъ, и потому, что—я попаду же когда нибудь въ комплектъ, и тогда получу казенную. Влѣдствіе сихъ экономическихъ расчетовъ я терпѣлъ всю жестокость воздушныхъ перемѣнъ на продолжительномъ походѣ въ Петербургъ. Но какъ ни разсуждай, а я сталъ въ ряды воиновъ такихъ лѣтъ, въ которые только начинаютъ учиться дѣти у отцовъ своихъ.

Глава III.

Служба и встрѣча.

Прибывъ въ Петербургъ, я сначала скучалъ и плакалъ о своемъ одиночествѣ, но потомъ сталъ мало по малу привыкать къ своему положенію, и началъ учиться службѣ весьма тяжелой во времена грознаго Павла. Въ службѣ я нашелъ или, лучше, Господь мнѣ далъ покровителей, и во первыхъ тогдашняго Шефа нашего полка Наслѣдника Александра Павловича, который, замѣтя меня однажды зимою 1797-го года въ караульнѣ Зимняго дворца, потрепалъ меня по щекѣ и спросилъ, не озябъ ли я. И послѣ сей встрѣчи всегда интересовался мною, вѣроятно, по моей юности. Я старался одѣваться сколько можно лучше.

Устраняя всё препятствія къ сему отъ недостатка въ деньгахъ, я зато употреблялъ грубую пищу, а стоя въ караулѣнѣ довольствовался 10 копѣчной сайкой въ сутки; бывало, стыдно ѣсть такую скудную пищу въ глазахъ богатыхъ товарищей, и для того я уходилъ или въ сѣни, или къ плацъ-формѣ и тамъ съѣдалъ обѣдъ свой..

Наслѣдникъ любилъ, чтобы хорошо одѣвались, будучи самъ щеголемъ, и я хотя былъ молодъ, но, видя сіе, старался исполнять волю его, за что онъ и благоволилъ ко мнѣ такъ, что на походѣ въ Гатчино, въ увеселительный дворецъ императора Павла I-го, въ 33 верстахъ отъ столицы отстоящій, замѣтя, одинъ разъ, что я усталъ очень, приказалъ мнѣ, по сродной ему благи, сѣсть на лафетъ пушки; это было лѣтомъ 1796-го года.

Въ семъ году зимою я видѣлъ на вахтъ-парадахъ, которые бывали ежедневно, много знаменитыхъ людей, какъ напримѣръ графа Прованскаго, бывшаго послѣ королемъ Франціи, Людовика XVIII-го, принца Конде, и послѣдняго польскаго короля Станислава Августа.

Извѣстно, что Павелъ I-й былъ страстный любитель военной службы, былъ строгъ въ разсужденіи ошибокъ по фрунту и наказывалъ ихъ наравнѣ съ важнѣйшими преступленіями, и именно: арестомъ, крѣпостнымъ заключеніемъ, и выключкою изъ службы. Таковая немѣрная строгость, открывая частыя ваканціи, приближала и меня къ производству въ офицеры, что и послѣдовало въ октябрѣ 1799-го года. Получа сей чинъ по благи Божьей, и милостивому вниманію наслѣдника Александра Павловича, я употреблялъ всё свои силы, чтобы служить усердно; одѣвался по формѣ, зналъ службу, велъ себя тихо и повиновался безпрекословно своимъ начальникамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что я только одинъ разъ заслужилъ отъ Павла I-го арестъ, и то безвинно, что видя, мой покровитель, великодушный нашъ Шефъ, упросилъ родителя своего въ первый веселый его часъ, и онъ простилъ меня, возвративъ мнѣ скорѣ шпагу. Это было въ началѣ 1800 года на первый день Святой недѣли, когда я стоялъ въ караулѣ у Лѣтнаго сада.

Это было лучшее время моей жизни! Наслѣдникъ благоволилъ ко мнѣ часъ отъ часу больше, видя мое усердіе къ службѣ, которою онъ дорожилъ сверхъ собственной привязанности своей, и по строгости родителя своего императора Павла I-го, дѣлавшаго ему выговоры за

офицерскія ошибки. Не было встрѣчи моей съ симъ ангеломъ, когда бы онъ милостиво не сказалъ:

— „Здравствуй Леонтьевъ!“

Въ сіе время по рекомендательнымъ письмамъ моей матери сталъ я извѣстенъ и двумъ знаменитѣйшимъ дамамъ въ Петербургѣ: графинѣ (что нынѣ свѣтлѣйшая княгиня) Шарлотѣ Карловнѣ Ливенъ, тогдашней оберъ-гофмейстеринѣ, и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ Трубецкой, урожденной Румянцовой, сестрѣ великаго полководца: сіи савонницы принимали меня весьма милостиво и среди даже посѣщавшихъ ихъ знатныхъ людей, а первая неоднократно помогала и деньгами.

Не могу забыть какъ пришелъ, одинъ разъ, къ княгинѣ Трубецкой и, сидя у ней болѣе трехъ часовъ, не обѣдавши, и, слыша благовѣстъ къ вечернѣ, я полагалъ, что она отобѣдала и собирався уже откланиваться, какъ увидалъ, что внесли столъ накрытый, ибо она не ходила въ залу, и мы при свѣчахъ стали обѣдать, чему я очень удивился, не зная прежде сего знатнаго обыкновенія; а это было зимой. И такъ я, пообѣдавъ у ней, могъ свободно остаться безъ ужина, а это была тогда не малая для меня выгода.

Товарищи мои по службѣ, видя ко мнѣ благоволеніе Наслѣдника негодовали на меня, а увидавъ при церемоніальныхъ выходахъ двора благосклонное вниманіе ко мнѣ графини, начали завидовать, хотя всѣ они были несравненно богатѣе и знатнѣе меня; но таковая несправедливость ни мало не мѣшала юному и невинному еще моему сердцу наслаждаться настоящимъ, не думая о будущемъ и истинно, что въ сіе время я былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, веселясь отъ чистаго сердца.

Глава IV.

Императоръ Павелъ I-й и его правленіе.

Сей государь былъ малаго роста и не болѣе 2 аршинъ 4 вершковъ, чувствуя сіе, онъ всегда вытягивался и при походкѣ никогда не сгибалъ ногъ, а поднимая ихъ, какъ бы маршируя, ставилъ на каблукъ, отчего при ходбѣ и стучалъ крѣпко ногами; волосы имѣлъ на головѣ темнорусые съ небольшою просѣдью; лобъ большой или, лучше, лысину до самого темя, и никогда ее не закрывалъ волосами

и даже не терпѣлъ, чтобы кто либо сіе дѣлалъ. Лицо у него было крупное, но худое; носъ имѣлъ курносый, кверху вздернутый, отъ котораго до бороды были морщины, глаза большіе, сѣрые, чрезвычайно грозные, цвѣтъ лица у него былъ нѣсколько смуглый, голосъ имѣлъ онъ сиповатый и говорилъ протяжно, а послѣднія слова всегда вытягивалъ длинно. Онъ имѣлъ привычку, когда молчалъ, надувать щеки и вдругъ опускать ихъ, раскрывая притомъ нѣсколько ротъ, такъ что, бывало, видны были у него зубы, что особенно часто дѣлывалъ когда бывалъ сердить, а это бывало почти каждый день. Иногда, когда бывалъ веселъ, то при перемѣнѣ на вахтъ-парадѣ одного мѣста на другое, припрыгивалъ на одной ножкѣ. Мундиръ носилъ онъ темно-зеленый однобортный съ двумя рядами пуговицъ съ низкимъ воротникомъ краснаго сукна и эсольбантомъ, шляпу черную, какъ и нынѣ, трехугольную безъ всякихъ украшеній; все это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поддѣлаться къ костюму Фридриха II-го, короля Прусскаго, котораго онъ уважалъ, вотъ почему и написалъ Державинъ слѣдующую эпиграмму:

„Похожъ на Фридриха, скажу предъ цѣлымъ міромъ,
Но только не умомъ, а шляпой и мундиромъ.“

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Павелъ I-й не имѣлъ ума; многія быстрыя изрѣченія и письма его доказываютъ, что онъ его имѣлъ много, но злоба и горячность дѣлали его несноснымъ.—Сей государь, издавъ банкротскій уставъ и учредивъ Заемный банкъ, сдѣлалъ два дѣла полезнѣйшія для своихъ подданныхъ; первымъ прекратилъ онъ ужасныя притѣсненія бѣдныхъ заемщиковъ отъ безчеловѣчныхъ ихъ кредиторовъ, которые позволяли себѣ разные, ужасающіе поступки, симъ спасительнымъ закономъ воспрещенные; вторымъ онъ предохранилъ многія фамиліи дворянскія отъ совершеннаго разоренія, а, освободя потомство знаменитаго Ломоносова изъ подушнаго оклада, явилъ въ себѣ покровителя талантовъ, во славу его имперіи употребленныхъ. Но три сіи превосходныя дѣла свои помрачилъ онъ гоненіемъ великаго Суворова; разорительною для государства раздачею знатныхъ и богатѣйшихъ имѣній своимъ любимцамъ, и служившимъ при немъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, офицерамъ, вовсе не заслуживавшимъ сихъ блистательныхъ наградъ; потомъ ошибками въ политическихъ дѣлахъ, и пагубнымъ для государства невниманіемъ къ дѣламъ правосудія, отъ чего вкралось ужаснѣйшее лихоимство, котораго слѣдствія неисчислимы. Наконецъ жестокостію, обращенною на все его окружающее, такъ что никто не смѣлъ ему сказать истины, а недостойные его любимцы еще болѣе возбуждали въ немъ страсти своимъ двоеду-

шіемъ, лестію и похвалами. Злоба Павла I-го на военныхъ превышала терпѣніе самыхъ хладнокровныхъ людей; за одно неправильное поднятiе ноги, за ошибку въ командѣ, за неправильное держаніе экспантона (копье*), сдѣланное изъ желѣза, на которомъ изображенъ былъ гербъ имперіи; сіе копье насажено было на 2¹/₂-аршинное черное древко, подобно знамени, и сіе то орудіе держали офицеры въ рукахъ, а полковники и генералы служили съ шпагами какъ и нынѣ), наказывалися офицеры и генералы арестомъ, казематомъ крѣпости и выключкою; послѣднія два весьма были жестокия наказанія. Въ первомъ дурная пища, дурной воздухъ, сумрачный свѣтъ и уединеніе терзало несчастнаго, о чемъ рассказывалъ гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Казариновъ, а второе наказаніе было хотя на чистомъ воздухѣ, но подвергшійся оному не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ и не могъ нигдѣ имѣть постоянного жилища, за чѣмъ и наблюдаемо было весьма строго на всемъ пространствѣ Россіи; сія то цыганская жизнь и была причиною въ послѣдствіи безпокойствъ въ окрестностяхъ Петербурга, что увидимъ ниже. Объ арестѣ никто уже и не думалъ, привыкнувъ къ протяжному и сиповатому крику Павла I-го: „подъ арестъ его!“; сія то сиповатая поговорка подавала мысль Державину начать свою оду на вступленіе на престолъ Александра I-го сими словами:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взглядъ“.

Всѣ гауптвахты были набиты арестантами, на одной Зимняго дворца въ одно время сидѣли генералы: князь Алексѣй Горчаковъ, казачій атаманъ Денисовъ, фонтъ-Дервицъ, Ивановъ, Григорьевъ, и фонтъ-Дезинъ; по сему можно судить уже о меньшихъ чинахъ. Къ довершенію всѣхъ сихъ ужасовъ Павелъ I-й по внушенію своего подозрѣнія и своихъ недостойныхъ любимцевъ, Кутайсова и Оболянинова, учредилъ тайную экспедицію; сію ужасную инквизицію своего правленія, куда забиралось много несчастныхъ по одному подозрѣнію, клеветѣ, ошибкѣ или мщенію сильнаго непріятеля; въ семъ адскомъ судилищѣ засѣдалъ страшный по одной уже наружности тайный совѣтникъ Николаевъ, окруженный орудіями лютейшихъ пытокъ. Здѣсь пытки назначены были по номерамъ,—напримѣръ, подозрѣваемаго въ дурномъ расположеніи къ Павлу I-му отсылали въ № 1-й; несчастнаго, осмѣливагося посмѣяться наружности его, въ № 2-й и такъ далѣе; были номера, въ которыхъ вытягивали жилы, закладывали кирпичами

*) Копье достаточно широкое, съ лапами, подобно якорнымъ.

въ стѣнѣ.—Но отвратимъ взоръ нашъ отъ сего звѣрства, которое открыто было при вступленіи на престолъ Александра I-го. Императоръ Павелъ былъ во всемъ совершенный деспотъ, онъ не любилъ трагедій и ихъ запрещено было играть, не велѣно было носить круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ и обыкновенныхъ сапогъ и велѣно носить шляпы трехугольныя, кафтаны однобортные, камзолы съ длинными карманами и ботфорты, однимъ словомъ Павелъ I-й весь Петербургъ сдѣлалъ прусскимъ городомъ, и заставлялъ въ театрахъ смѣяться комедіямъ, когда, по выходѣ изъ онаго, все встрѣчающееся заставляло плакать. Такъ царствовалъ императоръ Павелъ, который при всей своей жестокости любилъ, чтобы его называли отцомъ отечества за мнимое искорененіе лихоимства, когда оно, отъ невниманія его къ гражданской службѣ ежедневно умножалось; за пониженіе подушнаго сбора съ черни, когда желая выиграть ея къ себѣ любовь входилъ въ долги великіе; однимъ словомъ онъ обманывался и его любимцы умѣли держать его въ семъ ослѣпленіи.—Бывало предъ начатіемъ развода, полиція по ближайшимъ улицамъ къ Дворцовой площади гоняла народъ толпами на оный, останавливая даже экипажи и, не внимая просьбамъ, высылала сидѣвшихъ въ оныхъ ко дворцу, и такимъ образомъ, Павелъ бывалъ ежедневно окруженъ толпами приневоленнаго народа, полагая, что они пришли насладиться его лицеизрѣніемъ и любоваться его вахтпарадами; а льстецы не упускали случая говорить ему:—сколько онъ любимъ подданными—и ослѣпляли тѣмъ грознаго самодержавца.

Чѣмъ долѣе царствовалъ Павелъ I-й, тѣмъ подозрѣніе часть отъ часу болѣе омрачало чело его! Это было слѣдствіе внутренняго сознанія или совѣсти, которой мученія не можетъ избѣжать и сидящій на престолѣ тиранъ! Въ припадкѣ такового волненія духа, Павелъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо жилъ въ его столицѣ безъ службы и повелѣлъ всѣмъ жившимъ въ оной выѣхать вонъ или вступить въ службу; въ число сіе внесены были и люди, занимавшіеся художествами, которые, имѣя пропитаніе и довольство въ семъ пышномъ городѣ, наполненномъ первыми чинами имперіи, вдругъ увидали себя въ необходимости или выѣхать въ другіе для нихъ невыгодные города, оставя въ Петербургѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, или, не нарушая связей сихъ, и не страивая своего состоянія, вступить въ службу. Сіе прямо деспотическое, пахнувшее востокомъ, повелѣніе поразило сихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ членовъ общества, а въ томъ числѣ и знакомаго мнѣ искуснаго живописца Степана Андреевича Фокина, человека семейнаго и при томъ небогатаго. Избѣгая изгнанія изъ столицы въ совершенное себѣ разореніе, сей художникъ рѣшился вступить въ службу

по военной коллегіи, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ членѣ оной генералѣ графѣ Иванѣ Александровичѣ Апраксинѣ; но, чтобы его не отрывали отъ занятій, питавшихъ его семейство, онъ принужденъ былъ даромъ расписать плафоны въ великолѣпномъ домѣ сего графа. за что и получилъ свободу заниматься своею работою. Это жестокое и притѣснительное повелѣніе издано было въ 1800 году, зимою.

Казалось, что Павелъ искалъ ненависти народа!—ибо, сверхъ сихъ тираническихъ поступковъ, онъ присоединилъ и послѣдніе—войску и церкви, заставляя первыхъ носить на шарфахъ и петелькахъ любимый малиновый цвѣтъ своей любимицы, написавъ въ то же время и имя ея, на русскомъ языкѣ значущее *благодать*, на знаменахъ и гренадерскихъ шапкахъ всей гвардіи, велѣвъ также пѣть въ придворной церкви во время божественной литургіи во всѣ праздники и воскресные дни концертъ: „*Явися благодать Божія спасительная свѣтъ человѣкомъ*“! А какъ имя его любимицы было Анна, что въ переводѣ съ греческаго значить „благодать“, то всякій понималъ, что Павелъ хотѣлъ чтобы и самая святая церковь ублажала его подругѣ сердца. Сей гнусный поступокъ влпль, такъ сказать, масла въ то пламя неудовольствія, которымъ горѣли сердца русскія.—Къ поясненію же своего намѣренія, въ разсужденіи прославленія своей милой, сей сѣверный Неронъ, купя два дома на Англійской набережной Невы, и соединя великолѣпнымъ проходомъ, подарилъ ихъ своей любимицѣ, княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной, урожденной Лопухиной, повелѣвъ выставить на семъ огромномъ домѣ ея гербъ, вверху котораго крупными золотыми словами написано было: *благодать*.—

Русскіе молчали, но по природному пылкому своему уму не оставляли Павла I-го въ покоѣ, своими тайными эпиграммами—такъ найдена была въ 1801-мъ году на Михайловскомъ замкѣ приклеенная надпись:

„Здѣсь живетъ
Иди мимо—не вѣшай уха“.

Въ другой разъ найдена была на Исаакіевской церкви (которую Екатерина II-я въ память дня рожденія императора Петра Великаго, начала строить изъ мрамора, и которую Павелъ велѣлъ достроить кирпичемъ) доска съ надписью:

„Се! монументъ двумъ царствованіямъ приличный,
Фундаментъ мраморный а верхъ—кирпичный“.

Но самая наглая надпись была найдена на домѣ Гагариной, которую благопристойность написать мнѣ воспрещаетъ. Вотъ какъ царствовалъ Павелъ I-й, при правленіи котораго все лучшее было подавлено, а все низкое, какъ напримѣръ Кутайсовъ, вознесено было на верхъ чести и достоинства.

Глава V.

Знаменитый гость.

Въ началѣ 1801-го или въ декабрѣ 1800-го года, точно упомянуть не могу, только зимою въ сіе время, пронесся слухъ, что король Шведскій Густавъ IV-й Адольфъ посѣтитъ императора Павла и Петербургъ. Не помню, чтобы дѣланы были публичныя какія приготовленія, но, помню, что всѣ гордились симъ посѣщеніемъ.

Помнится, что въ то время были Святки, только я по праву офицера гвардіи сидѣлъ въ Эрмитажномъ Зимняго дворца театрѣ, куда прибыла уже и императорская фамилія, какъ во время представленія піесы одинъ изъ придворныхъ чиновъ, взойдя въ театръ, доложилъ что-то Павлу I-му, а сей, подзававъ къ себѣ генераль-адъютанта Уварова, куда то послалъ его, и вскорѣ по шопотамъ разнеслась вѣсть въ театрѣ: „шведской король пріѣхалъ!“ И Уваровъ послалъ отъ государя поздравить его съ пріѣздомъ. Между тѣмъ театръ продолжался, и я, наслаждаясь превосходною музыкою, по окончаніи спектакля возвратился домой. Я любилъ пользоваться позволеніемъ быть въ Эрмитажѣ и не пропускалъ ни одного спектакля, чтобы не быть тамъ, и потому что сіе удовольствіе имѣлъ я даромъ, а это не бездѣлица для того, кто имѣлъ весьма малое содержаніе, а былъ по 16-му году! Правда, что съ осени 1800 года великодушный Шефъ нашъ узналъ о моей бѣдности чрезъ князя Петра Михайловича Волконскаго, котораго я просилъ, и пожаловалъ мнѣ по 600 рублей въ годъ на содержаніе, производя сію дачу по третямъ года, ибо родитель мой и теперь не присылалъ мнѣ болѣе 200 рублей въ годъ. А жалованье мое по тогдашнему окладу состояло изъ 150-ти, но вся сія годовая сумма, состоя изъ 950 рублей, была очень недостаточна для содержанія себя въ гвардіи, тѣмъ болѣе, что Павелъ Первый въ началѣ 1800-го года установилъ для гвардіи офицеровъ нарядные мундиры; эти мундиры были у нашего полка тоже однобортные съ двумя рядами пуговицъ, между которыми были вышиты золотомъ петлицы, каковыя были и на воротникѣ, обшлагахъ и карманахъ; каковое шитье стоило тогда 180 рублей. Вотъ почему я и не могъ удѣлить слишкомъ много денегъ на свое удовольствіе, а старался пользоваться онымъ удовольствіемъ.

На другой день пріѣзда короля шведскаго былъ я у него по утру между всей гвардіи офицерами, съ поздравленіемъ пріѣхавшими

къ нему по повелѣнію государя. Король остановился въ домѣ своего посла барона Штедингга на Англійской набережной, гдѣ насъ и представлялъ ему петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Паленъ. Король вышелъ къ намъ въ залу, раскланялся съ нами и возвратился въ свои внутренія комнаты, а мы въ блестящихъ своихъ парадныхъ мундирахъ пустились по домамъ, любуясь тѣмъ, что насъ собирали и суетили для одного поклона шведскому королю.

Съ сего дня я видѣлъ каждый день сего государя по два раза въ теченіи ночи десятидневнаго его пребыванія въ Петербургѣ; поутру на вахтъ-парадѣ, гдѣ онъ всегда бывалъ изъ вѣжливости къ Павлу, а ввечеру въ Эрмитажномъ театрѣ, исключая двухъ дней, когда я былъ визитеръ-рундомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Помню какъ теперь, что мы, вступая въ должность, являлись вмѣсто Павла къ королю для его почести и говорили: „Ваше Величество! къ его императорскому величеству (туда то) наряженъ“, и получали отъ него величественную уклонку головой; сверхъ сей почести мы ему салютовали, проходя церемоніальнымъ маршемъ, а Павелъ стоялъ всегда возлѣ его.

Шведскій король былъ средняго роста, нѣсколько смуглъ собою; грудь имѣлъ высокую, походку важную, взоръ величественный и пріятный хотя не имѣлъ пригожаго лица; одежда его состояла изъ синей куртки и такихъ же панталонъ безъ шитья, въ черной черезъ плечо перевязи, за которую закладывалъ иногда руку, принимая положеніе истинно царское. Шляпу носилъ круглую съ маленькими полями, у которой лѣвая сторона поля прикрѣплялася къ тулѣ національною кокардою, на правой рукѣ носилъ изъ бѣлаго платка перевязку съ маленькимъ бантикомъ въ память, какъ мнѣ тогда сказывали, того военнаго союза, посредствомъ котораго отецъ его Густавъ III получилъ власть самодержавную. Король изъ этикета имѣлъ всегда на себѣ нашъ Андреевскій орденъ, какъ равно и оба люди его, съ нимъ бывшіе, герцоги Зюдерманландскій и Остѣ-Готландскій, а Павелъ I-й, наслѣдникъ, и Константинъ Павловичъ во все время его пребыванія имѣли на себѣ первый его орденъ Серафимовъ, во всемъ подобный нашему Андреевскому, кромѣ того, что въ центрѣ звѣзды вмѣсто Андреевскаго изображенъ бѣлый осьмиугольный крестъ въ видѣ Мальтійскаго, При королѣ была большая свита, которую черезъ нѣсколько дней Павелъ I-й украсилъ нашими и мальтійскими орденами, взаменъ чего король украсилъ одного только нашего графа Христофора Андреевича Ливена, сына моей благодѣтельницы и бывшаго тогда генералъ-адъютанта им-

ператора, своимъ орденомъ Меча (желтой лентой съ узкими голубыми каймами).

Во все время пребыванія короля Шведскаго были ежедневные театры въ Эрмитажѣ, куда велѣно прїѣзжать всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ въ парадныхъ мундирахъ; разумѣется, что я воспользовался симъ повелѣніемъ и не пропускалъ ни одного спектакля, когда только не былъ въ должности. Въ сіе время насмотрѣлся я на пышность и блескъ двора, которые Павелъ I-й любилъ очень; здѣсь я видѣлъ придворныхъ дамъ, кавалеровъ и старыхъ нашихъ вельможъ, покрытыхъ золотомъ и брильянтами и украшенныхъ первыми орденами нашей имперіи; изъ послѣднихъ памятныхъ мнѣ князь Николай Ивановичъ Солтыковъ, фельд-маршалъ и бывшій дядька Александра и Константина Павловичей, князь Юсуповъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Шереметевъ, графъ Строгановъ (Александръ Сергѣевичъ) и отличный по входу, ловкости и фигурѣ, но не по уму графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ. Павелъ I-й входилъ въ великолѣпнейше освѣщенный театръ въ предшествіи всего блистательнаго своего двора между рядами сихъ старцевъ вельможъ, и когда являлся въ аркѣ театра, то въ ту минуту начинала играть огромная и восхитительная придворная музыка; король всегда сводилъ императрицу Марію Ѳеодоровну изъ галлерей въ театръ подъ руку, поднимая ее такъ, что государыня опиралась на оную. Сіе пребываніе Густава IV-го въ Петербургѣ доставляло мнѣ величайшее удовольствіе и приводило меня въ восхищеніе, и хотя навѣрное не было изъ всѣхъ присутствовавшихъ кармана пустѣ моего, но по блестящей наружности и я казался богачемъ!—Вотъ какъ наружность обманчива. Читателю извѣстно, какъ я воспитанъ, а потому я и не могъ сначала восхищаться картинами Рафаэля, Корреджіо, Микеланджело и другихъ геніевъ, украшавшихъ комнаты Эрмитажа; но товарищи мои, будучи богатѣйшіе люди и просвѣщеннѣе меня, объяснили мнѣ красоты оныхъ, и сколько я ни грубо воспитанъ, но двѣ картины поразили и меня своимъ превосходствомъ, одна, стоявшая въ углу послѣдней къ театру комнаты, изображавшая благодѣтельную римлянку, кормящую грудью своего отца; и другая въ той же комнатѣ, представляющая старика, зажигающаго пукъ соломы; на послѣдней кажется—видишь огонь, а не краску, освѣщающій лицо бѣднаго поселянина. О искусство! Какъ сильно ты дѣйствуешь даже и на необразованнаго человѣка.

Глава VI.

Михайловскій Замокъ.

При воспоминаніи сего зданія сколько родится во мнѣ историческихъ воспоминаній! Не здѣсь ли обиталъ нѣкогда могущественный монархъ? Не здѣсь ли цареубійца князь Платонъ Зубовъ лобызалъ руку сего государя, приготовляя ему смерть жестокую? Не здѣсь ли? Не въ сихъ ли нѣкогда великолѣнныхъ стѣнахъ совершено сіе ужасное убійство, навлекшее на Россію почти непрестанныя 12-лѣтнія войны! Но обратимся къ тому времени современныхъ событій, которому минуло уже 28 лѣтъ.

Сей замокъ, который теперь именуется Инженернымъ, построенъ какъ извѣстно въ уединеномъ мѣстѣ близъ Лѣтняго сада въ Петербургѣ императоромъ Павломъ I-мъ, и стоялъ со всѣми постройками и пышнымъ уборомъ комнатъ 10 милліоновъ рублей. И въ самомъ дѣлѣ, парадныя комнаты, въ которыхъ я бывалъ, убраны были мраморомъ, бархатомъ, драгоцѣнными тканями, обоями, бронзою, картинами великихъ живописцевъ; богатыми каминами и другими драгоцѣнными вещами съ величайшимъ вкусомъ, а спальня императора, будучи богато и съ большою разборчивостью отдѣлана, была очаровательна, какъ говорили знающіе очевидцы; однимъ словомъ замокъ сей такъ былъ отдѣланъ внутри, что самъ Павелъ Первый почиталъ достойнымъ издать въ Европу его описаніе, что и поручилъ незадолго до своей кончины извѣстному драматическому писателю Августу Коцебу. Сей то замокъ и спѣшилъ государь отдѣлать, какъ бы влекомый самимъ рокомъ; и, не давши ему порядочно выстояться, въ исходѣ января или въ началѣ февраля 1801-го года переѣхалъ въ оный изъ Зимняго дворца съ большою церемоніею, какъ бы прощаясь съ великолѣпной своей столицей. Въ сей церемоніальный вѣздъ въ Михайловскій замокъ вся гвардія поставлена была отъ Зимняго дворца по Невскому проспекту до онаго по обѣ стороны улицъ въ парадѣ; кортежъ состоялъ изъ многихъ богатыхъ придворныхъ каретъ, заложенныхъ цугами, въ которыхъ сидѣли первые чины двора и императорская фамилія; за сими каретами ѣхалъ Павелъ I-й окруженный двумя своими сыновьями, и сопровождавшійся многочисленною свитою. По пріѣздѣ Павла I-го въ сей замокъ, начальство во ономъ возложено было на наследника престола въ качествѣ военнаго губернатора, на оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина въ званіи губернатора и на генералъ-лейтенанта Котлубиц-

кого въ званіи коменданта; кажется, что раздѣленіемъ власти въ семь своемъ уединенномъ жилищѣ, окруженномъ валами и батареями, между людьми ему преданными, покрывъ ихъ благодѣяніемъ, Павелъ І-й искалъ своей безопасности. Сей замокъ, какъ я сказалъ, окруженъ былъ глубокимъ широкимъ каналомъ съ водой, валами и батареями; на каналѣ были съ двухъ вѣздовъ подъемные мосты, при которыхъ стояли сильныя бекеты*), а въ самомъ замкѣ стояла главная гауптвахта во 130 человекъ солдатъ съ тремя офицерами, сверхъ чего бывали полицейскихъ драгунъ команды при ихъ офицерахъ; въ самыхъ же комнатахъ стояли бекеты кавалергардовъ конной гвардіи, гусаръ и казаковъ; а внутреннія комнаты императора охранялись ежедневнымъ карауломъ лейб-гвардіи Преображенскаго полка, его собственнаго батальона, котораго нижнимъ чинамъ даны были въ ихъ казармахъ тюфяки, производилася ежедневная мясная и винная порція, а офицерамъ давались сверхъ жалованья столовыя деньги, чего ни въ одномъ гвардейскомъ полку и даже въ другихъ батальонахъ того же полка никогда не производилось.

На сей то батальонъ полагалъ Павелъ І-й большую надежду, что видно изъ его отличій, а окруженный большою стражею разнородныхъ войскъ своей гвардіи, полагалъ себя въ семь замкѣ совершенно безопаснымъ. Становясь часъ отъ часу подозрительнѣе, государь сей весьма рѣдко ѣзжалъ по городу съ самаго пріѣзда своего въ Михайловскій замокъ, и подобно Тиверію, смотрѣлъ на всѣхъ глазами тирана.

Уединясь самовольно (?) въ семь пышномъ замкѣ съ своею любимицею, и заключивъ въ немъ всю императорскую фамилію, Павелъ І-й становился часъ отъ часу строже, изливая гнѣвъ свой въ особенности на любви достойнаго наслѣдника своего, блаженной памяти императора Александра І-го; онъ не щадилъ, разумѣется, и служившихъ ему, какъ на примѣръ генерала Эмме, содержавшагося на гауптвахтѣ по самый день революціи 12-го марта; не проходило дня, въ который бы комендантъ Котлубицкій не приносилъ цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-нибудь караула, либо за нечистоту въ какомъ нибудь углу замка, по которому и вокругъ онаго прогуливался Павелъ весьма часто, не выѣзжая, какъ я сказалъ, на прогулку по городу. — И какіе были выговоры? — „дуракъ и скотина“ (за вѣрный переносъ сихъ словъ отъ Павла наслѣднику, Котлубицкій, по вступленіи на тронъ Александра, посланъ былъ на житье въ городъ Арзамасъ). Симвъ наказаніемъ дано почувствовать Котлубицкому, что какъ

*) Пикеты.

непріятно видѣть пакости отца, такъ непріятно слышать и его грубости), и что получалъ въ отвѣтъ?—съ кротостію произнесенное: „*слышу*“ или, когда Павелъ самъ его бранилъ на вахтъ-парадѣ, то низкій поклонъ служилъ ему знакомъ извиненія и покорности сына.

Такъ забывалъ Павелъ I-й и свое достоинство и достоинство наслѣдника, а свидѣтели сихъ изъ мѣры выходящихъ грубостей привязывались часть отъ часть къ Александру, по тому участию, которое мы невольно прилагаемъ къ гонимой невинности; сіе участіе часть отъ часу распяляло злобу въ сердцахъ всей почти гвардіи, противу несправедливаго государя и отца и вскорѣ грянулъ громъ мщенія, впрочемъ беззаконнаго, на главу Павла I-го.

Какъ замѣчательно, что всѣ тираны своего отечества подъ конецъ правленія уединялись отъ своихъ столицъ, какъ напримѣръ Тиверій, Іоаннъ и Павелъ!—происходило ли сіе отъ страха? или по чувству безпокоющейся совѣсти въ сихъ злосчастныхъ государяхъ, или было слѣдствіемъ ненависти въ роду человѣческому, но, во всякомъ случаѣ, оно съ той точки для насъ поучительно, что злоба есть величайшее несчастье и для одержимыхъ ею и что спокойствіе и радость принадлежить единой добродѣтели и кротости.

Глава VII.

Прощеніе.

Безпокойства, возникшія отъ большаго числа выключенныхъ штаб-и оберъ-офицеровъ арміи и флота, которые толпами разѣзжали въ окрестностяхъ Петербурга и отбирали силою для себя пищу въ трактирѣ по большой дорогѣ Московской на 7 верстѣхъ отъ сей столицы и лежащаго при рѣкѣ, (нрзб.) по Нарвской и другимъ дорогамъ, а сверхъ того и политическіе виды знаменитаго и въ большую довѣренность вошедшаго къ Павлу I-му графа Палена, побудили сего государя объявить въ исходѣ 1800-го года всеобщее прощеніе выключеннымъ, которыхъ цѣлыя толпы и прибыли въ началѣ 1801-го года въ Петербургъ для благодаренія царя и подачи просьбъ кто куда желаетъ опредѣлиться. Сямъ воспользовались и друзья графа Палена, знаменитые изгнанники князь *Платонъ* и графы *Валеріанъ* и *Николай Зубовы*, баронъ Бейнигсенъ, Чичеринъ и многіе другіе славные генералы вѣка Екатерины II-ой.

Я самъ былъ очевидецъ, когда Павелъ I-й принималъ Зубовыхъ въ залѣ Михайловскаго дворца по ихъ возвращеніи. Государь весьма милостиво обошелся съ княземъ Платономъ, взялъ его подъ руку, подвелъ къ окну, долго съ нимъ разговаривалъ и видно было изъ поклоновъ послѣдняго, что разговоръ сей былъ очень для него благосклоненъ; князь былъ въ мундирѣ перваго кадетскаго корпуса, туда онъ наканунѣ дня представленія былъ назначенъ директоромъ, бывъ принятъ генераломъ отъ инфантеріи, а братъ его Валеріанъ былъ назначенъ во 2-й кадетскій корпусъ также директоромъ и принятъ въ службу также полнымъ генераломъ, и съ которымъ государь также обошелся милостиво, потрепавъ его по плечу. Сей Валерьянъ, будучи красавецъ, былъ безъ ноги, которую потерялъ онъ пьяный во время польской войны и о ранѣ котораго Суворовъ сказалъ: *„боли мною, а славы мало“*. Третій ихъ братъ Николай, страшилище по своей гигантской наружности и большимъ глазамъ, былъ назначенъ шефомъ гусарскаго, помнится, Сумскаго полка; три сіи брата были въ Андреевскихъ лентахъ которыми Екатерина ихъ украсила, и обратили на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе ихъ знали во время прежняго царствованія, а другіе слушали лестныя и чрезвычайно увеличенныя имъ похвалы, и, будучи недовольны настоящимъ, вѣрили съ охотою прошедшему. Павелъ I-й при сей аудіенціи былъ очень веселъ и смѣялся съ Зубовымъ и другими; онъ не думалъ, что видитъ того, который сорветъ корону съ головы его и быть можетъ, видя себя окруженнаго крѣпостными валами и сильной стражей, презиралъ всѣхъ сихъ вельможъ, имѣвшихъ причину быть имъ недовольными; и не эта ли была причина поспѣшнаго переѣзда его въ Михайловскій замокъ?— Кто зналъ и видѣлъ Павла I-го, тотъ не могъ не удивиться сему всепрощенію, въ теченіе котораго, принимая однихъ, онъ выключалъ и сажалъ въ крѣпость другихъ. Однимъ словомъ графъ Паленъ, наклоня Павла I-го на дѣло ему несвойственное, показалъ симъ и свой гибкій умъ и великую силу довѣренности, у царя имъ пріобрѣтенной.

Глава VIII.

Слухи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ царствованія Павла I-го, Петербургъ волнуемъ былъ разными неистовыми слухами, направлявшими публику на одинъ предметъ—ненависти къ Павлу. Такъ, говорили и съ великой утвердительною, что Павелъ I-й намѣренъ вскорѣ развестись съ императрицей и жениться на Гагариной, что вся импе-

раторская фамилія развезется по монастырямъ, наслѣдникъ посадится въ крѣпость, и объявятся наслѣдниками трона будущія дѣти его отъ Гагариной. И что Семеновскій полкъ, за преданность нашу къ наслѣднику, разошлется по сибирскимъ гарнизонамъ. Сіи слухи производили свое дѣйствіе въ публикѣ, которая никогда изслѣдовать не любитъ, а съ жадностію хватая самый нелѣпый слухъ, ревностно распространяетъ оный. Такъ и было: умы распалялися, неудовольствіе увеличивалось и Павелъ I-й день ото дня становился ненавистнѣйшимъ тираномъ въ глазахъ обитателей Петербурга; такъ достигалъ своей цѣли исполненный великаго ума и хищности глава заговора противу императора Павла Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ.

Но въ сіе время и Павелъ I-й получалъ безымянные доносы о существованіи заговора на жизнь его, чего при всей своей дѣятельности графъ Паленъ отвратить не могъ, но къ кому государь долженъ былъ обратиться о изслѣдованіи сихъ доносовъ, какъ не къ нему же, ибо въ рукахъ его сосредоточена была власть военная, гражданская и полицейская всей столицы, и котораго Павелъ почиталъ преданнѣйшимъ себѣ человѣкомъ. Чтобы усыпить совершенно императора графъ Паленъ имѣлъ дерзость и безстыдство самъ донести Павлу о существующемъ будто бы заговорѣ по безымяннымъ доносамъ, и чтобы—для устрашенія бдительностію правительства публики—не прикажетъ ли онъ, собравъ офицеровъ гвардіи, объявить имъ о всемъ. Павелъ I-й далъ на сіе, хитрообдуманное и съ присутствіемъ духа произведенное дѣйствіе свое согласіе. Вслѣдствіе сего дня за четыре до 12-го марта мы и были собраны всѣ въ домъ графа Палена, у Полицейскаго моста поутру до развода. По полномъ нашемъ сѣздѣ и по помѣщеніи насъ въ залъ сего дома, графъ вышелъ къ намъ въ полномъ мундирѣ и, раскланявшись, сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа! до свѣдѣнія Государя Императора доходить о существованіи заговора въ столицѣ, но Его Величество надѣется на вашу вѣрность!“—последнія слова произнесъ онъ съ коварной улыбкой, и взглянувъ, не перемѣняя мины, на насъ быстрыми глазами, поклонился и ушелъ въ свои комнаты, а мы поѣхали по домамъ. Извѣстно, что въ заговорѣ противу Павла были и нѣкоторые офицеры гвардіи и думать надо, что, сверхъ усыпленія (бдительности) Павла, сія сцена сдѣлана была для ихъ ободренія, показавъ имъ ясно и свою силу и неустрашимость. Но когда хитрость графа Палена торжествовала съ одной стороны, то съ другой безымянные доносы повторялись не только Павлу I, но и любимцамъ его Нарышкину и Кутайсову, послѣднему 11-го марта послѣ полудня, какъ сказывали тогда, было

даже подано письмо съ именами заговорщиковъ, но онъ, не распечатавъ его, положилъ подъ подушку своей постели, намѣриваясь прочесть его поутру 12 числа. Всѣ сіи слухи дѣлали то, что Нарышкинъ по званію своему началъ проводить ночи не раздѣваясь, употребляя всѣ осторожности съ своей стороны, но развѣдать о точности заговора сіи придворные любимцы не имѣли средствъ, будучи окружены глазами умнѣйшихъ людей того времени; туча собиралась надъ головой Павла I-го, но онъ пребывалъ безпеченъ, надѣясь на свою стражу и батареи замка.

Глава IX.

11-е число Марта 1801 года или послѣдній день жизни Павла I-го.

Въ сей день разводъ былъ по обыкновенію въ Михайловскомъ замкѣ въ 9 часовъ, и Павелъ I-й находился при ономъ въ совершенномъ здоровьѣ, но только былъ очень сердитъ и весьма прогнѣвался на смѣнявшійся караулъ нашего полка 2-го батальона и кричалъ на шефа онаго генерала Мозавскаго, а наслѣднику сказалъ: „Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми“, я замѣтилъ, что великій князь вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, сдѣлать поклонъ государю, отвернулся отъ него и закусилъ губу; не знаю, замѣтилъ ли это Павелъ, ибо это было въ углу двора замка, но мы все это видѣли.

По окончаніи развода Павелъ I-й удалился во дворецъ, а наслѣдникъ взошелъ на гауптвахту и въ офицерской караульнѣ весьма милостиво разговаривалъ съ арестованнымъ генераломъ Эмме и его женою, (пришедшею) провѣдать своего мужа, а маленькаго сына ихъ бралъ на руки и цѣловалъ его; сія умиленная сцена многихъ тронула, показавъ всю благодѣтельность души великаго князя. Я, по окончаніи развода и по уходѣ наслѣдника на свою половину, возвратился домой и провелъ оный съ однимъ моимъ знакомымъ. Въ сей день Павелъ I-й послѣ обѣда прогуливался по городу верхомъ, ибо погода была теплая и день очень ясный, а возвратившись въ замокъ, сойдя съ лошади, прошелъ къ канавѣ, окружавшей оный, становился на ледъ, мѣрялъ палкою прибывшую воду и весело разговаривалъ съ стоявшимъ тутъ часовымъ. При входѣ въ замокъ встрѣтилъ Коцебу съ тетрадью въ рукахъ описывавшаго оный, остановился съ нимъ у статуи Клеопатры, говорилъ о ея исторіи и, милостиво поклонясь, пошелъ по лѣстницѣ и, взойдя

на оную, обратился еще къ Коцебу, взглянулъ на онаго и пошелъ въ комнаты. Въ сей день караулы въ замкѣ содержалъ нашъ третій батальонъ, котораго шефъ былъ генералъ майоръ Депрерадовичъ, и въ которомъ я служилъ; въ караулѣ на главную гаупвахту вступилъ капитанъ Гаврило Ивановичъ Воронковъ, бывшій изъ Гатчинскихъ служивыхъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; поручикъ Константинъ Полторацкій, одинъ изъ заговорщиковъ, и прапорщикъ Дмитрій Ивашкинъ; на другіе бекеты вступилъ Усовъ и еще не помню другой кто. Дежурный штабъ-офицеръ былъ полковникъ Ситманъ, (прзб.) главныхъ капитанъ Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, который нынѣ генералъ майоръ и камергеръ, а визитеръ братъ мой Владимиръ. Со внутреннимъ карауломъ Преображенскаго полка лейбъ-батальона вступилъ поручикъ Моринъ, одинъ изъ заговорщиковъ, а другіе отъ конныхъ полковъ, не знаю кто. Воронковъ послѣ зори по обыкновенію ходилъ съ рапортомъ къ Павлу I-му, а, возвратясь въ караульную, нашелъ во оной князя Петра Михайловича Волконскаго любимца и адъютанта наслѣдника; Воронковъ удивился. Но Волконской сказалъ, что онъ отъ скуки, пришелъ съ ними поужинать и принесть съ собою имъ славнаго вина, которымъ за ужиномъ и потчивалъ Воронкова, удивлявшагося къ себѣ таковой ласкѣ князя, который, зная Воронкова охоту къ сему напитку, очень часто его потчивалъ, отъ чего онъ не смѣлъ отговариваться. Послѣ ужина Волконскій тотчасъ ушелъ, сказавъ нѣсколько французскихъ словъ Полторацкому, чего ни Воронковъ ни Ивашкинъ не разумѣли, такъ кончился день сей, достопамятный въ исторіи! И Воронковъ, будучи отягченъ виномъ, вскорѣ легъ спать, не вѣдая, что въ сіе время судьба имперіи была въ рукахъ его! Солдаты начинали дремать; все въ караулѣ было покойно по обыкновенію, и никто изъ всѣхъ ихъ даже и не подозрѣвалъ, что сія ночь будетъ роковою для ихъ государя, котораго хотя они и не любили, но были ему преданы потому одному, что онъ былъ самодержавецъ ихъ.

Глава X.

Тревога.

Въ то время, какъ я только что предался крѣпкому сну, свойственному моимъ лѣтамъ, вбѣжалъ солдатъ въ мои комнаты и громкимъ голосомъ въ темнотѣ кричалъ: „Ваше благородіе, тревога!—пожалуйте на линейку!“ Надо знать, что я жилъ въ корпусѣ, щедротами наслѣдника выстроенномъ почти противъ полковаго двора и госпиталя имъ

же построеннаго; коридоръ, отдѣлявшій наши комнаты отъ другихъ офицеровъ, былъ широкій, а людскіе флигеля далеко,—куда на ту пору убрались мои люди; я сталъ кричать: „одѣваться“!—но не тутъ то было!—и такъ въ потьмахъ ища своего платья, нашелъ его, но, надѣвая его, не попадалъ на ладъ! Наконецъ люди мои прибѣжали и я кой-какъ одѣвшись, бросился на полковой дворъ, но тамъ никого не было, я побѣжалъ къ казармамъ солдатъ и нашелъ уже тамъ въ глубокой темнотѣ—батальонъ свой, оставшійся отъ караула, выстроеннымъ предъ оными; всѣ офицеры были уже тутъ и генералъ Депрерадовичъ, ходя по суетившемуся фронту, повторялъ: „безъ шуму!“ Это было часу въ одиннадцатомъ.

Устроивъ поспѣшно фронтъ, генералъ повелъ насъ по *Гороховой* улицѣ, подойдя къ Калинкинскому мосту на Мойкѣ, мы остановились и Депрерадовичъ сказалъ громко: „Власовъ, (адъютантъ, бывшій потомъ камергеръ и жившій у насъ въ сосѣдствѣ, въ селѣ Иванковѣ) побѣжайте къ коменданту (въ Петербургѣ при Павлѣ I-мъ было три коменданта: 1-й въ крѣпости, 2-й въ Михайловскомъ замкѣ, а 3-й, городской, завѣдывавшій всѣми караулами въ столицѣ, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ сему то ... (нрзб.) посланъ былъ Власовъ) и спросите гдѣ пожаръ?“—Власовъ поскакалъ въ темнотѣ прямо къ Зимнему дворцу и, заѣхавъ за поворотъ къ оному, остановился, (какъ послѣ узналъ я, ибо и онъ былъ въ заговорѣ) гдѣ простоявъ нѣсколько минутъ, прискакалъ съ мнимымъ къ намъ повелѣніемъ и сказалъ генералу: „пожаръ въ Михайловскомъ замкѣ, и комендантъ приказалъ туда идти“.—Повинуясь сему мнимому приказанію, мы поворотили по берегу Мойки и, перейдя мостъ, пошли къ помянутому замку. Нужно при семъ замѣтить одно обстоятельство, доказывающее, что страхъ отнимаетъ догадку; при самомъ вступленіи нашемъ на *Гороховую* улицу поручикъ Никита Кожинъ, бывшій въ заговорѣ и знавшій все, бросилъ экспантонъ свой и вскричалъ: „не надо тебя! теперь со шпагою служить надо“—но сего въ то время никто изъ насъ не понялъ; когда мы шли по улицѣ, то, хотя и соблюдалась нами глубокая тишина по приказанію генерала, но за всѣмъ тѣмъ гулъ отъ ногъ 500 человекъ, блескъ оружія при слабѣющемъ ужъ свѣтѣ фонарей и тихій говоръ солдатъ, возбуждали любопытство жителей домовъ, мимо которыхъ мы проходили, и они полураздѣтые (ибо это было часу въ 12-мъ), отворя форты и высуня головы, смотрѣли на улицу, но увидя насъ, идущихъ въ столь необыкновенное время, опрометью бросались отъ оконъ, такъ то ихъ и насъ напугалъ Павелъ I-й. Въ заговорѣ было немного нашихъ офицеровъ и большая часть ничего не вѣдала, и мы сердечно вѣрили что идемъ тушить пожаръ Михай-

ловскаго замка! И какой пожаръ, думаю и теперь, самый опасный, каковой только представляетъ исторію. Въ темнотѣ и не встрѣчая никого, ибо были первые, шли мы къ замку; подойдя къ оному, насъ остановили и ввели въ бывший при каналѣ экзерцыръ-гаузъ; тутъ окружила насъ совершенная египетская тьма. Ночь была и сама по себѣ темная, и шелъ дождь, а въ экзерцыръ-гаузѣ пуще оная умножилась.

„—Что съ нами будетъ?“ спрашивали мы другъ друга. Пожара въ замкѣ нѣтъ; „вѣрно мы приведены для того“, говорили другіе, слышавшіе предъ симъ распущенные слухи, „чтобы отсюда разослать насъ по Сибири“.—Такъ ломали мы головы, стоя болѣе получаса въ сей темнотѣ, а генералъ нашъ съ нѣкоторыми офицерами, скрывшись отъ насъ, удивлялъ еще болѣе нашу недогадливость; солдаты, повинуваясь совершенно какъ овцы, спрашивали только другъ у друга потихоньку: „пожара во дворцѣ не видно, зачѣмъ же мы здѣсь?“

По прошествіи добраго получаса или болѣе, генералъ сказалъ тихо: „отъ ноги, ступай за мной!“—Мы вышли изъ экзерцыръ-гауза и пошли прямо на площадь замка. Пройдя каналъ, генералъ велѣлъ поднять мостъ, и караулу, стоявшему по ту сторону съ офицеромъ нашимъ Усовымъ, переведа (его) на другую, приказалъ охранять мостъ. Мы прошли уже и монументъ Петра Перваго и все еще подавались ко дворцу, въ которомъ не было освѣщено даже ни одно окно, а не только, чтобы виденъ былъ пожаръ.—Пройдя къ самому замку, генералъ, остановя батальонъ и раздѣля его на части, окружилъ ими весь сей замокъ, строжайше приказавъ не выпускать и не впускать никого во оный и давъ въ то же время повелѣніе вернуть въ ружья кремни и приготовить боевые патроны. Это было часу во второмъ пополуночи. Мнѣ назначенъ былъ постъ у корридора замка, идущаго отъ подъѣзда, что на Царицынъ лугъ, который я и занялъ съ 30-ю или 40 человѣками солдатъ. Стоя тутъ и не постигая всего того, что съ нами дѣлалось, мы увидали въ нѣкоторыхъ комнатахъ бельэтажа быстро двигавшійся огонь, какъ бы въ рукахъ бѣгавшихъ людей, въ то же время по корридору произошла нѣкоторая бѣготня, чего въ темнотѣ разобрать мы не могли, и слышенъ сталъ отдаленный и глухой говоръ людей. Солдаты мои, стоявшіе до того въ совершенной тишинѣ, вдругъ при описанныхъ мною движеніяхъ, сказали другъ другу; „братцы, во дворѣ что-то не здорово?“ и, подошедъ ко мнѣ, довольно быстро сказали: „Ваше благородіе, во дворцѣ не здорово!“—я молчалъ при семъ ихъ вопросѣ, ибо, не вѣдая самъ ничего и не понимая, не могъ имъ ничего отвѣчать. Солдаты начинали колебаться, въ сіе время мы услышали,

ибо ничего не видать было, пистолетный выстрѣлъ и скачку по Царицыну лугу, за каналомъ, какой то кавалеріи, которая по сіе время осталась тайною для меня. Но среди сего затруднительнаго по молодости моей положенія пришелъ къ бекету моему полковникъ Водковскій и сталъ уговаривать солдатъ, вспоминая имъ времена Екатерины II-й, когда служить было легко и подавая имъ надежду на могущую случиться и теперь перемѣну въ правленіи, но солдаты молчали. Вскорѣ явился къ намъ и генералъ нашъ Депперадовичъ и видя неудовольствіе солдатъ возрастающимъ сказалъ Водковскому: „теперь уже пора“, и закричалъ солдатамъ моимъ: „ребята! поздравляю васъ съ новымъ государемъ, у насъ императоръ Александръ. Ура!“— „Ура!“ закричали вѣрные царю наши солдаты и какъ бекеты наши расположены были другъ отъ друга на близкое разстояніе, то „ура“ загремѣло скорѣ вокругъ всего замка; радость наша была неописанна, ибо мы всѣ любили Александра, а потому и ура гремѣло болѣе часу, раздаваясь въ пустыхъ коридорахъ Павлова убѣжища.

Едва миновался восторгъ нашъ, какъ прибыли и два другіе наши батальона; мостъ для нихъ былъ тотчасъ опущенъ и полковникъ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, предводя 1-й батальонъ нашего полка, явился на площади замка, а за нимъ и 2-й и тотчасъ заняли линіи вокругъ дворца отъ Садовой улицы и Лѣтнаго саду. Вскорѣ весь фасъ замка, противу насъ стоявшій, освѣщенъ былъ въ бельэтажѣ, и кавалерія, скакавшая, какъ прежде сказано, по Царицыну лугу удалилась, это было часу въ 4-мъ пополудни.

Носились послѣ слухи, возникшіе отъ арестованія въ сію ночь командира гвардейскихъ гусаръ генерала Кологривова, что, будто сія кавалерія были гусары, разбившіе въ сіе время нѣкоторые кабаки и надѣлавшіе, какъ говорили, разные безпорядки, но за вѣрность слуха сего ручаться я не могу.

По прошествіи нѣкотораго времени, и я думаю, въ исходѣ 4-го часа, ибо было еще темно, съ подѣзда, близъ котораго я стоялъ съ бекетомъ, раздалось нѣсколько голосовъ все еще въ темнотѣ: „Государеву карету!“ И теперь я не могу понять откуда явилась сія карета! приготовлена ли она была съ вечера революціонерами или подвезена тихо въ то время, когда мы заняты были суматохою, въ замкѣ бывшею, сего никакъ не могу рѣшить, но какъ бы то не было, а карета была подана двумѣстная, запряженная четверней и не придворная, ибо тогда придворные экипажи запрягались всегда парадными цугами, а когда и

четверней, то все съ шорами и парадно, а эта карета была заложена ямскими лошадьми и, слѣдственно, была частнаго человѣка. Вскорѣ какъ подали карету, на верху лѣстницы показался большой свѣтъ отъ факеловъ, много офицеровъ и генераловъ и между ними шелъ императоръ Александръ I-й; восхитительная и трогательная минута! Мы бросились къ сему государю, цѣловали его руки и мундиръ, а солдаты ему кричали: „ты отецъ нашъ“! Александръ, будучи и самъ разстроганъ не менѣ насъ, отвѣчалъ намъ сими словами: „Такъ, я отецъ вашъ!“ Сѣвъ въ карету, государь поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ были уже предварительно собраны сенатъ и синодъ; быть можетъ, заговорщики, собравъ сіи сословія, намѣрены были привести Павла I-го сюда, дабы законно лишить его престола, но страсти рѣшили сіе иначе и, быть можетъ, къ лучшему потому, что, привезя сюда государя самодержавнаго, подлежало бы объявить его съ ума сошедшимъ, что было бы весьма затруднительно, а лишить просто престола самодержавца сіи сословія не имѣли ни права, ни власти. Но какъ же были собраны сіи сословія? Тѣми же средствами, какъ и мы, то есть обманомъ,—имъ разосланы были повѣстки въ глухую полночь и сіи повѣстки развезли гвардіи офицеры, которыми сенаторы и архіереи приглашены были въ Казанскій соборъ, а зачѣмъ никто изъ нихъ не зналъ, кромѣ бывшихъ въ заговорѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ дядя мой, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Васильевичъ Леонтьевъ, бывший самъ въ соборѣ, но не знавшій зачѣмъ ихъ собрали до тѣхъ поръ, пока явился Александръ I и прочтенъ былъ имъ манифестъ о смерти Павла I-го, въ которомъ причиной оной выставленъ былъ апоплексическій ударъ!—По отъѣздѣ государя мы всѣ оставались въ томъ же положеніи, и я первый имѣлъ честь отдать Елизаветѣ Алексѣевнѣ императорскую почесть по отъѣздѣ ея при разсвѣтѣ въ Зимній дворецъ, то есть салютовалъ ей при барабанномъ боѣ, чего кромѣ императора и императрицы гвардія никому изъ царской фамиліи не дѣлаетъ; скорѣ послѣ императрицы и вся ихъ фамилія выѣхали въ Зимній дворецъ, оставя сей замокъ навсегда.

12-го числа послѣ полудня смѣнилъ насъ Измайловскій караулъ, и мы въ странномъ ночномъ нарядѣ съ опухлыми отъ бессонницы лицами, въ измокшемъ и потомъ замерзшемъ отъ утренняго мороза платьѣ проходили улицы веселящейся столицы, которой жители толпами прогуливаясь, изъявляли другъ другу радость, обнимаясь между собою и привѣтствуя себя съ благополучной переменой правительства, зная благость новаго монарха. Между сими гуляющими были и странные франты, напримѣръ: круглыхъ шляпъ ни у кого не было, а тре-

угольныхъ не хотѣли уже носить изъ ненависти къ бывшему правительству и такъ, обрѣзавъ поля у треугольныхъ шляпъ сіи франты ходили въ страннаго рода головномъ уборѣ, которому и сами смѣялись; насъ встрѣчали какъ избавителей, хотя изъ благопристойности и не кричали ура, но встрѣчаясь съ нами снимали шляпы и кланялись съ улыбкой благодарности. Такъ кончилось злобное правленіе Павла I-го, о котораго судьбѣ нельзя и не пожалѣть вида, что сей монархъ, могшій снискать благословеніе миллионѣвъ, заслужилъ проклятіе современниковъ и укоризну потомства. Я отъ сей ночной тревоги выдержалъ болѣзнь, при которой вся голова у меня распухла, но, благодаря Господа, сія болѣзнь прошла въ нѣсколько дней, стараніями полкового нашего штабъ-лѣкаря Штофа. Не могу забыть, что, возвратясь съ сей тревоги домой, я спалъ цѣлыя сутки, не ѣвши и не просыпавшись.

Глава XI.

Заговоръ и смерть Павла I-го.

Люди, которые предначертали планъ къ низверженію сего государя были, сколько мнѣ извѣстно, генераль отъ кавалеріи и Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Палень (умершій въ изгнаніи своемъ въ Митавѣ 1826-го года 13 февраля на 82-мъ году отъ рожденія, переживъ воцареннаго имъ Александра почти 3 мѣсяцами), сенаторъ графъ Панинъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Самойловъ; первый изъ нихъ былъ умнѣйшій человекъ своего времени, извѣстный генераль вѣка Екатерины и хитрѣйшій политикъ; онъ склонилъ Павла I-го издать прощеніе выключеннымъ и симъ дѣйствіемъ умножилъ свою партію прибывшими по сему случаю генералами отъ инфантеріи княземъ Платономъ Зубовымъ, графами Валеріаномъ и Николаемъ Зубовыми, къ нимъ пристали прощенные же генераль лейтенанты баронъ Бейнигсенъ (извѣстный потомъ какъ предводитель арміи), Чичеринъ и князь Юшвиль. Сверхъ сего, приобрѣлъ графъ Палень на свою сторону командировъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго генераль-лейтенанта Талызина, Семеновскаго генераль-майора Депрерадовича и кавалергардскаго генераль-адъютанта Уварова. Число сего генералитета умножено было офицерами гвардіи Преображенскаго—полковымъ адъютантомъ Аргамаковымъ, поручикомъ Моринымъ и нашего—полковниками Ситманъ и Вадковскимъ; капитанами Мордвиновымъ, Волковымъ; поручиками Полторацкимъ, Кожинымъ, Власовымъ и другими. Въ семъ заговорѣ было особенно много

кавалергардскихъ офицеровъ, которыхъ я видѣлъ окружавшими Александра I-го при его выходѣ изъ замка и сверхъ сего великимъ количествомъ выключенныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а всего количество заговорщиковъ простиралось до 300 человекъ, судя по многочисленности движенія ихъ въ замкъ, мною и другими нашими офицерами замѣченнаго.

Съ сими то лицами предпринялъ глава и душа всего заговора, графъ Паленъ, произвести переворотъ, который имѣлъ вліяніе не только на судьбу нашего отечества, но и на судьбу всей Европы, что показлъ длинный періодъ военныхъ дѣйствій отъ 1805-го года до 1815 годовъ. Справедливость требуетъ сказать при семъ, что, сколько ни была полезна перемѣна правительства для Россіи, но никакія пользы ея не могутъ извинить ужаснаго пролитія крови государя! сія же самая справедливость требуетъ сказать, что графъ Паленъ не былъ *честолубецъ*, а искалъ въ низверженіи Павла блага имперіи, ибо иначе онъ, будучи сильнѣйшій въ заговорѣ, могъ вознести себя на степень высокую или по крайней мѣрѣ, ограничивъ права Александра I-го, быть участникомъ правленія и обезопасить тѣмъ свою личность. Исторія справедливо назоветъ графа Палена однимъ изъ безкорыстныхъ вельможъ и даже истиннымъ патріотомъ, но пожалѣетъ, что онъ позволялъ себѣ всѣ средства для достиженія своей цѣли—блага и спокойствія своего отечества.

Теперь въ отношеніи убіенія Павла I-го я буду говорить то, что я слышалъ въ то же время отъ своихъ товарищей и знакомыхъ, истину сего тайнаго убіенія, конечно, можно только открыть записками самихъ убійцъ, если они ихъ оставили, но для меня дороги и мои воспоминанія, носящія печать истины по своей простотѣ и по той вѣковой пословицѣ, что „отъ малой искры бываетъ большой пожаръ“, а это подтвердилось ничего не знающимъ Аргамаковымъ, адъютантомъ Преображенскаго полка, который однако былъ тою искрою, которая дала силу и возможность возгорѣться пламени ужаснаго цареубійства.—Но приступимъ къ дѣлу.

Извѣстно, что императоръ Павелъ любилъ быть самолично на всякомъ пожарѣ въ столицѣ и по симъ обстоятельствамъ адъютантъ Преображенскаго полка въ таковыхъ случаяхъ имѣлъ право приходить къ почивальнѣ и докладывать о семъ; впускаемъ былъ во оную во всякое время; симъ простымъ средствомъ воспользовался Паленъ и наклонилъ къ заговору Аргамакова, тогдашняго полкового адъютанта того

полка, дабы имѣть возможность безъ шума пройти къ Павлу, не обращая вниманія придворныхъ служителей, по той потайной лѣстницѣ, которая, какъ сказывали, вела изъ спальни Павла въ коридоры замка, дабы пресѣчь ему ретираду и дѣйствовать многочисленной партіею, которую неудобно было провести черезъ парадныя комнаты. Вслѣдствіе сего, заговорщики раздѣлились на двѣ партіи, одна, подъ предводительствомъ Зубовыхъ, и самая многочисленная, проникла коридорами и помянутой лѣстницей къ спальнѣ Павла I-го, и другая, малѣйшая числомъ, но состоящая изъ знатнѣйшихъ особъ, въ назначенное время подъ начальствомъ графа Палена, когда по расчисленію ихъ Аргамаковъ достигъ спальни, устремилась черезъ парадныя комнаты туда же.

По сему плану Аргамаковъ въ назначенное время пошелъ къ Павлу I-му, и, какъ дежурные камердинеры и прочіе служители, въ переднихъ комнатахъ бывшіе, знали право его, то и пропустили онаго свободно. Приближаясь къ дверямъ спальни, Аргамаковъ сдѣлалъ знакъ, и Павелъ, который, говорятъ, не успѣлъ и заснуть спросилъ: „кто тамъ?“ Аргамаковъ, сказавъ о себѣ, доложилъ о пожарѣ въ городѣ; государь, позвавъ его къ себѣ, спросилъ „гдѣ?“—Въ сіе время Аргамаковъ, пользуясь слабымъ свѣтомъ горѣвшей лампы, мимо ширмъ достигъ сказанной ему двери, тронулъ пружину и—Зубовы влетѣли въ спальню. Встревоженный симъ Павелъ I-й вскочилъ съ постели и въ то же время графъ Паленъ, шедшій съ знатными особами по параднымъ комнатамъ, и котораго зная, всѣ не смѣли остановить, явился предъ государемъ!—Предъ спальнею сія именитая партія рѣшила убить кинжаломъ сопротивлявшагося ходу оной подкамердинера императорскаго, въ другихъ же комнатахъ оцѣпенѣніе и паническій страхъ столь поразили служителей, что они ни малаго даже и вопроса не смѣли сдѣлать идущимъ, зная ихъ чины и довѣренность у государя. Пришедши въ себя, и, быть можетъ, услышавши шумъ, одинъ изъ камеръ-лакеевъ, бывшій въ ближайшей комнатѣ, ударился бѣжать въ караульную главной гауптвахты (ибо внутренняго караула поручикъ Маринъ, бывшій, какъ выше видно, въ караульнѣ и будучи въ заговорѣ, будто получа повелѣніе, перевелъ часовыхъ за нѣсколько комнатъ изъ той, черезъ которую надо было идти графу Палену).

Лакей сей, прибѣжавъ на гауптвахту, кричалъ: „что вы спите, государя рѣжутъ!“—бывшій старшимъ унтеръ-офицеромъ, Михайловъ, думая, что онъ сумасшедшій, схватя его, велѣлъ связать и бросить подъ нары; въ сіе время прибѣжалъ въ караульную другой лакей или, какъ говорили, подкамердинеръ Павла I-го и, вскричавъ „государя рѣжутъ!“,

пустился бѣжать изъ караульни; на шумъ сей всѣ солдаты встали, а Михайловъ, разбудя пьянаго Воронкова, донесъ ему о случившемся. Сей капитанъ, все сіе происшествіе, бывшее у нихъ въ караульнѣ самъ миѣ рассказывавшій, вскоча, не зналъ что ему дѣлать.—Хотѣлъ спросить совѣта у Мордвинова, бывшаго, какъ выше сказано, главнымъ рундомъ, но его не было, хватился Полторацкаго—и его нѣтъ, тутъ, не зная, что дѣлать, посмотря на часы и, видя 1-й часъ пополуночи, рѣшился послать брата моего Владимира осмотрѣть посты во дворцѣ, хотя и не было еще 2-го часа, въ которое время визитеръ рундъ долженъ былъ ходить. Оставшись одинъ, Воронковъ не зналъ на что рѣшиться, ибо другой офицеръ Ивашкинъ былъ молодъ и ничего не зналъ, а, слѣдственно, и совѣта ему подать не могъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился ожидать, стоя у камина, донесенія моего брата и велѣлъ быть осторожнѣ часовымъ, спрашивалъ пойманнаго лакея и видя, что онъ въ полномъ умѣ, ужасался его словъ, но не дѣйствовалъ, да и не могъ дѣйствовать, если разсуждать,—что было ему дѣлать? Если бъ броситься къ Павлу I-му,—сего не смѣлъ онъ сдѣлать и оставить самовольно постъ свой, да и внутренніе караулы есть,—послать къ коменданту? но если все выйдетъ ложь?—тогда голову на плаху. Да и комендантъ, живучи въ замкѣ, все могъ слышать самъ лучше Воронкова, котораго обязанность была охранять только входы замка, что онъ и исполнялъ строго. Послѣ уже онъ догадался для чего Мордвиновъ не ходилъ главнымъ рундомъ, ибо онъ давалъ время заговорщикамъ управляться съ Павломъ, а Воронкову спать. Но это послѣ, а не тогда, когда и самъ испугался и видѣлъ еще Ивашкина, прижимавшагося отъ страха къ знаменному прапорщику Гуркѣ (что нынѣ генералъ-майоръ).

Думать надобно, что заговорщики прошли въ замокъ или во время еще ужина, когда князь Волконскій угощалъ Воронкова виномъ, или Полторацкій, во время сна его, пропускалъ оныхъ на разныхъ постахъ, какъ караульный офицеръ, или они издавна прошли въ оный, чего никакъ Воронковъ ни понять, ни объяснить не могъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на главной гауптвахтѣ замка, заговорщики, какъ сказано выше, достигли Павла I-го. Государь сей, увидавъ Зубовыхъ сказалъ: „что это такое?“ но когда увидалъ вошедшаго въ сіе время и Палена съ другой стороны спальни, то, мгновенно постигнувъ всю свою опасность, взглянулъ на онаго и сказалъ жалобнымъ голосомъ: „и ты противъ меня!“ Тогда Платонъ Зубовъ,—подойдя къ императору и вычисля всѣ его противозаконныя дѣйствія, какъ то:

уничтоженіе дворянской грамоты, повелѣніе наказывать тѣлесно оныхъ, отдачу его любимцамъ государственныхъ имуществъ, какъ на примѣръ: рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ графу Кутайсову и прочая;—требовалъ отъ Павла I-го отреченія отъ престола въ пользу наслѣдника.

Павелъ, выслушавъ въ первый еще разъ въ своей жизни горькую истину и движимъ будучи опасностію своей жизни, согласился подписать отреченіе отъ правленія, но въ сіе время свирѣпый генералъ князь Юшвиль вскричалъ Зубову: „князь, полно разговаривать! теперь онъ подпишетъ все, что вы хотите, а завтра головы наши полетятъ на эшафотъ!“—и съ сими словами ударилъ государя табакеркой въ високъ. Павелъ I-й, вскричавъ: „Александръ! Константинъ!“—упалъ отъ сего жестокаго удара на полъ. Сдѣлавъ столь ужасный шагъ, надлежало уже по необходимости идти далѣе, и Павелъ I-й, гроза народа и арміи, самодержавецъ величайшей въ мірѣ монархіи, убитъ былъ тиранскимъ и мучительнымъ образомъ, о которомъ благопристойность говорить воспрещаетъ. Такъ кончили дни свои грозный Павелъ I-й! дни, которыми, посвятивъ ихъ благу своего народа, могъ онъ снискать благословеніе современниковъ и потомства.

Но обратимся къ событіямъ того времени.

Глава XII.

Происшествія по вступленіи на престолъ Александра I-го и судьба убійцъ.

По совершеніи ужаснѣйшаго царевубійства, убійства за которое Россія наказана была войнами, голодомъ и разореніемъ въ теченіи 24 лѣтъ, Зубовы, Панинъ, Бейнигсенъ пошли къ наслѣднику съ ужаснымъ для добраго сердца его объявленіемъ.—Сказывали тогда, что Александръ I-й при семъ извѣстіи, упавъ въ кресло, рѣшительно отказывался отъ правленія, обвиняя убійцъ, не выполнившихъ его требованія не касаться до покойнаго его родителя. (Говорили тогда, что Александръ I-й зналъ о предположенной революціи, но желалъ только отреченіемъ Павла I-го спасти Россію отъ гибели—дурнымъ правленіемъ его и преднамѣренною войною съ Англіею—ей угрожавшею. Да иначе и быть сего не могло, потому что если бы Александръ I-й не былъ согласенъ на сей переворотъ, то заговорщики бы въ семъ не успѣли, насъ бы не приводили ночью, и смерть Павла I-го не произвели бы въ

караулъ нашего полка, весьма преданнаго своему шефу Александру Первому; однимъ словомъ Александръ все зналъ, но быть отцеубійцей не могъ по своему сердцу), но, когда убійцы отца дерзнули сказать сыну, что если онъ не согласится принять правленія, то увидить рѣкою пролитую кровь въ своей фамиліи, тогда Александръ I-й далъ свое согласіе вступить на обгаренный дымящейся кровью престолъ!

Между тѣмъ какъ сіе происходило въ комнатахъ наслѣдника, графъ Паленъ въ сопровожденіи толпы заговорщиковъ пошелъ на главную гауптвахту, пришедъ ко оной, графъ приказалъ часовому ударить два раза въ колокольчикъ (чѣмъ вызывались тогда караульные къ ружьямъ); капитанъ Воронковъ, стоя, въ ожиданіи свѣдѣнія отъ брата моего, какъ сказано въ XI-й главѣ, у камина и услыхавъ звонъ колокольчика, бросился первый къ ружьямъ и увидавъ Палена, стоявшаго у плацъ-формы съ толпою заговорщиковъ державшихъ, зажженные факелы, поспѣшно скомандовавъ отъ ноги, приказалъ заходить караулу справа и лѣва въ намѣреніи окружить графа (дѣлая все сіе, какъ самъ послѣ признавался, въ ужасѣ, и не зная чтó самъ дѣлалъ), но сей закричалъ въ сіе время: „ребята, у насъ императоръ Александръ! Ура!“ Воронковъ, кричавшимъ съ великимъ усердіемъ солдатамъ ура, хотѣлъ сіе воспретить, закричавъ „цыцъ!“ Но графъ Паленъ, бросаясь къ Воронкову и схватя его за галстукъ, сказалъ ему: „молчи, я тебя удавлю!“ и обратясь къ явившемуся теперь поручику Полторацкому сказалъ: „извольте командовать на караулъ!“ по исполненіи чего графъ самъ прочелъ манифестъ о вступленіи на престолъ Александра I-го и привелъ весь караулъ къ присягѣ.

Такъ кончилось происшествіе на главной гауптвахтѣ послѣ чего и настало совершенное спокойствіе. Воронковъ самъ сказывалъ, что Паленъ едва было не удавилъ въ самомъ дѣлѣ его, и не мудрено; графъ былъ высокаго роста и мужчина здоровый, а Воронковъ маленькій и толстенный.

Вступленіе Александра I-го на престолъ Россіи было всеобщимъ торжествомъ, смѣло можно сказать, что ни одинъ государь не видалъ при началѣ своего правленія толикаго восторга своего народа, каковой произведенъ былъ во всей столицѣ одною мыслью, что императоръ у него—Александръ! Гдѣ бы ни являлся сей юный и пречестнѣйшій государь, какъ бывалъ окруженъ тысячами восхищеннаго народа, кричавшаго „ура!“ и цѣловавшаго даже лошадь царскую; восторгъ былъ всеобщій отъ вельможи до послѣдняго поденщика, никто тогда и не мыслилъ, чтобы царствованіе Александра прекраснѣйшаго могло быть

только бурнымъ и бѣдственнымъ отъ кровопролитныхъ войнъ, тяжести налоговъ и неправосудія, какъ въ послѣдствіи то мы видѣли. Такъ ошибались люди, думавшіе по гордости своей, что избрали лучшее самовольно, не хотя переносить то, что не могло быть безъ воли Божіей! 24-лѣтнее правленіе Александра I-го доказало всю тщетность расчетовъ и надеждъ людскихъ, основывавшихся, какъ всѣмъ казалось, на безпристрастной и строгой истинѣ. Первымъ дѣйствіемъ Александра при вступленіи на престолъ было освобожденіе всѣхъ арестованныхъ и заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости несчастныхъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ грознаго его родителя; вторымъ—уничтоженіе ужасной Тайной Экспедиціи; третьимъ—изданіе манифестовъ, которыми подтверждены права и привилегіи дворянства и купечества, и навсегда уничтожены во всей имперіи пытки; сими великими и блистательными дѣяніями монархъ сей, приведя въ упоеніе столицу и всю имперію, утвердился на тронѣ, любовію своихъ подданныхъ огражденный. Свидѣтель толь высокой и истинно царской благодати, что долженъ былъ чувствовать графъ Паленъ, даровавъ таковаго царя отечеству? Но сіе утвержденіе на окровавленномъ тронѣ, Александръ, желая освятить уваженіемъ къ браннымъ остаткамъ почившаго государя и родителя своего, учредилъ великую пышность какъ въ дежурствѣ при тѣлѣ его такъ и въ богатомъ катафалкѣ и великолѣпнѣйшемъ погребеніи.

Тѣло Павла I-го отъ дня кончины его, бывъ одѣто въ порфиру и корону и положенное въ богатомъ гробѣ, окруженномъ всѣми регаліями государственными, было поставлено въ одной изъ залъ Михайловскаго замка (что нынѣ Инженерный), обитой чернымъ сукномъ, на великолѣпномъ о нѣсколькихъ ступеняхъ катафалкѣ, на которомъ стояли вокругъ гроба 4 гвардейскихъ офицера, 4 камеръ-юнкера, 2 камергера, 1 сенаторъ и много камеръ-пажей и пажей; весь катафалкъ ровно и балдахинъ обиты были малиновымъ бархатомъ съ богатыми газомъ, бахромою и кистями, а стѣны зала уставлены были гербами имперіи на черномъ сукнѣ. Я былъ дежурнымъ при тѣлѣ два раза; въ таковомъ видѣ представлено было глазамъ народа тѣло монарха, обладавшаго великою имперіею болѣе 4 лѣтъ. Погребеніе соотвѣтственно было величію почившаго монарха могущественнаго царства земного, въ которомъ несены были короны и знамена, мечи и гербы; ведены были парадныя лошади, несено множество орденовъ своихъ и чужихъ, ѣхали два воина; одинъ въ черныхъ, другой въ золотыхъ латахъ, множество придворныхъ экипажей; весь сундукъ шелъ предъ гробомъ почившаго, за которымъ шелъ Александръ I-й и братъ его Константинъ, оба въ глубокомъ траурѣ, а по сторонѣ гроба шелъ пѣшкомъ съ уклоненной

шпагой графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. Гвардія была въ парадѣ отъ Михайловскаго замка до Крѣпости, и мы стояли линіями. Такимъ образомъ почти бранныя остатки родителя своего и предавъ оныя землѣ, Александръ вскорѣ, и именно въ іюнѣ, послалъ графа Палена въ политическую ссылку въ Курляндію, графа Панина въ свои деревни, Бейнигсена въ Вильну, а Зубовыхъ Платона за границу, Валеріана и Николая въ деревни; сихъ послѣднихъ удалилъ онъ уже послѣ коронаціи, какъ равно и графа Самойлова. Такъ дѣйствовалъ сей государь въ смыслѣ строгой политики, ибо наказать ихъ строже значило бы открыть государственную тайну смерти отца своего, что было бы весьма опасно и даже безразсудно. Но и сіе наказаніе должно было быть очень тягостно для людей, надѣявшихся занять первыя мѣста въ государствѣ и осужденныхъ теперь жить въ тяжкой для нихъ неизвѣстности и презрѣніи.

Глава XIII.

Утро Святой недѣли 1801-го года, памятникъ Суворову и походъ въ Москву.

Любимый Александръ I-й въ блескѣ юности и тѣлесной красоты, которою умѣлъ онъ очаровать всѣхъ, имѣвшихъ доступъ къ его особѣ, явился намъ и въ пышности царской въ 1-й день Святой недѣли. Наканунѣ дня сего повѣщено намъ было, чтобы по первому пушечному выстрѣлу вставать и одѣваться, по второму ѣхать въ Зимній дворецъ, а по третьему начнется благовѣстъ при всѣхъ церквахъ столицы,—и такъ съ первымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ крѣпости, я, вскоча съ радостнымъ духомъ, началъ одѣваться по новой формѣ, данной намъ за нѣсколько дней, то есть вмѣсто щиблетъ и штановъ я надѣлъ панталоны и высокіе сапоги, вмѣсто богатаго, но безтолковаго надѣлъ прекрасный мундиръ съ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и съ выкладкою краснаго сукна по фалдамъ, и взявъ въ руки шляпу украшенную большимъ чернымъ султаномъ, полетѣлъ въ Зимній дворецъ въ 11 часовъ при второмъ пушечномъ выстрѣлѣ; на улицахъ, освѣщенныхъ фонарями, я увидалъ движеніе экипажей и народа, суетящихся радостно; первые направлялись большею частію ко дворцу, а послѣдніе стремились въ разные великолѣпные храмы столицы.

Взойдя во дворецъ, я былъ, такъ сказать, ослѣпленъ и пораженъ блескомъ освѣщенія, сіяніемъ звѣздъ, брильянтовъ, золота и серебра,

покрывавшихъ дворъ и вельможъ великаго царя; тутъ являлись мнѣ сановники Екатерины II-й, покрытые сѣдинами и знаками чести и славы и съ важностію ходившихъ по свѣтящейся залѣ; тамъ рой царедворцевъ, покрытыхъ золотомъ жужжалъ между собой, любуясь своими нарядами, а здѣсь многочисленное собраніе сенаторовъ, министровъ и первокласныхъ чиновъ, тихо прохаживаясь, разговаривало въ полголоса между собою, наконецъ наша братія, офицеры гвардіи, съ военною быстротою размахивая эксельбантами и гремя шпорами, толпились между рядами сихъ почтенныхъ особъ, сосредоточиваясь по полкамъ своимъ, будучи руководимы своими генералами, съ важною радостнаго лица миною устраивавшихъ насъ во срѣтеніе имѣющаго вскорѣ явиться монарха нашего. Наконецъ явился сей монархъ и сей царь сердець! съ кроткою улыбкою, съ радостью и благосклоннымъ взоромъ, онъ шелъ съ важностію царя въ предшествіи своего блистательнаго двора, ведя свою юную супругу и окруженный пышною свитою; сія минута неописанна! Царь нашъ былъ царь не только по духу и дѣламъ, но онъ былъ царь по красотѣ, по чаровательному взору, однимъ словомъ Александръ I-й былъ истинно царь по превосходству! Но вотъ сіе солнце начало удаляться отъ насъ, и мы, какъ бы влекомые силою притяженія, устремились за нимъ въ храмъ Божій, тамъ, по окончаніи заутрени, мы вслѣдъ за чинами двора его съ нимъ христосовались, и я въ сей день имѣлъ отличнѣйшую честь поцѣловать въ губы сего государя, а государынѣ мы кланялись. По окончаніи божественной литургіи, Александръ I-й, въ предшествіи блистательнаго двора своего, возвратился во внутреннія комнаты, а я, полный восторга отъ всего видѣннаго, удалился въ свою квартиру. Такъ сей монархъ привлекалъ къ себѣ благоснисхожденіемъ своихъ подданныхъ, и увѣренный, что въ монархіяхъ непремѣнно нужно соревнованіе въ славѣ, далъ вскорѣ блистательнѣйшее доказательство уваженія своего къ знаменитымъ заслугамъ, воздвигнувъ превосходный памятникъ герою Рымника, Польши и Италіи безсмертному нашему Суворову.

Памятникъ сей, поставленный на Царицыномъ лугу, иначе Марсовымъ полемъ называемымъ (сей памятникъ предъ 1825-го годомъ императоромъ Александромъ I-мъ перенесенъ на особую площадь, Суворовской и названной, и поставленъ въ семъ же видѣ), изображалъ Суворова во весь ростъ въ мантии и римскомъ шишакѣ, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ и держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба, которымъ прикрывалъ онъ стоящія короны: императорскую Австрійскую, папскую тіару и королевскія: Сардинскую и Неаполитанскую, а въ правой рукѣ, поднятой

кверху, и изогнутой противъ шеи къ лѣвому плечу, держалъ онъ мечъ-эмблему громоносныхъ побѣдъ своихъ въ Италіи, на защиту сихъ государствъ одержанныхъ; на шеѣ у него на двухъ цѣпяхъ висятъ вензеля Екатерины II-й и Павла I-го, въ царствованіе которыхъ прославилъ онъ оружіе наше. На пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ мрамора вышиною аршина въ три, по сторонамъ утверждены мѣдныя доски съ изображеніемъ знаменитѣйшихъ побѣдъ Суворова, а съ лицевой стороны золотыми словами изображена слѣдующая надпись: „Генералиссимусу, князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому 1801-го года“. Статуя Суворова, ровно щитъ, мечъ и прочее, вылиты изъ зеленой мѣди, подобно монументу Петра Великаго. Для открытія сего памятника въ исходѣ іюня 1801-го года собраны были батальоны гвардіи и армейскихъ полковъ, въ Петербургѣ стоявшихъ, и роты артиллеріи; войска сіи, въ назначенный день бывъ собраны, выстроились линіями по Царицыну лугу въ видѣ огромнаго полукруга отъ самаго памятника, который закрытъ былъ огромными ширмами. Когда мы выстроились и о семъ донесено было государю, то (явился) сей монархъ, окруженный великимъ числомъ посѣдѣвшихъ въ браняхъ генераловъ, между которыми былъ и знаменитый впослѣдствіи времени Кутузовъ, тогдашній военный губернаторъ столицы; при появленіи императора мы ему отдали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ; государь, остановясь въ срединѣ круга войскъ, прямо противъ памятника, извоилъ вынуть шпагу изъ ноженъ (въ знакъ, что онъ самъ будетъ командовать) и послалъ князя Волконскаго съ приказаніемъ опустить ширмы, закрывавшія героя отъ нашихъ любопытныхъ глазъ. Во мгновеніе ока ширмы упали и намъ явился блестящій отъ солнца видъ великаго мужа!—государь тотчасъ самъ скомандовалъ: „палить!“ и грома пушекъ, соединясь съ залпами батальоновъ, потрясъ воздухъ, потрясли и сердца всѣхъ зрителей, исполненныхъ восторга при видѣ того, кто всю жизнь свою посвятилъ на славу и защиту отечества. По совершеніи трехъ залповъ мы подъ предводительствомъ государя пошли мимо памятника Суворова церемоніальнымъ маршемъ и салютовали оному; проходя мимо котораго, я видѣлъ государя, стоящаго по правую сторону изображенія героя съ опущенной шпагой.*)

Въ исходѣ іюля полки гвардіи начали выступать изъ Петербурга въ Москву, куда и я выступилъ съ 3-мъ батальономъ Семеновскаго полка подъ начальствомъ генералъ, майора Лихачева. При выступленіи нашемъ государь съ двумя принцами Баденскими, отцомъ и братомъ его супруги. пріѣзжалъ къ намъ и смотрѣлъ насъ при выходѣ изъ столицы.*)

*) Въ сихъ мѣстахъ въ рукописи вырѣзка, почти, что въ четыре страницы.

Глава XIV.

Вступленіе въ Москву, въѣздъ въ оную Александра I-го и его коронація.

Бывъ привѣтствуемы и встрѣчаемы радостно, мы шли въ Москву какъ бы прогулкою на разстояніи 720 верстъ, и достиг *)

ожидали прибытія монарха, ибо онѣй въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ въ Петропавловской подѣздный дворецъ, въ полуторѣ верстѣ отъ Москвы лежащій, куда мы и ѣздили для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вскорѣ послѣ сего, послѣдовалъ торжественный въѣздъ сего государя въ столицу, пришедшую во всеобщее движеніе при семъ триумфѣ. Въ назначенный для сего день, помнится, 8-го Сентября, выстроена была гвардія по улицамъ, гдѣ долженствовало быть шествіе монарха, по обѣ стороны оныхъ въ одну шеренгу такъ, что отдавъ честь и откинувъ ружье отъ ноги одинъ гренадеръ касался онимъ лѣваго бока другого; офицеры были поставлены частію по симъ шеренгамъ, частію при знаменахъ, которыя со всѣми батальонами, барабанщиками, флейтчиками и музыкою подъ прикрытіемъ взвода усатыхъ гренадеръ поставлены были на флангахъ батальоновъ. Нашъ 3-й батальонъ выстроенъ былъ отъ Никольскихъ воротъ мимо церкви Владимирской, вдоль по улицѣ и примыкалъ лѣвымъ флангомъ ко онимъ, а правымъ къ лѣвому флангу 2-го батальона нашего полка.

Пышный и блистательный въѣздъ сего государя открывалъ взводъ прекрасныхъ и покрытыхъ золотомъ и барсовыми мантиями гвардейскихъ гусаръ подъ предводительствомъ шефа своего, отличнѣйшаго ѣздока того времени, генералъ-лейтенанта Кологривова, который имѣлъ видъ истинно гусарскій и лошадь его пожирала, такъ сказать, землю, дѣлая безпрестанные обороты то въ ту, то въ другую сторону. За ними ѣхали почтальоны, и цуги знатнѣйшихъ вельможъ; чтобы дать понятіе о длинномъ семъ рядѣ великолѣпнѣйшихъ экипажей знаменитыхъ сановниковъ, скажу объ одномъ изъ нихъ, оставшемся у меня въ свѣжей памяти; блистательный сей цугъ принадлежалъ князю Куракину, онѣй состоялъ изъ шести прекраснѣйшихъ соловыхъ лошадей, заложенныхъ въ выложенную перламутромъ и покрытую въ приличныхъ мѣстахъ золотомъ карету, на сихъ лошадяхъ хомуты и шоры были зеленые бархатные, вышитые золотомъ, равно какъ и возжи, и на головахъ у лошадей были зеленые перья. Предъ симъ цугомъ ѣхали два верховыхъ

*) Въ семъ мѣстѣ въ рукописи вырѣзка въ страницу.

лакея въ палевой съ серебромъ ливреѣ, за ними два скорохода; а по обѣ стороны кареты шли два гайдука, за каретой же стояли 4 лакея и всѣ въ одинаковыхъ съ вершниками ливреяхъ богато обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; таковыхъ блистательнѣйшихъ цуговъ ѣхало, думаю, болѣе двадцати, рознившихся цвѣтомъ только ливрей и видомъ каретъ, но не богатствомъ, оныя принадлежали князю Юсупову, графамъ Шереметевымъ, Строгонову, Салтыкову, Самойлову, Орлову-Челинскому; господамъ: Еропкину, Нарышкинымъ и другимъ вельможамъ. Блескъ пышныхъ ихъ экипажей вполне изображалъ величіе монарха, которому они служили, и дѣлалъ видъ великолѣпія, доселѣ невиданнаго! Не должно думать, чтобы описанной мною цугъ князя Куракина былъ богатѣе другихъ, онъ имѣлъ болѣе другихъ вкуса, а не богатства; Шереметева карета была золотая, осьмистекольная, а ливрея красная съ золотыми галунами; хомуты же и шоры были малиновые бархатные, шитые золотомъ и блестками; другія ливреи были столь же богаты какъ и сія, но я сокращаю описаніе ихъ, помня, впрочемъ, ихъ столь живо, какъ бы вчера. Столько то врѣзалось въ мою память сіе дивное богатство.

За сими цугами ѣхали церемоніймейстеры съ жезлами, камергеры и великіе чины двора, потомъ государственный совѣтъ, придворныя богатыя кареты, и взводъ кавалергардовъ, предводимыхъ прекрасной фигуры и виднымъ собою генералъ-адъютантомъ Уваровымъ; за симъ взводомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ Александръ I-й безъ шляпы, кланаясь на обѣ стороны тысячамъ народа и дворянства, покрывавшимъ улицы, и всѣ мѣста, нарочно для помѣщенія послѣднихъ устроенныя. По правую сторону сего государя ѣхалъ цесаревичъ Константинъ, а по лѣвую знаменитый графъ Чесменскій; за нимъ ѣхала многочисленная и блистательная свита, украшенная многими посѣдѣвшими во браняхъ знаменитыми генералами; за сею свитою ѣхали богатыя придворныя кареты, въ которыхъ сидѣли обѣ императрицы и прочіе члены царской фамиліи, а за ними второй взводъ кавалергардовъ. Императрицы сидѣли въ золотыхъ каретахъ восемью лошадьми каждая запряженныхъ, и у императрицы матери на верху кареты была поставлена золотая корона, у царствовавшей же не было оной, ибо не была еще коронована. Предъ каретами, возлѣ и сзади оныхъ, ѣхали камеръ-пажи и шталмейстеры, а на ремняхъ сидѣли пажи всѣ въ богатѣйшей придворной ливреѣ, обложенной гассами съ орлами. Встрѣчи, дѣлаемыя Александру I-му, были торжественны, врата прекраснѣйшей архитектуры, у которыхъ расположены были разные чины столицы; у Никольскихъ, гдѣ я стоялъ, расположены были синодалыныя пѣвчіе и сту-

денты духовной академіи подъ предводительствомъ своего архимандрита Владимира по обѣ стороны оныхъ, и когда государь сей подѣхалъ къ онымъ, то пѣвчими воспѣтъ былъ кантъ, а студенты устлали путь ему лавровыми вѣнками и масличными вѣтвями. Такимъ образомъ, сія пышная и блистательная процессія, пройдя черезъ большую часть древней столицы, остановилась у дворца въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ тогда и остановился государь сей до дня своего коронованія; накануне котораго и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

Ликуя при семъ отечественномъ празднествѣ и встрѣчая съ восторгомъ и умиленіемъ любимаго своего Александра I-го, могли ли жители Москвы думать, что черезъ 12 лѣтъ сей самый Александръ привлечетъ своими ошибками арміи всей Европы въ нѣдра ея, и что она разрушена будетъ до основанія тѣмъ корсиканцемъ Бонапартомъ, о которомъ тогда большая часть ихъ и не слыхивала? конечно не думали, но мечъ небеснаго правосудія готовъ былъ карать царя сего, а съ нимъ и царство его за гордость ихъ и самонадѣяніе одного на другого. Александръ I-й въ 1803 году, покровительствуя прелюбодѣянiямъ подданныхъ, усыновляя незаконнорожденныхъ дѣтей ихъ, явилъ всенародно презрѣніе свое къ уставамъ вѣры и нравственности, а послѣдующими своими дѣянiями погрузилъ въ пропасть свое отечество, доказалъ тѣмъ, что заслуживалъ не восторгъ, но унылость своего народа и то, что первоначальное восхищеніе не суть порука царямъ за любовь ихъ народовъ! Мы видѣли тогда во Александрѣ I-го ангела мира, а Всемогущій, зрящій глубину сердца царя, зрѣлъ въ немъ будущаго истребителя благоденствiя отечества нашего.

Коронованіе, совершенное въ 15-й день сентября, было, соотвѣтственно величію Россіи, (было) блистательно и великолѣпно. Мы, то есть вся гвардія, къ 7 часамъ утра того дня выстроены были линіями по Кремлю, нашъ батальонъ примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ Успенскому собору, а правымъ ко 27 батальону нашего полка. Къ 8 часамъ утра заревѣлъ ужасный колоколъ на Иванѣ Великомъ, а вскорѣ явился на Красномъ крыльцѣ и Александръ I-й въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ лентѣ Андреевскаго ордена, имѣя звѣзду онаго брильянтовую. Сойдя съ лѣстницы, онъ пошелъ въ соборъ подъ богатѣйшимъ балдахиномъ золотого глазета съ таковою же бахромою и кистями; верхъ сего балдахина, утвержденный на серебряныхъ столбахъ, украшенъ былъ пуками бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Сему государю сопутствовала и незабвенная благодѣтельная Елизавета Алексѣевна, его супруга; при появленіи государя мы ему салютовали при боѣ бара-

бановъ и играній музыки. Коронованіе отправлялъ извѣстный тогда умомъ митрополитъ Платонъ и, по совершеніи онаго, говорилъ Александру І-у столь назидательное привѣтствіе, что едва ли бы кто кромѣ его осмѣлился сказать таковыя истины въ лицо самодержавному монарху! Сія рѣчь, въ послѣдствіи переведенная на многіе языки, изумляла даже самыхъ свободныхъ французовъ своею рѣзкою истиною, сказанною въ наставленіе царей.

По окончаніи коронованія (во время котораго при возложеніи короны государемъ на голову свою, при многолѣтій и мѣропомазаніи производима была нами пальба батальонными залпами, сопровождаемая пушечными залпами же гвардейской артиллеріи и Кремлевскихъ батарей) Александръ І-й по обыкновенію пошелъ въ Благовѣщенскій и другіе соборы для поклоненія гробамъ предковъ своихъ; онъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ предшествіи многочисленныхъ депутатовъ разныхъ сословій имперіи, всего двора и государственныхъ регалій предносимыхъ генералитетомъ, имѣя на себѣ корону и порфиру, въ лѣвой рукѣ державу, а въ правой скиптръ. Въ семъ блистаніи встрѣченъ онъ былъ залпами артиллеріи, ужаснымъ колокольнымъ звономъ, нашею музыкою и барабанами; и все сіе, потряся воздухъ и поколебавъ землю, производило неизъяснимое чувство восторга и благоговѣнія къ человѣку, облеченному возможною земною славою и поистинѣ превознесенному. Государь сей шествовалъ по деревянному помосту обитому алымъ сукномъ съ золотыми галунами, простиравшемуся между всѣми соборами и дворцами подъ балдахиномъ и проходилъ весьма близко мимо меня, и я успѣлъ довольно насмотрѣться на красоту и величіе, можно сказать, нечеловѣческія.

Императорская корона сдѣлана вся изъ золота и сплошь осыпана крупными брилліантами (ожуръ) лучшей воды; на верху ея поставленъ лалъ (камень алаго цвѣта, величиною въ голубиное яйцо), на которомъ утвержденъ брилліантовый же крестъ; бортъ сей короны осыпанъ брилліантами ряда въ три, величиною въ большой русскій орѣхъ. Держава сдѣлана шаромъ, а внизу для руки поддонъ также изъ золота и обведена кругомъ и крестообразно отъ верха до низу крупными брилліантами, на верху ея поставленъ лалъ такой же, какъ и на коронѣ, а на немъ крестъ брилліантовый; скиптръ золотой, вышиною около аршина, осыпанный по мѣстамъ крупными брилліантами, а на верхнемъ концѣ его утвержденъ великій алмазъ во 194 карата вѣсомъ, цѣнимый въ милліонъ рублей серебромъ; на семъ огромномъ и драгоцѣнномъ брилліантѣ, отшлифованномъ пирамидально, утвержденъ государственный

гербъ изъ брилліантовъ же; столь великое богатство, блистая отъ яркости солнца, представляло Александра I-го по истинѣ чѣмъ то болѣе, нежели человѣкомъ.

Глава XV.

Возвращеніе въ Петербургъ; чтеніе первой книги; переходъ въ армію и отставка.

По окончаніи празднествъ коронаціи мы выступили обратно въ Петербургъ, куда и пришли въ исходѣ Октября. Здѣсь въ первый разъ по вступленіи своемъ на тронъ показалъ намъ Александръ I-й, что и онъ любилъ, подобно родителю своему, заниматься вздоромъ. Мы, пришедъ къ Петербургу въ самый ненастный и холодный день и остановясь у заставы, дожидались часа три пріѣзда государева, которому донесли о нашемъ прибытіи, и онъ, будучи повелитель великой имперіи, рѣшился потерять нѣсколько часовъ на встрѣчу одного батальона!! должно признаться, что измокнувъ и перезябнувъ по пустому, мы очень досадовали въ первый еще разъ на сего государя.

Благоволеніе монарха ко мнѣ продолжалось, я служилъ ревностно, но и зависть моихъ товарищей по службѣ была неусыпна. Молодость и неопытность моя дѣлала въ глазахъ моихъ всѣхъ мнѣ друзьями, и я полагалъ что меня всѣ любятъ и желаютъ мнѣ блага. Сію то неопытностію воспользовались нѣкоторые офицеры нашего полка и начали мнѣ совѣтовать удержать дѣлаемое мнѣ государемъ вспоможеніе по 600 руб. въ годъ всегдашнимъ пансіономъ, что по бѣдности моей и по тягостному оной напоминанію ежетретно князю Волконскому было бы для меня лучше. Къ исполненію сего плана друзья сіи, ищущіе моего удаленія, а себѣ вакансій, совѣтовали мнѣ подать просьбу о выпускѣ въ армію, дабы тѣмъ, когда государь пожелаетъ меня спросить о причинѣ онаго, воспользовавшись, объяснить бѣдное свое состояніе и получить назначеніе получать пособіе безъ просьбъ и всегда аккуратно. Безумное сіе предложеніе, теперь бы мною съ презрѣніемъ отвергнутое, казалось тогда мнѣ прекраснымъ и потому болѣе, что государь, в недавнѣ, заплатя долги моей матери, до 7000 рублей простиравшіеся за мою и брата моего службу, могъ иногда объявить и неудовольствіе за частыя просьбы, да и мнѣ совѣстно было при всей моей бѣдности утруждать сего государя, благодѣтеля моего и моей матери, частыми просьбами о себѣ, къ чему принуждало меня малое содержаніе отъ отца моего получаемое, простиравшееся до 200 рублей въ годъ,

хотя отецъ мой получая болѣе 3000 рублей ежегоднаго дохода и не имѣя при себѣ никого изъ дѣтей, ибо всѣ они жили при матери въ ея имѣніи, могъ бы и утроить мое содержаніе—памятуя, что на мое воспитаніе не употреблено имъ и мѣднаго гроша.

Въ сихъ совѣтахъ друзей моихъ прошла вся зима, въ теченіе которой мнѣ попалась первая книга въ моей жизни, которую я и прочелъ съ жадностью; сія книга была романъ дю Кре дю Мениля „Викторъ или дитя въ лѣсу“, и она то пріохотила меня къ чтенію, столь страстно въ послѣдствіи мною любимому и отъ котораго получилъ я все мое образованіе. Вотъ почему памятно для меня сіе событіе, въ жизни другого вовсе незначущее; прочтя сію книгу, я любопытствовалъ и еще читать, и мнѣ попалась переписка Екатерины II-й съ Вольтеромъ, жизнь Нерона, жизнь Суворова, Лаудона и лѣтопись Дмитрія Ростовскаго, изъ которой особенно я получилъ понятіе о мірѣ, его измѣненіяхъ и государствахъ до насъ бывшихъ; сію послѣднюю получилъ я отъ Ивана Александровича Вельяминова, любившаго меня и бывшаго у насъ въ полку полковникомъ, и весьма ученаго человѣка, который теперь, когда пишу сіе, будучи генераль-лейтенантомъ, назначенъ генераль-губернаторомъ Западной Сибири. Надо при семъ замѣтить и то, что въ теченіи сего лѣта еще до похода моего въ Москву, одинъ почтеннѣйшій офицеръ нашъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, по желанію добраго сердца своего далъ мнѣ понятіе о многомъ, сводя меня въ Академію Художествъ, Наукъ и въ Кунсткамеру; въ это время но его же благорасположенію слушалъ я и лекцію натуральной исторіи профессоромъ Озерецковскимъ преподаваемую, и сими то добрыми моими благодѣтелями, хотя нѣсколько (была) поднята завѣса окружавшаго меня мрака невѣжества.

Въ мартѣ мѣсяцѣ частые совѣты мнимоискреннихъ друзей моихъ, хлопотавшихъ о моей пользѣ, рѣшили меня подать просьбу о выпускѣ въ армію. Сію просьбу полковой командиръ нашъ генераль-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ представилъ государю; принявъ оную, Александръ I-й спросилъ у генерала—какая причина понуждаетъ меня къ сему? Депрерадовичъ неизвѣстно что отвѣчалъ на сіе, но просьба моя была изорвана государемъ. Все сіе сказывалъ мнѣ уже послѣ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, который не зналъ даже какъ я подавалъ просьбу (столь я былъ увѣренъ въ благорасположеніи своихъ товарищей) и узнавъ уже о всемъ тогда, когда я назначенъ уже былъ къ выпуску.

Депрерадовичъ съ своей стороны, желая очистить вакансію племяннику своему Трубчанинову, при первомъ свиданіи со мною, не сказавъ мнѣ ничего о разговорѣ государя, сказалъ только: „напишите другую просьбу, та не годилась“; я, ничего не вѣдая, написалъ вторично оную и подалъ сему генералу, который, представя вторично сіе государю, сказалъ, что я неотступно прошусь въ армію; государь въ досадѣ на мое упрямство, брося просьбу, сказалъ: „пусть идетъ!“—И такъ я выпущенъ былъ въ началѣ Апрѣля 1802-го года въ Нашенбургскій мушкетерскій полкъ поручикомъ; откланиваясь государю вмѣстѣ съ другими въ Зимнемъ дворцѣ при моемъ отъѣздѣ, я слышалъ слова государя, сказанныя мнѣ и подтвердившія все слышанное мною отъ Вельяминова, но дѣлать уже было нечего! Проходя насъ, государь, остановясь противъ меня, сказалъ: „ты хотѣлъ служить въ арміи. Желая тебѣ счастья!“ Жребій мой былъ брошенъ, говорить было нечего да я и не смѣлъ сказать, а только молча низко поклонился сему милостивому ко мнѣ государю и скрылся навсегда изъ чертоговъ царскихъ, будучи вытѣсненъ изъ оныхъ зложелательствомъ друзей и жестокосердіемъ своего начальника. Но злоба ихъ не восторжествовала, и государь, выгнавъ вскорѣ изъ полка Боборыкиныхъ, Кожина и другихъ моихъ совѣтниковъ, отказалъ рѣшительно Депрерадовичу въ производствѣ въ офицеры племянника его юнкера Трубчанинова, который и принужденъ былъ выйти въ армію.

По выпускѣ моемъ я переѣхалъ изъ полка въ домъ знакомаго мнѣ придворнаго зельбелдинера почтеннаго старца Иванова, жпвшаго во второй Мѣщанской при входѣ въ оную со стороны Фонтанки, на правой рукѣ въ третьемъ каменномъ домѣ; здѣсь я провелъ праздникъ Пасхи, какъ бы у родныхъ своихъ и отправился Апрѣля 26-го дня отъ нихъ въ Москву, гдѣ стоялъ тогда полкъ, въ который я былъ выпущенъ. Такимъ образомъ я оставилъ пышную столицу сѣвера, проживя въ ней счастливо и мирно 4 года и 9 мѣсяцевъ. Счастливо! ибо я былъ любимъ своимъ государемъ и справедливыми начальниками, наслаждаясь настоящимъ и не думая о будущемъ и любя всѣхъ своихъ товарищей, я не зналъ ни зависти, ни злобы; мирно, ибо если я и вовлеченъ (былъ) въ нѣкоторые пороки (которые, къ несчастью, нынѣ уже не считаются таковыми), то невинное сердце мое не участвовало въ оныхъ, бывъ чуждо разврата и думая превратно по своему невѣдѣнію и непросвѣщенію.

Бѣжавъ въ Москву, я любовался древностію Новгорода и быстротою мутнаго Волхова, вспоминая прошедшія событія на берегахъ его

происходившія; Тверь, прелестнѣйшій изъ городовъ губернскихъ съ чистыми и широкими своими улицами съ пространными площадями и съ величественной Волгой, матерью рѣкъ російскихъ, восхищала взоръ мой! Имѣя въ рукахъ дорожникъ или описаніе тракта между столицами, я искалъ мысленно дворца Ярославля, и не видя даже и слѣдовъ его, сожалѣлъ о краткости всего подлуннаго. Пріѣхавъ въ древнюю нашу столицу, можно сказать, колыбель моего младенчества, куда ѣзжалъ я или, лучше, сопровождалъ моихъ родителей ежегодно, вспоминалъ то время, когда мое счастье, все удовольствіе составляли нѣсколько блиновъ изъ блинни принесенныхъ... О, время блаженное! время невинности и полноты радости сердечныя! куда сокрылось ты толико скоро?

По пріѣздѣ моемъ я нашелъ здѣсь мою мать, ожидавшую уже лошадей для сѣзда въ свои деревни и вскорѣ, явясь въ полкъ, началъ свою службу во ономъ. Лѣтомъ я выходилъ въ лагерь на такъ называемой Ходынкѣ, вмѣщавшей сверхъ того полка, въ которомъ служилъ я, полки Астраханскій и Авагинскій, гдѣ и смотрѣлъ насъ генераль-лейтенантъ Ферстеръ. Придя въ Москву обратно, я чувствовалъ болѣзнь мою усиливавшуюся, но стыдился сказать о ней кому либо; въ сіе время пріѣхалъ ко мнѣ и старшій, теперь уже покойный, братъ мой Николай и убѣждалъ меня идти въ отставку, представляя, что отецъ нашъ старъ, имѣніе расхищается и разныя еще разности; страдая тѣлесно, я и самъ видѣлъ, что въ томъ положеніи служить я не могъ, а характера отца своего коротко я не зналъ, отдѣлясь отъ него службою въ моей юности, и такъ я рѣшился идти въ отставку, не предвидя всей моей гибели съ оной сопряженной.

Глава XVI.

ВѢДСТВІЯ.

Въ сентябрѣ 1802 года я пріѣхалъ къ отцу моему въ деревню Есенокъ Епифанскаго уѣзда, гдѣ онъ всегдашнее имѣлъ пребываніе; отецъ мой, не спрося что понудило меня выйти въ такія лѣта въ отставку, отвелъ для моего жительства свою баню. Помѣстясь въ семь убогомъ и отдаленномъ отъ дома его жилищѣ и не имѣя платья, во чтобы одѣться, я проводилъ время, играя съ отцомъ моимъ въ игру, называемую тентеръ, и не видя никого изъ сосѣдей кромѣ двоюроднаго брата моего Павла Александровича, ожидалъ своихъ именинъ, въ которыя надѣялся я получить въ подарокъ деньги, нужныя мнѣ на платьѣ, ибо мундировъ носить я не могъ, и имѣлъ только одинъ сюртукъ, купленный мною въ Москвѣ.

Наступили мои ожидаемыя именины, и я получилъ въ подарокъ пять рублей!—Что мнѣ было дѣлать? просить я не смѣлъ, ибо отецъ мой былъ весьма серьезный человѣкъ, а самъ онъ и не спросилъ меня, есть ли у меня во что одѣться, и такъ мнѣ оставалось терпѣть. Я преиду молчаніемъ всѣ горести, претерпѣнныя мною въ теченіе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, горести, каковыхъ, думаю, ни одинъ еще сынъ не переносилъ отъ отца своего, скажу только, что онъ искалъ случая, чтобы оскорбить меня, и имя мое было—Михей, въ насмѣшку мнѣ имъ данное, но—вскорѣ я долженъ былъ испытать бѣдствіе еще сильнѣйшее. Въ декабрѣ отецъ мой, будучи горячаго сложенія и бывъ направленъ къ тому окружавшими его особами, наказалъ жестоко одного своего человѣка, который вскорѣ отъ сего и умеръ. Судъ пріѣхалъ и хотя отецъ мой и дорого заплатилъ, но умершаго похоронили. Вскорѣ одинъ изъ родственниковъ отца моего донесъ губернатору, прислано было переслѣдовать, нашли все чего искали, и отца моего взяли въ городъ судить уголовнымъ судомъ. Въ сіе дѣло, вовсе для меня постороннее, вовлекли наконецъ и меня! Отца моего оправдали, а меня—обвиня, отдали суду!! О люди!—Но умолчимъ о страстяхъ ихъ, ибо сіе бѣдствіе послано было въ наказаніе и исправленіе меня! Одно удивительно, гдѣ были тогда правосудіе и истина? Но таковы были и всегда будутъ люди, не имѣющіе вѣры и чести; я былъ тогда 17 лѣтъ, не зналъ законовъ, не зналъ что такое судъ и не имѣлъ ни объ чемъ понятія, что только нужно для человѣка, итакъ мудрено ли было хитрому ябеднику секретарю Жданову утѣшить, смѣшать и заставить (меня) говорить то, чего я и не вѣдалъ! Но какъ бы то ни было, а меня неестественное сіе судилище послало въ Тулу въ уголовную палату, при входѣ въ которую я затрясся! Одинъ, бывший тогда благотѣльный судья, фамиліи котораго я не знаю, подойдя ко мнѣ, началъ меня вѣжливо успокаивать и видя мою молодость, разсмотря дѣло меня оправдалъ и отпустилъ меня къ осени 1803-го года домой въ Есенокъ. Въ теченіи же лѣта 1803-го года, когда меня держали въ Тулѣ, одинъ благотѣльный израильтянинъ вылѣчилъ совершенно тяжкую болѣзнь мою, и я, пройдя степени возможнаго испытанія душевнаго, получилъ тѣлесное обновленіе.

Слѣдствіемъ моего оправданія естественно было обвиненіе отца моего, такъ то сплели сіе мерзостное дѣло судіи злочестивые, но отецъ мой не дождался конца сего дѣла и по болѣзни, болѣе трехъ мѣсяцевъ продолжавшейся, скончался 29-го сентября 1803-го года. Я былъ при кончинѣ родителя моего и показалъ ему слезами моими и услугами, что я былъ сынъ не недостойный его милостей.

Глава XVII.

Гоненія и обиды.

Вскорѣ послѣ кончины отца моего пріѣхала въ Есенокъ и мать моя, жительствовавшая въ своихъ деревняхъ Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда, въ селахъ Подосенкахъ и Кортыринѣ, куда удалилась она съ 1795-го года.

По пріѣздѣ ея, мы, отдавъ послѣдній долгъ браннымъ остаткамъ родителя моего, поѣхали съ нею въ Тулу, гдѣ и прожилъ я до начала 1804-го года, когда поѣхалъ въ Богородицкъ къ знаменитому тогда и благодѣтельному врачу Бентону, желая чтобы онъ своимъ искусствомъ очистилъ всѣ остатки бывшей моей болѣзни, въ предупрежденіе какихъ либо послѣдствій отъ сильныхъ средствъ перваго моего лѣкаря; добрый Бентонъ пользовалъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ декоктомъ изъ сальца-порей, и я получилъ возвратно прежнее хорошее мое, благодаря Господа силъ, здоровье. По окончаніи сего лѣченія я возвратился домой, въ Тулу гдѣ и жилъ при моей матери, а лѣтомъ пріѣхали мы въ Есенокъ, гдѣ старшіе мои братья начали просить мать о раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, видя что и небольшое сіе достояніе, обремененное долгами, должно погибнуть отъ роскошной городской жизни. Требованіе сіе, впрочемъ справедливое (и основанное на тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда одинъ сынъ Иванъ получилъ въ свое владѣніе отъ матери 120 душъ ея имѣнія потому только, что былъ сыномъ любимымъ), толико раздражило мать мою, что она, забывъ свою священную обязанность попеченія о дѣтяхъ, обязанность вложенную въ сердца родителей Богомъ и природою, подала въ судъ просьбу, требуя отъ онаго раздѣла и предавая такимъ образомъ судьбу дѣтей своихъ въ руки мздоимцевъ и крючковъ. Тогда открылись столь постыдныя интриги въ семействѣ нашемъ, что стыдно и говорить о нихъ. Однимъ словомъ Иванъ братъ мой потерялъ въ сіе время 120 душъ, переданныхъ матерью сестрамъ моимъ и это было съ одной стороны справедливо, но съ другой и я подпавъ подъ общій расчетъ, былъ обобранъ до чиста, получа на свою часть изъ имѣнія отца моего плохихъ крестьянъ, плохія земли, дурной скотъ, ни зерна хлѣба и къ увѣнчанію сего примѣрнаго милосердія выгнанъ я былъ въ суровую зиму изъ дома родительскаго, а скотъ мнѣ доставшійся распуценъ по полямъ, гдѣ онъ и подохъ отъ стужи и голода! Видно тогда мало занимались симъ свя-

тѣйшимъ изреченіемъ: „*блaженъ чeловѣкъ, который и скотовъ своихъ милуетъ*“! тогда только и знали, когда надо служить всеночныя и молебны, не заботясь о томъ, что воля Всемилосердаго требуетъ милости, а не жертвы: „*милости хочу, а не жертвы!*“

Скотъ мой померъ, какъ сказано выше, а меня взялъ къ себѣ на зиму сосѣдъ нашъ Николай Васильевичъ Григоровъ, жившій тогда въ селѣ Троицкомъ, у котораго я и прожилъ всю зиму до лѣта 1805-го года, когда переѣхалъ въ Красное, гдѣ и помѣстился въ плетеномъ сараѣ, въ который ссыпали при отцѣ моемъ мякину; здѣсь получая пособіе въ хлѣбъ отъ благодѣтельной, хотя и небогатой, помѣщицы Надежды Васильевны Торбеевой жилъ я до уборки съ полей хлѣба. Убирая съ полей хлѣбъ и видя малое онаго количество по, малочисленности земли, я рѣшился идти въ службу, чувствуя теперь себя въ силахъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, къ тому же видя, что, живучи дома и не имѣя ни малѣйшей постройки я долженъ былъ жить совершенно по крестьянски, почему, убравши хлѣбъ я поѣхалъ къ матери моей испросить ея благословеніе на сіе рѣшеніе мое. Прибывъ къ ней, я повергся къ ногамъ ея просилъ умилосердиться надо мной и благословить меня на службу, въ надеждѣ въ оной найти свое счастье; мать моя послѣ краткаго молчанія благословила мое намѣреніе, и я въ ноябрѣ 1805-го года выѣхалъ отъ ней для собранія за хлѣбъ свой, хотя небольшого количества денегъ, чтобы имѣть возможность исполнить свое намѣреніе. Вслѣдствіе малаго числа набранныхъ мною денегъ за хлѣбъ, я принужденъ былъ за совершенный безцѣнокъ продать лѣсъ въ Порѣчѣ, мнѣ доставшійся, и сверхъ сего получа небольшой оброкъ съ 4 тяголъ Порѣченскихъ, собралъ я такимъ образомъ, рублей до 500. Теперь, не имѣя ни единого въ услугахъ у себя лакея, ибо мнѣ никого изъ многочисленной дворни отца моего не дали, я началъ кое какъ одѣваться и шить платья для одного глупаго мальчишки, взятаго мною по необходимости на дорожныя прислуги, устроя себя самымъ умѣреннымъ образомъ для дороги. Въ началѣ января 1806-го года я взялъ въ Тулу подорожную до Новогрудки Литовско-Гродненской губерніи, въ которой формировалъ тогда старшій братъ мой Алексѣй новый Могилевскій пѣхотный полкъ, и котораго я заранѣе извѣстилъ о семъ моемъ намѣреніи на счетъ иступленія въ службу.

Всемогушій Богъ!—Онъ благословилъ мое намѣреніе и за претерпѣнныя мною несправедливости и притѣсненія отъ родныхъ и чужихъ воздалъ мнѣ стократно, да будетъ же благословенъ Всемилосердный

Отець челоуѣковъ, и среди бѣдствій и преступленій нашихъ насъ не оставляющій; блаженъ челоуѣкъ, уповающій на Него!

Мы увидимъ въ послѣдствіи моей жизни щедро изліянныя на меня благотворенія отъ Господа! увидимъ, что безъ несправедливости людей, желавшихъ исключить меня изъ числа живыхъ, я не удостоился бы тѣхъ наградъ, въ которыхъ опередилъ всѣхъ родныхъ моихъ, желавшихъ зла мнѣ, увидимъ чудесное сщѣпленіе обстоятельствъ, чрезъ которые они было вкусили плода отъ своихъ жестокостей и были сами достойны всякаго сожалѣнія. Но мы извлечемъ изъ сего перваго періода моей жизни то, что можетъ послужить къ нашему наученію—и, во первыхъ, мы видимъ несчастнаго отца моего не исполнившаго священнѣйшей обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ его, и получившаго за то строгое наказаніе при концѣ своей жизни, ибо быть судимымъ въ преклонныхъ лѣтахъ судомъ уголовныхъ—не есть ли послѣдняя черта безчестія для челоуѣка, который гордился своими достоинствами. Но если бы отецъ мой, памятуя священный долгъ свой, употребилъ всего себя для наученія добронравію и истинному богопочитанію дѣтей своихъ, тогда бы сколькихъ страстей избѣгъ онъ, преодолевая себя (для) духовной пользы дѣтей своихъ! Но всему корень вино! Ахъ, устранимъ сего гибельнаго для рода челоуѣческаго порока, оно то потемняетъ разсудокъ и истребляетъ самую совѣсть! Святой апостоль Павелъ былъ безъ сомнѣнія мудрѣйшій и опытнѣйшій изъ людей, но онъ предостерегая насъ сказалъ: „не упивайтесь виномъ, въ которомъ есть блудъ и нечистота!“ И по истинѣ коликихъ бѣдствій для духа и тѣла не производитъ сія пагубная страсть? вино и карты суть гибель семейственнаго счастія, уваженія и любви.

Примѣръ мой да послужитъ также урокомъ въ отношеніи къ пылкимъ страстямъ и излишней довѣренности, которыя бывають намъ гибельны! будемъ просить Бога: „руководи насъ на путь мира и избави насъ отъ клеветы челоуѣческія и сохрани насъ въ заповѣдяхъ Твоихъ!“ Но самымъ лучшимъ да будутъ намъ въ семъ періодѣ урокомъ корыстолюбія или желаніе богатства, которымъ нарушены всѣ святѣйшія узы крови и любви христіанской при нашемъ раздѣлѣ, хотя я всего и многого еще не сказалъ, щадя лица теперь уже не существующія; мы видимъ до чего можетъ довести челоуѣка христіанина пагубное сребролюбіе, ядъ общества, убійственное орудіе всѣхъ добродѣтелей и гнѣздо грѣха! Да будетъ всегда не изгладимъ въ сердцахъ нашемъ глаголь вѣчной истины: „не можете служить Богу и богатству!“—Видите, что

служеніе богатству дѣлаетъ насъ неспособными служить Всемогущему, а, будучи неспособными внимать гласу Его въ сердцахъ нашихъ, что мы будемъ? Язвою общества во времени, и сынами погибели въ вѣчности!

О, любезнѣйшія дѣти мои, будьте трезвы, некорыстолюбивы и чисты сердцемъ, и благодать Божія да почиетъ надъ вами!

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Записки М. Леонтьева.

Часть II.

**1828 года Января 13-го дня, сельцо Красное. Окончено 1829 года
Февраля 12 дня.**

Отецъ и мать оставили меня, но
Господь воспріялъ меня.

Глава I.

**Путешествіе въ городъ Новогрудокъ и взглядъ на Литовскій
край.**

Взявъ въ Тулѣ, губернскомъ нашемъ городѣ, подорожную и имѣя съ собою до 400 рублей денегъ пустился я на почтовыхъ Литовско-Гродненской губерніи въ городъ Новогрудокъ, чтобы тамъ вступить въ сословіе дѣтей Марсовыхъ. Почтовая ѣзда была сообразна пылкости лѣтъ моихъ, и я съ радостію летѣлъ съ звенящимъ колокольчикомъ въ край, для меня новый, и къ людямъ, которые считались еще тогда иностранцами. Проѣзжая города: Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Красный, Борисовъ и Минскъ, я любовался ими какъ прекрасными декораціями съ быстротою предо мною открывавшихся и исчезающихъ, помня очень, что послѣдніе два города поразили меня несходностію жителей ихъ въ видѣ, одѣяніяхъ и въ языкѣ съ нами русскими и немудрено, ибо я, не выѣзжая до сего никуда изъ Россіи, не видалъ ничего прямо иностраннаго. 788 верстъ проѣхалъ я въ пять или шесть дней и пріѣхалъ въ Новогрудокъ, благодаря Господа, безъ всякихъ приключеній, благополучно; на семь трактъ

отъ Борисова встрѣчалъ я офицеровъ гвардіи, несшихся въ Питеръ послѣ геройской компаніи Аустерлицкой; они вымещали свое неудовольствіе на французовъ надъ бѣдными поляками. станціонными смотрителями, бивъ ихъ нещадно на моихъ глазахъ. Замѣчу также, что при вѣздѣ въ край Литовскій, отъ Краснаго верстъ на сто, начинаютъ пространство дороги считать милями, что сначала казалось мнѣ непонятно, но послѣ вразумили меня, что польская миля почти равна нѣмецкой или 7 верстамъ нашимъ. По пріѣздѣ въ Новогрудокъ я подалъ просьбу къ государю о принятіи меня въ службу, чего скоро я и надѣялся по надобности въ офицерахъ, при формирующихся теперь новыхъ полкахъ. Городъ сей расположенъ на горѣ и частію на ровномъ мѣстѣ, онъ окруженъ лѣсами, и строенія въ немъ всѣ деревянные кромѣ огромныхъ католическихъ кляштеровъ или монастырей, гдѣ тучнѣли нѣкогда праздные монахи, а теперь въ одномъ изъ нихъ жилъ я, остановясь на квартирѣ у брата моего теперь уже покойнаго Алексѣя, который здѣсь въ городѣ формировалъ тогда новый Могилевскій полкъ, будучи шефомъ онаго въ чинѣ генералъ-майора; сей огромный монастырь принадлежалъ ордену Бернардиновъ. которые проживали здѣсь славно, судя по расположенію прекрасныхъ комнатъ, вовсе непохожихъ на кельи, здѣсь жилъ и митрополитъ уніатскій Булгакъ, съ которымъ я и былъ знакомъ: онъ человѣкъ былъ хорошій и ласковый при необходимости. Новогрудокъ городокъ небольшой, но и въ немъ есть редутъ, въ который съѣзжалось довольно посѣтителей для пріятнаго провѣденія времени. если бъ буйство пьяныхъ офицеровъ нашихъ не нарушало иногда ихъ непритворной веселости! Мнѣ суждено было и теперь жить между буйствомъ сыновъ Бахуса, и я думаю, что сіи гадкіе примѣры научили меня тому омерзѣнію, которое, я чувствую и теперь при видѣ пьянаго человѣка. Здѣсь я провелъ время очень пріятно въ ожиданіи принятія меня въ службу, бывая въ редутахъ и у нѣкоторыхъ изъ жителей, между которыми помню и теперь панну Овсяную и доктора Вульфа. Справедливо надо сказать, что поляки умѣютъ жить весело и веселиться. Литва вообще покрыта дремучими лѣсами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большими болотами; мѣстоположеніе ея по большей части низкое: горы изрѣдка представляются взору и тѣ болѣе можно назвать малыми возвышенностями, въ Литовскихъ лѣсахъ много водится звѣрей, между которыми замѣчательны зубры. Зубръ—звѣрь, котораго мясо, какъ сказывали мнѣ, очень вкусно; они цвѣтомъ бѣлые и величиною съ корову русскую и имѣютъ бороду, похожую на козлиную. Медвѣдей здѣсь очень много, но не черныхъ; ихъ ловятъ во множествѣ, и въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ учатъ ихъ плясать и прочему, откуда и водятъ ихъ по средней Россіи, собирая деньги за ихъ коверканье, отсюда наши и

дразнять поляковъ сморгонской дукаціей. Населеніе въ семъ краѣ многочисленное, но крестьяне всѣ находятся въ бѣднѣйшемъ положеніи и во всю жизнь свою ѣдятъ даже хлѣбъ мякинный, между тѣмъ какъ ихъ паны и жида живутъ очень богато. Во всей Литвѣ нельзя ничего достать иначе какъ отъ жида, у которыхъ въ рукахъ и вся торговля здѣшняго края; паны живутъ славно, ихъ замки и дома великолѣпны! Тамъ то вы не увидите ничего кромѣ золота, серебра, фарфора и дорогого хрустала; дома ихъ освѣщаются всегда воскомъ, о сальныхъ свѣчахъ они не имѣютъ понятія: ихъ ольварки, на которыхъ живутъ ихъ экононы и жида-арендаторы прекрасны. Тутъ можно быть приняту всегда хорошо. Впослѣдствіи, узнавъ манеръ, я во время похода всегда къ нимъ заѣзжалъ и пивалъ славный кофе, который варятъ въ Подышѣ превосходно, и ѣдалъ легкія потравы, какъ говорятъ поляки, или вкусныя закуски. Но шагъ далѣе—и тамъ видна совершенная нищета! Дома крестьянъ чуть не лачуги, одѣяніе ихъ вретиче, однимъ словомъ, здѣсь вездѣ видна бѣдность въ различномъ видѣ. Характеръ поляковъ можно описать въ нѣсколькихъ словахъ: гордъ, когда имѣютъ въ немъ нужду, подлъ и низокъ когда имѣетъ въ васъ оную, храбръ когда силенъ, но трусъ, когда слабъ. Женщины ихъ бойки, умны и ласковы, по обращеніе ихъ нагло и предосудительно; они могутъ быть вѣрными женами, но и въ старости кокетствуютъ. Духовенство ихъ богато, жирно и лѣниво; ѣдятъ прекрасно, пьютъ и того лучше, имѣя богатѣйшіе погреба, въ которыхъ нерѣдко найдете столѣтнее венгерское. до котораго и всѣ паны большіе охотники. Говорятъ, однако, что всѣ ихъ знаменитые погреба выпиты французами въ 1812 году.

Глава II.

Вторичное вступленіе въ службу; походъ въ Витебскъ, описаніе онаго. Лагерь при Двинѣ и возвращеніе въ Витебскъ.

Въ началѣ марта того же 1806-го года получены Высочайшіе приказы, которыми я принять въ службу чиномъ поручика съ отданіемъ старшинства и съ опредѣленіемъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ, а вмѣстѣ съ симъ получено нами повелѣніе вступить въ городъ Витебскъ. Сіе возвратное отъ границы движеніе назначено намъ по случаю возвращеній армій нашихъ изъ подъ Аустерлица и Пруссіи. и мы поступили теперь изъ резервеной арміи, въ который мы состояли, въ 5 пѣхотную дивизію; въ сіе время бывшія инспекціи, какъ несовмѣстныя съ благоустройствомъ армій, уничтожены, а составлены

дивизіи, раздѣляемыя на три пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады съ пристойнымъ числомъ артиллеріи. По сему раздѣленію нашей 5 дивизіей назначенъ былъ командиромъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, человекъ умный, ученый, по непредпріимчивый, какъ впоследствии я сіе видѣлъ. Полки составляющіе сію дивизію были: Сѣвскій, Калужскій, Пермскій и Могилевскій пѣхотные, 24 и 26-й Егерскіе; Польскій уланскій и Римской драгунскій полки; артиллерія, конная рота графа Сиверса и легкихъ двѣ роты; въ сей дивизіи по полному тогдашнему комплекту состояло 13000 человекъ и 48 орудій артиллеріи.

Походъ нашъ въ то время года, когда здѣсь начинается настоящая весна и ростепель, былъ очень затруднителенъ, а для молодыхъ рекрутъ, которыхъ мы имѣли болѣе 600 человекъ, даже гибеленъ по ихъ непривычкѣ; сихъ людей заболѣло у насъ много, а ровно и лошади подъ фурами и пороховыми ящиками очень пострадали. Съ сожалѣніемъ долженъ я замѣтить, что по странности распоряженій покойнаго государя мы ни одного важнаго движенія кромѣ (какъ) къ шведской войнѣ не дѣлали своевременно; на примѣръ, сей походъ по предвидѣнности возвращенія заграничныхъ армій должно бы намъ предпринять въ Февралѣ, и тогда люди и лошади сохранены были бы, а это не бездѣлица; будущій походъ нашъ въ Пруссію вмѣсто Октября долженствовало бы назначить въ началѣ Сентября, чѣмъ люди и лошади сохранились и, успѣя—сосредоточась—отдохнуть близъ границы имѣли бы ту свѣжесть и бодрость, которыя на войнѣ необходимы; дворъ же нашъ, руководя войною, не могъ не предвидѣть ея начала. Однимъ словомъ: удаленіе опытныхъ генераловъ и окруженіе себя молоко-сосами дѣлало то, что Александръ I-й, начиная съ 1805 года, никуда не поспѣвалъ заблаговременно, что и причиняло гибель государству и безславіе нашему отечеству.

Сей походъ до Витебска на разстояніи 300 верстъ окончили мы въ началѣ Апрѣля и пришли туда на Страстной недѣлѣ; здѣсь я вскорѣ обмундировался и уже у заутрени на Святой недѣлѣ былъ въ военномъ одѣяніи; весьма меня веселившемъ, и съ которымъ я, такъ сказать, сбросилъ съ себя всѣ бѣдствія частной моей жизни. Витебскъ очень порядочный городъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе 20000 жителей; строенія въ немъ большею частью каменные и очень хорошей архитектуры; улицы довольно широки и хорошо вымощены камнемъ, а площадь городская, можно сказать, прекрасна, будучи окружена двухэтажными домами. Сей городъ лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины,

частію на горахъ, частію на ровной возвышенности; рѣка сія весною судоходна и по ней до Риги сплавляютъ разные продукты Бѣлоруссіи. отъ чего дворянство и купечество, а паче жидаы, которыхъ здѣсь много, живутъ богато, но крестьянство не лучше въ своемъ состояніи Литовскаго и здѣсь также поселянина въ награду трудовъ своихъ утоляютъ голодъ мякиннымъ хлѣбомъ. Одна матушка Россія имѣетъ хлѣбопашцевъ въ состояніи очень хорошемъ, — если не построенія, чему причиною мѣстное безлѣсіе, — то здоровой, вкусной и мирной пищи и одѣянныхъ тепло, красиво и изобильно.

Жители здѣшніе почти всѣ католики. отчего кляштеревъ и костеловъ здѣсь много и всѣ они пребогатые; они принадлежатъ орденамъ доминиканъ, бернардиновъ и іезуитовъ или точнѣе сказать игнатовцевъ. ибо учредитель ихъ былъ Игнатій Лойола, и сіи послѣдніе очень богаты: у нихъ въ кельяхъ угощаютъ богатою рукою, чему показаль опытъ ихъ ксендзъ-каноникъ, угостивъ на Святой недѣлѣ высшихъ нашихъ чиновниковъ великолѣпно. Нашего же греко-россійскаго исповѣданія здѣсь двѣ только церкви: соборъ и гарнизонная церковь; первый замѣчательнъ по своей огромности и богатымъ колоннамъ, а послѣдняя деревянная. Въ семъ городѣ есть и жидовская синагога деревянная; публичныя увеселенія состоятъ здѣсь изъ прекраснаго рѣдута. комнаты котораго убраны богато и сада, расположеннаго на высокой горѣ, съ которой на городъ видъ прекрасный; въ семъ саду, разбитомъ очень хорошо и украшенномъ бесѣдками, весьма пріятно подышать чистымъ нагорнымъ воздухомъ. Въ половинѣ Іюня вступили мы въ лагерь для узнанія лагерной службы; сей лагерь устроенъ былъ прекрасно на берегу Двины, и я занимался здѣсь службою, уча свою гренадерскую роту, будучи въ исходѣ Апрѣля произведенъ въ штабъ-капитаны, и довелъ ее до совершенства. Въ половинѣ Іюля смотрѣлъ насъ генераль Корсаковъ, тотъ самый, который въ 1799-мъ году потерялъ свой корпусъ при Цюрихѣ въ Швейцаріи. По окончаніи сего смотра, мы въ исходѣ Іюля возвратились въ городъ, черезъ который проѣзжалъ въ сіе время знаменитый изгнанникъ, достойный генераль Кутузовъ, котораго лишилъ армію императоръ Александръ I-й за правду, имъ сказанную. Въ началѣ Сентября мы съ приказами получили печатный экземпляръ сенатскаго адреса государю. въ которомъ похваляя мудрость сего монарха. Сенатъ оправдывалъ войну необходимую съ Наполеономъ. бывшимъ тогда французскимъ императоромъ; сія хитрая уловка желателя поправить Аустерлицкую компанію не могла скрыться, и мы начали приготовляться къ войнѣ. которой и желали по пылкости лѣтъ своихъ. Въ 30-е сентябля, какъ въ день именинъ моихъ я давалъ

хорошій завтракъ, на которомъ былъ и тогдашній Витебскій вице-губернаторъ почтенный Воиновъ—и во время онаго получено чрезъ фельдъегеря Высочайшее повелѣніе быть намъ готовыми по полученіи вторичнаго повелѣнія, черезъ 24 часа выступить въ походъ.

Глава III.

Современныя политическія и военныя происшествія.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашнихъ происшествіяхъ, не бесполезно будетъ взглянуть на причины неудачи первой нашей въ сіе столѣтіе компаніи противъ французовъ.

Безъ сомнѣнія Ульмская капитуляція доселѣ неслыханная. гдѣ австрійскій генераль Маккъ сдалъ всю свою армію Наполеону, имѣла вліяніе на ходъ военныхъ происшествій, но чтобы она была главною причиною гибели нашей арміи подъ Аустерлицемъ, это ложно.

Русскій герой Кутузовъ велъ 20 тысячъ русскихъ на соединеніе съ арміей австрійской и въ окрестностяхъ Браунау получаетъ извѣстіе, что безчестный Маккъ сдалъ свою армію Наполеону и что сей идетъ къ нему въ обходъ его съ 150 тысячами своихъ войскъ. Всякій, кромѣ Кутузова, въ бояхъ испытаннаго, потерялъ бы духъ при семъ ужасномъ извѣстіи, но сей герой предпринимаетъ знаменитую ретираду къ Кремсу, что на Дунаѣ, гдѣ поражаетъ корпусъ генерала Мортъе, осмѣлившійся отрѣзать путь ему. Въ сей ретирадѣ, какъ самъ Кутузовъ, такъ и безсмертный Багратіонъ и вся армія покрылась военною славою и доказали свѣту твердость и непоколебимость русскихъ войскъ. Одному только Кутузову съ горстію героев можно было удержать и отразить напоръ 40 тысячнаго корпуса генерала Мюрата при Шенграбенѣ. гдѣ Багратіонъ, пробившись на штыкахъ сквозь непріятельскую пѣхоту и кавалерію, удивилъ и самыхъ безстрашныхъ, доставя удержаніемъ тутъ французовъ способъ разбить Кутузову у Кремса 20 тысячный корпусъ генерала Мортъе, какъ сказано о томъ выше.

Соверша сей знаменитый подвигъ, сію славную и Ксенофоновой подобную ретираду, Кутузовъ соединился въ Моравіи съ сильнымъ корпусомъ Буксгевдена и гвардіею, получа тѣмъ въ свое начальство армію, простиравшуюся уже теперь до 60 тысячъ. Но съ симъ подкрѣпленіемъ прибылъ и Александръ I-й самодержецъ 28 лѣтъ! Пыл-

кій по юности и неопытности государь сей велъ корпуса къ Кутузову большими переходами, въ которые гвардія и всѣ войска шли съ барабаннымъ боемъ скорымъ шагомъ и въ рядахъ точно какъ на ученье, а офицеры были всѣ подъ пудрою, убираясь вседневно, какъ бы въ столицѣ и идя пѣшкомъ въ рядахъ своихъ отдѣленій *); сіе ребяческое хвастовство, сіе ненужное изнуреніе, сіе на фанфаронствѣ основанное щегольство породило ненависть войска къ сему государю и было первою причиною паденія славы войскъ, которые въ настоящей нуждѣ, перенося всѣ тягости, умѣли сражаться и побѣждать, видя заботу о себѣ Суворова, Румянцова и другихъ своихъ полководцевъ. Александръ І-й, соединясь съ Кутузовымъ, тотчасъ рѣшился атаковать Наполеона и съ сею мыслью подвинулся впередъ къ мѣстечку Аустерлицу; мудрый Кутузовъ убѣждалъ сего государя не дѣлать наступательнаго сего движенія, представляя сколь нуженъ хотя нѣкоторый отдыхъ столь изнуреннымъ войскамъ. Но мудрый совѣтъ сей былъ пренебреженъ. Кутузовъ, получа въ ночь на 20-е ноября планъ атаки французской арміи и видя, что его не пригласили даже на совѣтъ, но не могли столь ошибочнаго дѣйствіе произвести, и чувствуя всю гибель арміи, рѣшился по любви къ отечеству остановить неопытнаго государя и ночью же пошелъ къ нему. Пришедъ въ квартиру государя, онъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, получа же отвѣтъ, что государь поживаетъ, онъ началъ говорить громко съ намѣреніемъ разбудить его; удивленный монархъ, проснувшись отъ сего, спросилъ кто тамъ, и узнавъ, что Кутузовъ, велѣлъ позвать его. Вѣрный сынъ отечества, не медля, сталъ просить государя остановиться атакою до прибытія корпуса генерала Эссена, бывшаго за нѣсколько переходовъ, представляя, что Наполеонъ вдвое сильнѣе насъ. Государь, вѣровавшій въ неумѣстное изреченіе Фридриха П-го, что если чего не могутъ пропзвести 30 тысячъ солдатъ; то того и 60 оныхъ не произведутъ, отклонилъ предложеніе Кутузова; Кутузовъ съ своей стороны убѣждалъ государя и, получа въ отвѣтъ, что провіанта нѣтъ и что войска изнуряются голодомъ въ ожиданіи Эссена, онъ просилъ позволенія взять все у жителей и продолжать армію, представляя, что австрійскій императоръ можетъ вознаградить край сей, будучи обязанъ своимъ достоинствомъ сохраненію сей арміи, но получа въ отвѣтъ, что мы въ землѣ союзниковъ, а не непріятелей, Кутузовъ упалъ предъ гордымъ государемъ симъ на колѣни и умолялъ его остановиться атакою, представляя невыгодность положенія даже мѣста и недостатки въ планѣ. Огорченный

*) О семъ походѣ-парадѣ сказывалъ мнѣ тогда же и капитанъ Крюковъ, бывшій самъ во ономъ, служа въ Фанагорійскомъ полку.

противорѣчіемъ, монархъ сказалъ Кутузову: „Михайло Иларіоновичъ, я вижу вы любите пожить!“— „О,—сказалъ посѣдѣвшій во браняхъ герой,—сегодня я говорилъ съ Вами какъ генераль, а завтра буду сражаться какъ простой солдатъ!“—и, вставши, удалился. Что чувствовалъ сей мудрый вождь, видя отверженными свои совѣты и предвидѣвшій слѣдствія сраженія, а слѣдственно и своей славы, о томъ всякій судить можетъ. Сказываютъ, что просматривая наканунѣ еще планъ атаки Кутузовъ сказалъ: „если мы по оному сдѣлаемъ шагъ впередъ, то мы погибли“. Извѣстно, что планъ сей дѣлалъ генераль Винценгероде, уроженецъ баварскій, и, когда читалъ оный государю, то сей сказалъ окружавшимъ его: „какъ рѣка льется!“ означая тѣмъ превосходство онаго. По мнѣнію военныхъ людей главная ошибка диспозитера была та, что атакующія колонны не имѣли сообщенія и что кавалерія вовсе была въ бездѣйствіи; второю и не менѣе важною почитаютъ ту, что государь ввѣрилъ центральную колонну глупому, но видному собой генералу Прѣбышевскому, отнявъ оную у умнаго не виднаго собою генерала Лимпфена, отчего и послѣдовала главная гибель арміи въ тотъ несчастный день 20-го ноября. Но замѣтя всѣ недостатки въ распоряженіи, должно сказать по свидѣтельству многихъ участвующихъ въ семъ сраженіи, что при самомъ первоначальномъ движеніи, солдатами овладѣлъ до того паническій страхъ, что они при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, бросая оружіе, бѣжали. Храбрый полковникъ Манахтинъ при всемъ своемъ мужествѣ не могъ остановить бѣжавшаго своего Новгородскаго пѣхотнаго полка; соребнователи сего достойнаго начальника генераль Миллеръ и полковникъ князь Сибирскій, покрыты, тяжкими ранами попали въ плѣнъ непріятеля, но полки ихъ постыдно бѣжали. Слѣдствіемъ злосчастнаго сего сраженія была потеря болѣе 20 тысячъ человекъ и болѣе 150 орудій артиллеріи. Получа свѣдѣнія о сей битвѣ, австрійскій императоръ палъ къ ногамъ счастливаго Бонопарта и заключилъ съ нимъ миръ въ Пресбургѣ; прусскій же король, ужаснувшійся неслыханной дотогѣ гибели русской арміи, которую они считали арміею исполиновъ, немедленно далъ повелѣніе корпусу нашему подъ командой генерала Бенигксена выйти изъ Пруссіи, гдѣ оный соединился уже съ его арміей, готовившейся идти противъ Наполеона, и свою армію удержавъ, вошелъ въ мирныя съ нимъ сношенія. При сихъ обстоятельствахъ, разбитая наша армія въ Моравіи бѣжала черезъ Венгрію въ Россію, куда въ началѣ 1806-го года и прибыла въ самомъ разстроенномъ состояніи. При окончаніи сей главы не могу не замѣтить геройскаго отвѣта генерала Кутузова, даннаго Александру I-му. Когда сей государь, получа извѣстіе послѣ сраженія, что Кутузовъ легко раненъ, то желая изъявить ему свое уваженіе послалъ къ

нему своего лейбъ-медика Виліе, но огорченный герой сказалъ сему любимцу царскому: „донесите государю, что рана въ сраженіи мною полученная не опасна, но та рана, которую онъ мнѣ далъ здѣсь, (показывая на свое сердце) неизлѣчима“.

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видя оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому совѣтнику Убрию заключить миръ съ Наполеономъ во что-бы то ни стало. Вслѣдствіе сихъ повелѣній Убри подписалъ мирный трактатъ таковаго содержанія, каковой побѣдителю подписать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англіи Пруссійскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣлъ сдѣлаться ея непріятелемъ, и Александръ I-й, успокоясь, увидѣлъ, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перемѣнилъ свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣйшимъ союзомъ и возжелалъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убри не только не ратификованъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя поспѣшность, и будто онъ дѣйствовалъ противно даннымъ ему наставленіямъ, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо всякій видѣлъ сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ новаго посла къ Наполеону, — Новосильцева, но съ требованіями, на которыя заранѣе знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей безполезной и на единой личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убри въ невыгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ, тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для пріобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенномъ адресѣ соглашаясь съ монархомъ, увѣрялъ, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлится не согласиться на предложенія, данныя ему государемъ; получа сіе сенатское увѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при слѣдованіи многочисленной арміи, ея артиллеріи, парковъ и прочая; словомъ, мы тонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, ведя сію войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединяли всякій стотысячный свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣя силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего періода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будутъ составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноября съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батареинная рота артиллеріи графа Сиверса; слѣдуя въ семъ порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединясь со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человекъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ; прочіе же мѣста сего нынѣшняго царства Польскаго, покрыты бѣдными деревеньками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанныя посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семъ походѣ впервые еще узнали *биваки*, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерію и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а небесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушили себя разводимымъ нами огнемъ, для котораго ломали заборы, овины, риги, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изну-

рительнаго похода была довольная убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шалашами, стояла разорительнаго опустошенія селеній и лѣсовъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Наровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сіе бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но наипаче оно проистекало отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событій коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой компаніи, принялъ нашъ 40 тысячный корпусъ подъ начальствомъ генерала Бенигсена въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онымъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; но неожиданный оборотъ сей войны и вѣроломные совѣты перваго королевскаго министра маркиза Лукхезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа извѣстіе о слѣдствіи Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонапартомъ, выслалъ нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствіе на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободясь отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствии политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонапартъ рѣшился самъ нанести ударъ невѣрной союзницѣ и вслѣдствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію; за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, гдѣ Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеизма и чести, а не на вѣрѣ и вѣрности, и мы были свидѣтелями быстрого и ужаснаго паденія царства атеизма, гордынею человѣческою воздвигнутаго, въ семь не бываломъ доселѣ пораженіи, а не сраженіи; Наполеонъ взялъ въ плѣнъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Мелендорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерію; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рюхелемъ бѣжалъ за Вислу, а генералъ графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами засѣлъ въ Данцигѣ. Слѣдствіемъ Іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо ея зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести недѣль прошедъ все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столь прославленнаго философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычайнаго и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, бывъ призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра непріятельскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстъ къ Остерлянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Бенигсена, занимавшаго Варшаву. и при появленіи Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сіи движенія простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время пріѣхалъ къ намъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпусовъ генераловъ Бенигсена, Буксгевдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣщавшую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полковъ гусаръ, драгунъ и кирасиръ съ пушками артиллеріи и простиравшуюся до 130 тысячъ, считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерпѣвая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствіи, мы брали рожь у жителей и мололи ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокой голодъ. Каменскій, пріѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ лѣтописяхъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ неизвинительный, но въ правленіе слабое и безпорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Бенигсенъ при Пультускѣ былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приближась къ Бенигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣдавшаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрнѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлають его

виновнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище нѣмцевъ Бенигсенъ, Буксгевденъ и Эссенъ, оставшись безъ главнаго вождя, начали плутать по Польшѣ и втокнулись въ началѣ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія и поручена командѣ генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), слѣдственно, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступленіе, сей маневръ нѣмецкаго характера, отъ котораго мы потеряли большое число людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими поляками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человекъ выбыло изъ строя 300 человекъ, усталыми нашими—и бѣжавшими поляками), произвели наконецъ всеобщій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышитъ онъ и просить ихъ объявить онымъ, что онъ не боится французовъ, а ведетъ армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе увѣреніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣстѣ, чѣмъ изнурять себя робкими ретиродами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсигъ-Эйлау, но уже довольно жаркая, въ которой я видѣлъ героя князя Багратіона, командующаго нашимъ аріергардомъ. къ которому мы были посланы на подкрѣпленіе, и я съ гренадерскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсигъ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежащія, построясь въ ордеръ-баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семь положеніи ночевали.

27-го день достопамятнѣйшій въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящій изъ нашей 5-й и 7-й дивизіи подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; она была допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастіономъ Шульманомъ, Никитинымъ и графомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвелъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыя, бывъ смяты равномерно огнемъ нашей славной артиллеріи, были преслѣдованы полками нашей дивизіи Сѣвскимъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкрѣпленіе прусскій генералъ Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ нѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видя, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятеля, стоялъ безъ дѣйствія подъ губительнымъ огнемъ артиллеріи французской, ни мало не думалъ послать нѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріателемъ учиненномъ, рѣшился было отступить, но былъ отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ благоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшій пальбой непріятельскихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Симъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человѣкъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срыванія части череповъ и большею частію были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступить многочисленностію превосходящаго насъ непріятеля, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только объ одной или двухъ: на примѣръ—изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и возлѣ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ мнѣ, но ударившись въ бывший противъ меня непримѣтный почти бугорокъ, столь углубилось, что засыпавъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увидя меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящикъ, убило лошадь и оторвало объ ноги состоявшему возлѣ меня канониру, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтеръ-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человѣкъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семъ сраженіи въ строѣ было 76000 человѣкъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до свѣту къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. Итакъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ бывъ истребительною, осталась однако нерѣшеною. Сражаясь два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человѣкъ, и мы сформировавшись въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанію главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семь положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немного мяса, послѣ сего, дня черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. Итакъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комнатный воздухъ; оборвавшись весь, я здѣсь сшилъ себѣ платье и утолилъ свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нужды и лишеній! Но и въ ней есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытаетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣдъ и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле брани, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождаетъ въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встрѣчѣ съ оными.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ онаго и пошли въ селеніе Нейендорфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегелѣ при Куришъ-Гафѣ или заливѣ Балтійскаго моря; онъ довольно обширенъ, строеніе имѣетъ все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательнаго ничего; торговлю производитъ обширную съ Литвой и Польшей и имѣетъ жителей болѣе 60 тысячъ. — Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возлѣ его принесло ему 2 милліона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получа свое жалованье и рационныя деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостію вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, кровію своею запечатлѣвшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ прапорщикъ моей роты Константинъ Бровчинскій, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, пріими духъ мой!“ и за симъ словомъ испустилъ духъ свой возлѣ

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть. не только устоялъ на мѣстѣ, но весьма хладнокровно сказалъ: „этакія бестіи, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейндорфѣ до 16-го апрѣля, въ которое время подошли къ намъ усталые и бѣжавшіе изъ плѣна непріятельскаго наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландсбергъ, Оршенъ въ городъ Цинтенъ, гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день послѣдовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Митьэтень и Ведитень въ городъ Фишгаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я море. Сей величественный видъ приковалъ меня на нѣсколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приближаясь къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенькѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и я игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ, изъ палатъ царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле брани, гдѣ скитаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить мнѣ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія вся пройдетъ въ бѣдствіи? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписываю изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сіи мирныя размышленія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій, ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначаемся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа, и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебень, прося Господа силъ благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семь городѣ нашли мы всѣ полки своего отряда, названнаго летучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго, Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семь отрядѣ простиралось до 5000 по случаю большой недостачи комплекта. Съ самаго ранняго утра стали садиться на купеческіе корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на взморье. Здѣсь представился для меня одинъ изъ достопамятнѣйшихъ видовъ въ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійскаго фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣйшемъ порядкѣ, на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зрѣлище, объ которомъ житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усьянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы крикнувъ ура, при громкой музыкѣ понеслись по гладкой поверхности зыблущейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ насладиться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизъяснимо разительнымъ захожденіемъ солнца, отъ котораго все море попеременно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти въ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣйшій; итакъ, покуда займемся взглядомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генералъ Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Іенскаго истребленія возшелъ въ Данцигъ; Наполеонъ приближаясь къ Вислѣ отрядилъ къ Данцигу маршала своего Лефебра съ 30 тысячнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытіемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрѣпленію которыхъ сначала посланъ нашъ генералъ Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впослѣдствіи названными Бѣлостокскимъ полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрѣпленіе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операцій, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и сими войсками, разбивъ маршала Лефебра, идти въ тылъ Наполеону; соображеніе было важное, но весьма жалъ, что оно осталось безъ исполненія. Вслѣдствіе сего то мы и назначены въ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокою бурю, которая развела столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ паденіи своемъ казалось погружался въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ оную; такимъ образомъ буря продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа она утихла, а мы въ сей день

взошли въ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сію, которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ: строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ семъ оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзною, состояшею изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телеграфа. 2-го мы, для сдѣланія фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, расположась въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейксельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова; здѣсь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидаясь свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерскаго полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человѣкъ съ cadaго, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простиралось до 1600 человѣкъ и ею командовалъ генералъ майоръ Лаптовъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простиралось до 1500 человѣкъ. 3-я составлена была изъ полковъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человѣкъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человѣкъ.

Общія распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуетъ лѣсъ, въ лѣвомъ флангѣ нашемъ лежащій и занятый непріателемъ; вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленный холмъ и взявъ его приступомъ, откроетъ тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сіе время гарнизонъ сдѣлаетъ сильную вылазку; 3-ья колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлками правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно намъ въ Данцигъ; но всѣ сіи предначертанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученное непріателемъ скорое подкрѣпленіе остановило первый ея натискъ, и огонь закипѣлъ на одномъ мѣстѣ. Въ сіе время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, пройдѣвъ съ полверсты отъ оной: въ сіе мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ея удара во флангъ непріятеля, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вмѣсто сего Каменскій, будучи пьянъ, въ сіе время остановилъ насъ, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефевръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посылать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью; у насъ почти безпрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жалости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насъ бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу моря, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣйствія 1800 человекъ войска, но Каменскій ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмельѣ. И такихъ то людей избирали тогда въ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣпенѣнію Александра 1-го обязана Россія пятилѣтнимъ униженіямъ и разорительнымъ 1812 годомъ. Наконецъ непріятель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившія, усилиясь, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, видя сіе, теперь рѣшился оную подкрѣпить и то частями, посылая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршалъ Лефевръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріятеля возросло до 5000 человекъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсиля нашу колонну взятіемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поворотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занявъ наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость; тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостію удерживали болѣе 4 часовъ. Подошедъ къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построивъ въ линію, я быстро повелъ въ жестокой огонь, кипѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо на вылетъ, и брызнувшая фонтаномъ кровь моя

принудила меня отдать команду старшему по мнѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣпленіи и спросившаго о мнѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной мнѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ Каменскій, видя, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, далъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустрашимостью, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, командуя 2-й колонной.

Въ сіе сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированіемъ, полкъ нашъ покрылся славою предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъ уваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ въ моей ротѣ изъ числа 85 человѣкъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего вышло изъ фронта 45 человѣкъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, вышло 396 человѣкъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ просвѣщеннѣйшаго и опытнѣйшаго генерала взошли бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Лефевра, а симъ самымъ ослабя его армію, споспѣшествовали бы равновѣсію силъ оной съ нашею. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для насъ день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были переранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты гренадеръ Мироновъ, бросаясь въ средину непріятелей, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднять на штыкахъ.

4-го мая насъ раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, видя, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывший у насъ англійскій генералъ Гутчинсонъ объявилъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ дней черезъ 10 съѣхать на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибывъ

въ Кенигсбергъ, насъ выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сіе время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу въ экипажѣ, увидя насъ лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камеръ-пажа въ ратушу за квартирами для насъ, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ насъ будетъ платить свои деньги хозяевамъ за наше содержаніе, что великодушно исполняла восемь дней, ибо далѣе исполнить сего была не въ состояніи по истощенію собственныхъ ея финансовъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня присылала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, бывъ въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ насъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы долженствуешь быть незабвенными въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдаленнѣйшимъ, благомыслящимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходѣ мая, но полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козловскій, восторженный симъ поступкомъ, рассказаннымъ имъ графу Дебальменъ и Воронцову, и князю Долгорукову флигель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески побережь себя, и я чувствуя, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Фридландское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семъ путешествіи сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здѣсь рѣка сія имѣетъ около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу. барону Маркловскому, здѣсь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности размѣстить насъ по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простиралось до 700 человѣкъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячъ, предложилъ намъ ѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченіи ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ котораго въ селѣ Подсосенкахъ покойная мать моя тогда находилась, и которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, и имѣніе нынѣ продается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ на ту по истинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля оставили мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неимоверною храбростью своею, одними своими трудами и рвеніемъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго, который, говоря по самой строгой безпристрастной справедливости, не заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи и остановился въ городѣ Бартенштейнѣ. Обрадованная армія прибытіемъ своего монарха еще болѣе укрѣпилась въ духѣ военномъ, и мы всѣ тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду или бы далъ намъ Кутузова. Но злой геній, управлявшій тогда симъ государемъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому Бенигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывшій подъ начальствомъ безцѣннаго героя князя Петра Ивановича Багратіона, въ первыхъ числахъ Мая оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію Австріи на театръ войны остались безуспѣшны, и Францъ I-й дорого заплатилъ впослѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его соединенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Между тѣмъ Бенигсенъ, получа донесеніе Каменскаго о невозможности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновои арміи корпусомъ маршала Лефевра, къ которой и такъ уже подошли сильныя подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, генерала Деларомани, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи и занимаетъ Гудштадъ, Бенигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ нашихъ противъ непріятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену (что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуетъ стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сдѣлалъ на дорогѣ привалъ, то маршалъ Ней, имѣя время получить подкрѣпленіе отъ ближнихъ къ нему войскъ сталъ несравненно сильнѣе Багратіона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратіонъ, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей спѣшилъ къ нему, и видя что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ умѣлъ навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощелкала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратіонъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорятъ, что въ пылу гнѣва князь едва не закололъ его.

Князь Багратіонъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по похвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, видя непреодолимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабаго умомъ Бенигсена оставить оную, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Бенигсенъ потянулся къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Іюня послѣдовала та битва, слѣдствіемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ теченіе 5 лѣтъ, войною шведскою, потерю всего флота, въ Архипелагѣ бывшаго, и иго милліонной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ нѣсколько словъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ оной. Съ ранняго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркій; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Бенигсенъ поѣхалъ въ городъ обѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, состави ружья, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользуясь мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточа свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленныя ружья на дальнѣе разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвелъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: „къ ружью!“ Солдаты бросились къ

онимъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство; въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, поспѣшали къ замѣшавшемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередъ. Артиллерія наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервѣ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удержались, а видя разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чемъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Доктуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искуснымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, Доктуровъ нанесъ непріятелю весьма значительный уронъ, заставя французовъ остановиться. Слѣдовало бы Бенигсена перваго судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Депрерадовичъ, если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сіе сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и плѣнныхъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ ней поспѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидясь съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключилъ постыдный миръ въ Тильзитѣ.

Глава V.

Возвращеніе въ полкъ.

Въ предыдущей главѣ было показано, что я по полученіи паспорта отъ генерала барона Маркловскаго выѣхалъ изъ Юрбурга въ городъ Ковно, лежащій на самомъ берегу Нѣмана: онъ невеликъ, но строеніемъ хорошъ, а мѣстоположеніе его прелестно. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что здѣсь варится медъ наилучшаго вкуса, но и весьма крѣпкій, онъ извѣстенъ вездѣ подъ именемъ Ковенскаго. Изъ Ковно приѣхавъ въ городъ Вильну, столицу, такъ сказать, Литовскаго края, я остановился въ немъ на нѣсколько дней для полученія слѣдовавшаго мнѣ жалованія отъ находящагося здѣсь генералъ интенданта арміи князя Волконскаго и, получа оное, пробывъ дня три, пустился въ даль-

нѣйшій путь. Изъ Вильны я ѣхалъ порой въ полѣсской телѣжкѣ, едва помѣщавшей меня и дѣлавшей сей вояжъ очень безпокойнымъ, тѣмъ болѣе, что и раны мои едва закрываться стали; пріѣхавъ въ Оршу, я долженъ былъ остановиться для отдыха, чувствуя чрезвычайную въ себѣ слабость и не имѣя для отдыха своего даже и порядочной постели, ибо ѣхавши изъ столь труднаго похода, откуда ее и имѣть мнѣ было. Въ Оршѣ къ несчастью занемогъ у меня человѣкъ, и такъ я еще и для него долженъ былъ пробыть нѣкоторое время. Здѣсь я часто хаживалъ на Днѣпръ и любилъ сидѣть на большомъ камнѣ изъ него выдавшемся, предъ самымъ опустѣвшимъ іезуитскимъ монастыремъ; я чувствовалъ къ сей величественной рѣкѣ особенную какую то привязанность, быть можетъ и потому, что и на берегахъ ея узрѣлъ здѣшній свѣтъ; мнѣ казалось, что ея виды были сильнѣе другихъ рѣкъ, теченіе величественнѣе и она прекраснѣе, однимъ словомъ, я просиживалъ у нея по нѣскольку часовъ, предаваясь сладостной задумчивости. Орша небольшой, но довольно пріятный городокъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ Красный, пріѣхалъ я въ Смоленскъ древній городъ Матушки Россіи; прекрасное строеніе его, великолѣпныя палаты, вросшій въ землю отъ многихъ вѣковъ храмъ смоленскій; все сіе привлекало жадные мои взоры.

Толпы ликующаго и разряженнаго народа, множество экипажей, ѣхавшихъ отъ древняго собора, гдѣ въ сей день праздновали образу Смоленской Богородицы, были предметы для меня прелестные, послѣ военныхъ предметовъ! Здѣсь остановился я въ домѣ гостепріимнаго городского маклера, который по врожденному русскимъ радушію очень заботился о угощеніи израненнаго воина. Пробывъ въ семъ прекрасномъ городѣ цѣлый день, я выѣхалъ пзъ онаго, вовсе не помышляя, что сей прекрасный нашъ городъ черезъ пять лѣтъ будетъ сравненъ съ землею, и что тысячи его счастливыхъ тогда обитателей будутъ, лишенные крова, скитаться по Россіи, испрашивая себѣ великодушной помощи, въ чемъ жестокое правительство имъ отказало или, давъ малѣйшую часть, не устранило грабежа алчныхъ чиновниковъ! Подлинно жизнь сія есть море напастей, воздвигаемое бурей! Кто бы могъ подумать въ 1805 году, что Аустерлицкое сраженіе, предначатое Александромъ I-мъ по его своенравію, будетъ стоить толикихъ слезъ и крови любезному отечеству нашему? Что его ненавистное упорство противъ Кутузова въ 1801-мъ году повлечетъ за собой 1812-й годъ, столько бѣдствій причинившій Россіи? Не Барклаю-де-Толли, слабому и не знавшему вождю, избранному Александромъ I-мъ, но герою Смоленскому Кутузову, избранному Богомъ и отечествомъ, надлежало быть спасителемъ Россіи.

Изъ Смоленска выѣхавъ, проѣзжалъ я города Дорогобужъ, Вязьму, города очень хорошіе хотя и небольшіе, но богатые; изъ нихъ первый расположенъ на горѣ и дѣлаетъ своими каменными церквами и зданіями прекрасный видъ; второй замѣчателенъ своею древностію и богатствомъ жителей, и въ которомъ большая часть каменнаго строенія, но расположенъ оный на низменномъ мѣстѣ, и сіи оба прелестные городки истреблены въ 1812-мъ году. Послѣ оныхъ проѣзжалъ я Калугу, Алексинъ, Тулу, Епифанъ, Скопинъ, Рязскъ и Сапожокъ и наконецъ пріѣхалъ Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда въ село Подсосенки, гдѣ тогда покойная мать моя имѣла свое пребываніе. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ на другой день получилъ жестокую горячку, слѣдствіе трудовъ военныхъ и безпокойнаго путешествія въ 2000 верстъ! Я былъ въ отчаянномъ положеніи и меня сочли за нужное пріобщить уже Святыхъ Таинъ. Я помню и теперь, что, когда меня привели въ чувство, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ священника съ чашею примиренія, которая несена была изъ церкви, гдѣ въ сіе время служили обѣдню, то Вселѣгій Богъ даровалъ мнѣ столько вѣры, что я всталъ и сказалъ: „стою ли я этого?“ и съ чувствомъ пріобщился Святѣйшаго примирительнаго Тѣла и Крови возлюбленнаго Спасителя нашего и послѣ сего уснулъ. Сонъ произвелъ во мнѣ потъ, и я, получа облегченіе, началъ выздоравливать. Въ сей болѣзни я видѣлъ внимательное къ себѣ расположеніе покойной моей матери, и за сіе не могши еще ходить, велѣлъ себя принести съ постелью къ ногамъ ея для изъясненія ей моей благодарности. Оправясь совершенно, я помышлялъ объ отправленіи моемъ въ полкъ, ибо сестры мои, виновницы всего неустройства нашего семейства, столь же были расположены ко мнѣ, какъ и прежде, изъ одного желанія корысти и любостыжанія, примѣръ поучительный для корыстолюбцевъ, ибо изъ ихъ поведенія видно, что сердца одержимыя сею болѣзнію тверже самаго металла.

Покойная мать моя, желая провести зиму въ Тулѣ для своего удовольствія, сама поѣхала вмѣстѣ со мною. Итакъ мы въ началѣ Сентября, большимъ количествомъ экипажей, ибо и сестры тутъ же ѣхали, пустились въ путешествіе, намѣриваясь по волѣ покойной матери моей заѣхать поклониться мощамъ архіерея Тихона, въ Задонскѣ почивающимъ. На пути семъ проѣзжали мы четыре города, изъ нихъ первый *Липецкъ*, славящійся своими минеральными водами; онъ начиналъ тогда улучшаться отъ множества посѣтителей, но я замѣтилъ здѣсь одну только любопытную вещь—плотину, строенную Петромъ Великимъ: она чрезвычайно прочна, какъ и всѣ его учрежденія, ширины она необыкновенной и сдѣлана превосходно.

Зидонскъ—небольшой городокъ Воронежской губерніи, но строеніи въ немъ есть прекраснѣйшія и онъ годъ отъ году приходитъ въ лучшее положеніе отъ множества прѣзжающихъ и приходящихъ на поклоненіе св. Тихону. Люди столь суевѣрные, что несмотря даже и на то, что сей покойный архіерей (впрочемъ мужъ знаменитый своими сочиненіями и гоненіями) не причисленъ къ лику святыхъ и самымъ духовенствомъ, толпами идутъ и ѣдутъ сюда. Но что пользы въ этомъ? Надлежало бы по примѣру Тихона исправить свою нравственность его посѣтителемъ и просить о семъ того верховнаго нашего Благодѣтеля, безъ котораго помощи и Тихонъ не могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ и умолять Господа Искупителя нашего, да дастъ Онъ намъ сердце сокрушенно и смиренно!—Святыхъ уважать и подражать имъ должно, но при семъ всегда должно помнить, что и имъ всѣ блага далъ Богъ, а не они сами собою стали совершенными, помня слова св. апостола Павла: „кто Павелъ? кто Аполлосъ, они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали и при томъ поколику каждому далъ Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а выросилъ Богъ!“ (Къ Коринѳянамъ I-го посл. гл. III-я стих. 5 и 6-й). Устремлять мысли свои къ Единому всего Подателю Самъ Спаситель нашъ повелѣлъ намъ знать и кланяться „Единому Богу и Имъ посланному Иисусу Христу“.*) Слѣдовательно это видно и спасетъ насъ, да и церковь наша поетъ: „Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ Единосущной и Нераздѣльной“. За предѣлами гроба не избавятъ насъ отъ наказанія сіи суетныя путешествія, если мы не исправились въ своей нравственности; ты хочешь ѣхать на поклоненіе въ какой либо монастырь? собери лучше тѣ деньги, которыя издержалъ бы на сіе, отдай ихъ нуждающимся и оставаясь дома молись Тому, Который иже вездѣ сый. Или мы уже глухи стали къ глаголу вѣчной истины, научившей насъ, „что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ истиннѣ“ (Іоанна гл. IV-я ст. 21-й и 22 и 23-й) или мы уже не тѣ христіане, которыхъ великій апостолъ Христовъ Павелъ училъ, что самовольное служеніе и изнуреніе тѣла только удовлетворяетъ плоти, но пользы не приноситъ (смотри къ Колосс. посл. гл. II ст. 23-й и многія мѣста всего Новаго Завѣта). Ахъ, какъ мы отдѣлились единства церкви Христовой, для чего мы оставляемъ единый, истинный источникъ и копаемъ себѣ колодези каждый по своему вкусу? „Меня оставиша источника воды живыя и ископаша себѣ кладези“! говоритъ Господь—будемъ просить Господа, чтобы Онъ явилъ намъ милость свою, утверждая насъ на пути

*) Іоанна гл. XVII-я ст. 3-й.

истинномъ и Ему благоугодномъ, избавляя насъ отъ всѣхъ лицемерныхъ и суевѣрныхъ дѣйствій и надеждъ.

Козловъ городъ очень хорошій и довольно обширный; это складочный магазинъ для большой половины обширной Тамбовской губерніи, и здѣсь видѣлъ я невѣроятное множество дынь и арбузовъ, родящихся въ полѣ въ окрестностяхъ сего города и за которые здѣсь платятъ весьма дешево, на примѣръ: двѣ дыни денежка, арбузъ довольно большой—2 копейки, но вкусъ сихъ плодовъ очень посредственный и вовсе не можетъ сравниться со вкусомъ родящихся у насъ въ парникахъ.

Раненбургъ, (Рязанской губерніи), имѣющій довольно хорошее строеніе и расположенъ на горѣ; онъ замѣчателенъ болѣе потому, что здѣсь въ царствованіе Елизаветы I-й содержался Іоаннъ Антоновичъ, назначенный отъ Анны Грозной императоромъ Россійскимъ, но сверженный съ престола въ самомъ еще малолѣтствѣ. Онъ былъ сынъ герцога Ульриха Брауншвейскаго и принцессы Анны племянницы Грозной. Развалины крѣпостцы, гдѣ содержался Іоаннъ, еще существуютъ, и любопытный путешественникъ можетъ на ея развалинахъ мечтать о прочности земного величія. Сей городокъ напоминаетъ собою и знаменитаго нѣкогда князя Меншикова обладателя сего города и окрестныхъ селъ, гдѣ онъ во времена своего могущества отдыхалъ иногда отъ трудовъ своихъ, и украсилъ его окрестности, копая пруды и дѣлая плотины, которые теперь время почти совсѣмъ уничтожило.

Представя себѣ Іоанна и Меншикова, здѣсь бывшихъ, нельзя не сказать, что сей городъ можетъ служить поученіемъ для насъ, хотя и безмолвнымъ, но не менѣе того краснорѣчивымъ.

Пріѣхавъ въ Тулу и по кратковременномъ отдыхѣ, я 6-го октября выѣхалъ къ своему полку, стоявшему въ городѣ Вилейкѣ Минской губерніи, какъ извѣстилъ меня Тульскій губернаторъ.

При семъ отъѣздѣ покойная мать моя прощалась со мною нѣжнѣйшимъ образомъ и сіе воспоминаніе навсегда останется въ благодарномъ моемъ сердцѣ. Изъ Тулы я ѣхалъ на города: Алексинъ, Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Борисовъ; пріѣхавъ въ Вилейку, и не нашедъ здѣсь полка, я долженъ былъ написать о семъ Минскому губернатору Корнѣеву, прося его извѣстить меня, гдѣ Могилевскій полкъ находится? Въ семъ ожиданіи остался я въ Вилейкѣ и занялъ квартиру у отставного флота капитанъ-лейтенанта Алексѣя

Петровича Слизова, одного русскаго въ семъ польскомъ городкѣ живущаго. Радужный мой хозяинъ обходился со мною какъ родной, угощалъ меня славно, ибо имѣлъ въ окрестности сего города 200 душъ, отцу его, храброму контръ-адмиралу за Шведскую войну Екатериною II-й пожалованные. Здѣсь я прожилъ болѣе двухъ недѣль и ласкою добраго хозяина не могу нахвалиться. Сей городъ имѣетъ прекрасную военную для обороны позицію, будучи расположенъ на крутомъ берегу рѣки Вилейки, но самъ по себѣ очень дурень и худо выстроенъ. Получа отъ губернатора отвѣтъ, что полкъ мой стоитъ въ Полоцкѣ, я пустился въ оный проселочною дорогою на городъ Десну, но пріѣхавъ въ Полоцкѣ не нашелъ и здѣсь своего полка, но зато вѣрно узналъ уже, что оный стоитъ въ Витебскѣ, куда я вскорѣ и пріѣхалъ. При семъ долженъ сказать, что я изъ Юрбурга до Шацка и отъ Шацка до Витебска ѣхалъ на свой счетъ, ибо тогда и раненымъ прогоновъ не давали. Итакъ моя рана, полученная за отечество на полѣ брани, сверхъ убытка для моего здоровья, стоитъ мнѣ болѣе 700 рублей. Гдѣ справедливость правительства? но тогда все шло криво, теперь же раненымъ выдаютъ прогоны и лѣчатъ ихъ на казенный счетъ.

Глава VI.

Второй военный походъ къ шведской границѣ.

Прибывъ въ полкъ, я нашелъ, что полкомъ нашимъ командуетъ подполковникъ Обуховъ, и шефомъ назначенъ къ намъ генералъ майоръ Пассекъ. Въ Витебскѣ я нашелъ главнокомандующаго своего генерала графа Вуксгедена и, бывъ одинъ разъ дежурнымъ по полку, и пришедъ къ нему я нашелъ его читающаго календарь! Занятіе достойное того, кому Александръ I-й ввѣрилъ армію, но сей читатель мѣсяцелова вскорѣ отъ насъ уѣхалъ.

Недолго отдыхалъ я, ибо въ исходѣ декабря мы выступили въ походъ въ Петербургъ и слѣдовали на города: Городокъ, Невель, Великія Луки, гдѣ пріѣхалъ новый шефъ къ намъ, глупый и алчный генералъ майоръ Булатовъ (имѣвшій впослѣдствіи великое вліяніе на судьбу мою) черезъ Порховъ, Лугу, Гатчино и Царское Село. Проходя оба послѣднія мѣста, я встрѣчалъ ихъ какъ давно знакомыхъ друзей и мечталъ возвратиться во времена моего счастья, когда, бывъ извѣстенъ царю, я наслаждался счастіемъ лѣтъ юности беззаботной. Въ Петербургъ мы вошли вечеромъ 26-го января 1808-года и, проходя его великолѣпными улицами, остановились на Выборгской сторонѣ.

На другой день я ѣздилъ къ знакомымъ своимъ Ивановымъ, гдѣ провелъ весь день, свидаясь съ ними черезъ 6 лѣтъ. На другой день по утру смотрѣлъ полкъ нашъ императоръ Александръ I-й и былъ недоволенъ выправкою людей и церемоніальнымъ маршемъ, не помысливъ, что у насъ въ полку было болѣе 1200 человекъ ратниковъ изъ распущенной милиціи. Въ сей день, выступя изъ сѣверной нашей столицы, мы послѣдовали къ бывшей нашей Шведской границѣ въ кирштель. *Соуминеми* (кирштель есть селеніе, гдѣ есть лютеранская кирка; оно соотвѣтствуетъ нашему селу, но не пространствомъ, ибо при киркѣ бываетъ двора по два), гдѣ и остановились до 20-го февраля, и я жилъ здѣсь въ самой скверной, курной избѣ, гдѣ вмѣстѣ были со мной и хозяйская скотина, ибо ее выгонять было не велѣно. Здѣсь объявленъ намъ императорскій приказъ, что мы, въ числѣ 4-хъ дивизій составляя армію, поступаемъ въ начальство генерала графа Буксгевдена и предназначены для завоеванія шведской Финляндіи; что сему главному начальнику дается власть: рядовыхъ лишать жизни, а офицеровъ разжаловать въ солдаты въ случаѣ вины ихъ, не донося о семъ государю. Всеобщее омерзѣніе было отвѣтомъ на сію прокламацію, ибо всѣ вообще ненавидѣли Буксгевдена за его временное начальство въ прошлую войну и за его жестокость.

Теперь обратимъ взоръ на край, куда судьба привлекла меня; мрачный лѣсъ, камни ужасной величины и пропасти, между которыми тамъ и сямъ раскиданы бѣдные крестьянскіе дворы, и то весьма рѣдко, представились изумленному моему взору на всемъ семъ пространствѣ отъ самаго почти Петербурга, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ. Здѣсь ничего порядочнаго достать было нельзя! Нечистота жителей и ихъ жилищъ отвратительна; однимъ словомъ, это самый скверный, скучный и мрачный край, который казалось недавно еще вышелъ изъ-подъ вѣчныхъ водъ и населенъ преступниками, изгнанными изъ государствъ образованныхъ.

Среди сего хаоса *Выборгъ* показался мнѣ прекраснѣйшимъ городомъ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ; вмѣщая въ себѣ прекрасные каменные дома и имѣя все, не только нужное, въ изобиліи, но и къ роскоши служащее. Онъ особенно славится кренделями, которые и въ самомъ дѣлѣ безподобнаго вкуса и извѣстны въ Петербургѣ подъ собственнымъ названіемъ Выборгскихъ кренделей. Въ отношеніи военномъ онъ считается и есть первоклассная крѣпость, могущая выдержать долговременную осаду большой арміи и флота; но безъ сего послѣдняго онъ неприступенъ, стоя на берегу Финского залива, который былъ

въ сіе время окованъ свирѣпою полярною зимою. Здѣсь я былъ угощаемъ братомъ моего поручика Плеханова, и слыша отъ него о томъ краѣ, куда шли, запасся я здѣсь всякою провизіею и особенно кофеемъ, столь нужнымъ въ семъ хладномъ зимою и сыромъ лѣтомъ краю. Далѣе проходили мы маленькій городокъ и крѣпостцу Виль-Монстрантъ близъ нашей бывшей границы, лежащіе при озерѣ Сайма, на которомъ была при насъ и гребная флотилія и крѣпости для защиты оной. Сія крѣпостца и другія лежащія на линіи ея какъ то: Давыдовъ, и Кюменгордъ построены по плану и подъ надзоромъ великаго Суворова знаменитаго князя Италійскаго. Предъ Сауминему проходили мы и кирку Савитайполь, столь извѣстную въ нашей военной исторіи пораженіемъ принца Ангальта брата Екатерины II-й. Сраженіе сіе было при большомъ мостѣ, лежащемъ ниже озера Куолимо, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нашихъ и шведовъ легло тысячи, а мы проходили сей мостъ въ совершенной тишинѣ и только у немногихъ изъ насъ одна мысль оживляла подвиги минувшаго вѣка. Послѣ сего не жалки ли люди, которые думаютъ кровополитіемъ купить для себя славу, столь скоро забываемую и такъ, что даже и могилъ храбрыхъ вовсе уже не видно, ибо ни одинъ памятникъ не оживляетъ ихъ! Вскорѣ, вскорѣ и наша кровь польется рѣками на сушѣ и водахъ и то же забвеніе грозитъ и тѣмъ, кого судьба обрекла быть жертвою войны сей, самой несправедливой, каковую когда либо предпринимала Россію.

При семъ слѣдуетъ замѣтить, что я въ Петербургѣ получилъ за сраженіе 3-го мая 1807-го года при Вейсфельмюндѣ орденскую шпагу, малую награду за мое рвеніе, и въ Виль-Монстрандѣ получилъ приказъ, которымъ произведенъ я въ капитаны.

Глава VII.

Заграничный военный походъ и сраженія до 1-го мая 1808-го года или до окончанія первой компаніи.

Простоявъ въ скучной и мрачной Сауминему въ ожиданіи движенія главнаго корпуса нашей арміи, пошедшаго по берегу Финскаго залива къ Ловизѣ и Швортгольму и далѣе къ городу Борго, близъ двухъ недѣль; мы наконецъ 20-го февраля того 1808-го года выступили за границу и послѣдовали своей колонной къ киркѣ Сантъ-Христино, а потомъ и въ Сантъ-Михель маленькій городокъ, гдѣ было шведское депо для пѣхоты и гребной флотъ; послѣдній шведы сожгли, оставя намъ болѣе 50

орудій артиллеріи большого калибра и всѣ чугуныя, а депо, не успѣвъ вывезти многія прекрасныя вещи, намъ оставили. Здѣсь просто-яли мы нѣсколько дней въ ожиданіи движенія главной колонны нашей, 5 дивизіи подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Тучкова, слѣдовавшаго изъ городка Нейшлота на кирку Іорсисъ. Тучковъ, приближаясь къ укрѣпленному городу Варкаусу, почелъ нужнымъ вмѣсто прямого слѣдованія нашего на городъ Куапо, притянуть насъ къ себѣ, почему оставя въ Сантъ-Михелѣ роту мою подъ начальствомъ штабъ-капитана Юнія, а меня взявъ съ собою, генералъ майоръ Булатовъ начальникъ нашей колонны пошелъ черезъ кирку Іокасъ въ Іорсисъ, гдѣ и соединились мы съ своею дивизіею, Здѣсь слѣдуетъ сказать, что наша колонна до соединенія съ Тучковымъ, состояла изъ нашего и Пермскаго полковъ, 2 ротъ Выборскаго гарнизона подъ начальствомъ ихъ подполковника Дункера, эскадрона Гродненскихъ гусаръ, 100 казаковъ и 12 орудій легкой артиллеріи. Изъ Іорсиса выступили мы всей дивизіей черезъ деревеньку Куванси къ Варкгаузу, занятому непріателемъ подъ начальствомъ генерала графа Кронштета; сіе укрѣпленное природою и искусствомъ мѣсто, лежащее между двухъ озеръ, не представляло иного способа къ взятію силою, какъ дѣйствовать по льду во фланги онаго, а слѣдственно и подвергнуть себя большой потерѣ на столь открытыхъ мѣстахъ при влѣзаніи, можно сказать, на скалы онаго. Но Тучковъ рѣшился на сіе и сдѣлалъ уже диспозицію къ атакѣ, какъ Кронштеть, имѣя немного войска, рѣшился взорвать пороховой магазинъ и ночью отступить; взрывъ сей, послѣдовавшій предъ разсвѣтомъ когда шведы давно уже ушли, былъ сигналомъ для нашего вступленія въ Варкгаузъ, куда мы и вступили при первыхъ лучахъ солнца. Взорру нашему при входѣ въ оный представлялся утесъ, покрытый болѣе нежели 40 орудіями, которыя непріатель тутъ оставилъ; сей утесъ или каменная скала имѣетъ на себѣ довольно хорошее чистое и опрятное строеніе которое и вмѣщало жителей до 2500 душъ. Здѣсь была верфь для строенія гребныхъ судовъ на большомъ озерѣ Лимавеси, сливающимся съ другими и простирающимися до самого Вильманстранта и Нейшлота. Здѣсь мы получили также въ военную добычу болѣе 80 орудій морской артиллеріи, бывшей на судахъ, кои всѣ сожжены шведами. Изъ Варкгауза послѣдовали мы къ киркѣ Липавирта, гдѣ произошла первая перестрѣлка нашего авангарда подъ начальствомъ генерала Гарнаульта со шведами. Отсюда двинулись мы къ городу Куопіо, подъ которымъ послѣдовало сраженіе нашего, до 3000 простиравшагося авангарда съ шведскимъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ 700 челѣвъкъ съ 8 пушками, Здѣсь замѣчу только, что Булатовъ въ сей день командовавшій нашимъ авангардомъ, имѣя втрое болѣе войска и

выгоду мѣста на своей сторонѣ, не умѣлъ отрѣзать непріятельскаго аріергарда и отбить прикрываемаго симъ послѣднимъ транспорта, стоившаго болѣе 100 тысячъ рублей. Наконецъ послѣ сраженія, болѣе 4 часовъ продолжавшагося, непріятель былъ разбитъ и преслѣдованъ къ селенію Тайвола, а мы вступили въ городъ къ вечеру.

Удивительно, что и генераль Тучковъ не воспользовался опытомъ прошлой войны и, имѣя всю дивизію подъ рукою, не подавилъ всюю массою шведскаго аріергарда, чѣмъ бы, пріобрѣтя себѣ честь уничтоженіемъ онаго и большимъ плѣномъ, поразилъ бы ужасомъ жителей Куопіо, что особенно было намъ нужно, и сверхъ сего отъ быстроты натиска мы бы и менѣе потеряли людей. Странно то, что наши генералы будто слѣпые бродили ощупью, какъ бы не вѣдая великаго военного правила: бить непріятеля, устремляя превосходныя силы на слабый пунктъ онаго. Занявъ Куопіо, мы съ отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ нашего и Пермскаго, 8 орудій артиллеріи, эскадрона Гродненскихъ гусаръ и 40 казаковъ, остались въ ономъ, Тучковъ съ полками Сѣвскимъ и Калужскимъ, 23 и 24 Егерскими, 16 орудіями артиллеріи и съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и сотнею казаковъ потянулись на киршпель Индесальмы къ городу Брахештадту. Здѣсь замѣчу вторую ошибку Тучкова, который долженствовалъ всюю дивизію идти съ быстротою къ селенію Пипола и тамъ раздѣлаться съ нами, самому ему слѣдовало идти на Франсило и Лимонго, а нашей колоннѣ на Павола Револаксъ и Сикаіоки, каковымъ движеніемъ угрожая флангу и тылу непріятельскаго корпуса, у Сикаіокъ и Лиманго расположеннаго, заставилъ бы его отступить изъ сей крѣпкой позиціи, но вмѣсто сего совокупнаго дѣйствія, оставя насъ, Богъ знаетъ для чего въ Куопіо, самопроизвольно обезсиля себя, тѣмъ самымъ не только спасъ шведовъ, но и далъ имъ время даже къ побѣдамъ, какъ увидимъ ниже сего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы простояли до исхода марта мѣсяца. Городъ Куопіо, главный во всей Кареліи, лежитъ на ровномъ и низкомъ берегу огромнаго озера Калла-Веси и въ близкомъ разстояніи отъ другого Реко-Веси и содержитъ въ себѣ жителей до 5 тысячъ; строеніе въ немъ, исключая двухъ или трехъ каменныхъ, все деревянное, но очень хорошее и, по большей части, двухэтажное. Торгъ сего города по здѣшнему краю обширный, ибо получая изъ приморскихъ городовъ: Гамле и Никарлеби, Брахештадта и другихъ разные товары и произведенія земель чужестранныхъ, снабжаетъ ими всю Карелію и Саволаксъ, къ чему водное сообщеніе, при которыхъ стоитъ онъ, много способствуетъ облегчая ему сношеніе съ сими внутренними и углубленными въ лѣсахъ

непроходимыхъ провинціями. Здѣсь въ лавкахъ можно все найти и при томъ по цѣнамъ очень умѣреннымъ; серебрянники и другіе мастера находятся здѣсь въ довольномъ количествѣ, и я самъ заказывалъ здѣсь чайныя ложечки, которыя и теперь еще цѣлы и сдѣланы очень искусно. Городская площадь, окруженная двухэтажными домами, театромъ, редутомъ и кофейнымъ домомъ или рестораціею, очень и очень порядочна, особенно для сего отдаленнаго края. Пользуясь временными выгодами, мы здѣсь отдохнули отъ понесенныхъ нами трудовъ во время зимнихъ походовъ отъ Петербурга до Куоіо на разстояніи болѣе 500 верстъ. Я не стану описывать почти невѣроятнаго труда оныхъ, но скажу только, что въ сіе время, то есть съ 20-го Февраля по половину Марта морозы восходили до 35 градусовъ по термометру Реомюра, а мы въ сіе время на открытыхъ озерахъ при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ (ибо дорогами въ сіе время не ходятъ отъ множества снѣга, а обходятъ по льду озеръ и рѣкъ) бывали въ маршѣ по 5 часовъ и болѣе въ однихъ шинеляхъ сверхъ сюртуковъ. Здѣсь я удостовѣрился, что нѣтъ трудовъ, которыхъ бы человѣкъ вынести былъ не въ состояніи. Всѣ бывшія прежде сего и потомъ во все воинственное правленіе Александра I-го, войны ни одна по трудностямъ своимъ не можетъ сравниться съ сею войною, припомя я еще и то, что мы по временамъ и голодъ переносили отъ малаго населенія нашей Финляндіи и бывшей шведской, гдѣ непріятель, отступая, старался истребить всѣ способы къ нашему продовольствію. Наконецъ по занятіи Тучковымъ города Брахештадта, и мы получили отъ него повелѣніе идти къ киркѣ Франсила и Лиманго, куда выступивъ, слѣдовала наша колонна на Индесальмы до селенія Ниссилле, гдѣ, отдѣля три роты нашего второго батальона съ 4 орудіями подъ начальствомъ подполковника Обухова для занятія города Каяны, вправѣ отъ насъ лежащаго, мы послѣдовали на кирку Пулькало, откуда генераль Булатовъ послалъ меня къ селенію Маттиля командовать аванпостами, давъ мнѣ 60 человѣкъ рядовыхъ съ двумя офицерами пѣхоты и 10 казаковъ. Само собой разумѣется, что сія служба, лѣтя моему самолюбію, была сопряжена съ особенными трудами и заботами, а потомъ и съ нѣкоторою опасностью, когда я въ ночь на 7-е апрѣля узналъ отъ присланнаго ко мнѣ шпиона, что противъ меня въ селеніи Косяки стоятъ 400 шведскихъ егерей и нѣсколько драгунъ. Получа сіе свѣдѣніе, я укрѣпилъ свою позицію шанцами вырытыми изъ снѣгу и обливъ ихъ водой, отъ которой покрывшись льдомъ получили они крѣпость, могущую дать намъ средство къ защитѣ въ случаѣ нападенія сильнаго непріятели. Сіе, впрочемъ странное, но мѣстному положенію и климату сообразное, а по отдаленію нашему на 12 верстъ отъ отряда, и спасительное средство обез-

печило меня совершенно; сіе тѣмъ болѣе нужно было, что въ сію ночь непріятель учинилъ нападеніе на мои разѣзды и убилъ одного казака, а другого смертельно ранилъ, но не послѣдовалъ однако далѣе ко мнѣ.

Въ семъ положеніи простоялъ я до 10-го Апрѣля, ибо и Булатовъ получа вѣрное извѣстіе; что кирка Франсиль занята превосходными силами шведскими, не рѣшался идти впередъ, не получа точнаго на сіе повелѣнія отъ Тучкова. 10-го рано поутру получилъ я предписаніе отъ Булатова выступить немедленно обратно къ отряду послѣдовавшему, по кратчайшей дорогѣ на кирку Виханда для соединенія съ Тучковымъ, который занявъ Брахештадтъ не могъ выбить шведовъ изъ ихъ позиціи при Сикаіонахъ, и чувствовалъ самъ нужду въ подкрѣпленіи; и такъ неправильное распоряженіе своего начальника мы уже начинали чувствовать въ обратныхъ контръ-маршахъ. Проходя по колѣно въ снѣгу трудною дорогою черезъ Альбу, Виханды и Револаксъ и таща съ собою болѣе солдатами, а не лошадьми артиллерію, мы проходили между непріятелемъ, который легко могъ изъ Павлова и Револаксы атаковать насъ на маршъ и разбить. Сей трудный маршъ покрылъ лицо Булатова морщинами, и когда достигли мы Виланды онъ тотчасъ послалъ меня съ 20 рядовыми на саняхъ въ кирку Поавола для рекогносцированія шведовъ, которые сдѣлали съ своей стороны большую ошибку, оставя незанятыми обѣ помянутыя кирки. Прибывъ ночью въ Поавола и прямо въ домъ къ пастору какъ лицу, отъ котораго болѣе узнать могъ, я, взявъ съ собой переводчика, началъ его допрашивать о войскѣ шведскомъ, но къ крайнему удивленію моему услышалъ его, заговорившаго со мною чистымъ и прекраснымъ нашимъ нарѣчіемъ, что меня и обрадовало; отъ него я узналъ, что шведы во Франсиль и дѣлаютъ сюда разѣзды, которые недавно здѣсь и были, но о силѣ или числѣ оныхъ онъ не узналъ; итакъ, ставъ въ Револаксъ, мы становились на линіи сообщенія непріятельскаго; пунктъ для насъ выгодный, но и опасный и требующій ума и дѣятельности, которыхъ, какъ увидимъ, Булатовъ, къ несчастію нашему, не имѣлъ. Получа нужныя для насъ свѣдѣнія, я 12-го Апрѣля прибывъ прямо въ Револаксъ, нашелъ тамъ отрядъ свой изъ Виланди пришедшій и обо всемъ донесъ Булатову. Здѣсь остановивъ отрядъ, Булатовъ ѣздилъ къ Тучкову на совѣщаніе, и мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи до 15-го Апрѣля. Въ сіе довольно продолжительное время безпечный нашъ начальникъ, зная, что мы стоимъ окруженные непріятелемъ, занимающимъ Франсиль съ одной, Сикаіоки съ другой и Лумноки съ третьей стороны, ни одного раза не рекогносцировалъ нашего мѣсто-

положенія, по которому бы слѣдовало сдѣлать распоряженія къ защитѣ онаго на случай непріятельскаго нападенія, котораго и ожидать было надо по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя мы поставили непріятельскаго маршала Клигпорна, ставъ на его сообщеніяхъ. Сія важная и преступная оплошность была величайшею изъ причинъ нашего пораженія въ послѣдствіи нами претерпѣннаго. Теперь слѣдуетъ сказать, что у насъ въ отрядѣ за отдѣленіемъ Обухова съ тремя ротами въ Каяно, одной роты въ Сантъ-Михелѣ, двухъ гарнизонныхъ ротъ подполковника Дункера въ Варкгаузѣ, осталось 3 батальона пѣхоты, 18 казаковъ, эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 4 орудія артиллеріи, въ которыхъ отъ большой убыли людей при труднѣйшихъ нашихъ походахъ осталось до 800 человекъ. Не ясно ли, что или глупая флегма, или преступная и злонамѣрная воля Буксгевдена, тогдашняго нашего главнокомандующаго, по которой онъ, видя, что мы и съ Тучковымъ не имѣли 3000 человекъ подъ ружьемъ, оставлялъ насъ на волю 10 тысячнаго корпуса непріятельскаго, теперь сосредоточеннаго, и въ отдаленіи отъ всѣхъ войскъ нашихъ на 200 верстъ, ибо ближайшія отъ насъ занимали городъ Вазу. Но обратимся къ тогдашнимъ нашимъ событіямъ.

14-го Апрѣля Булатовъ, желая имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи непріятеля, призвалъ меня къ себѣ и поручая вновь въ команду мою 60 человекъ стрѣлковъ съ двумя офицерами, Пермскаго полка поручикомъ Павленной и нашего подпоручикомъ Григоровымъ, 20 гродненскихъ гусаръ при корнетѣ ихъ Заборовскомъ и 10 казаковъ съ сотникомъ Лобачевымъ и съ симъ отдѣленіемъ поручилъ мнѣ сдѣлать точнѣйшее обозрѣніе непріятеля къ сторонѣ Франсило, и если его тамъ нѣтъ, постараться черезъ Пулькило соединиться съ отрядомъ Обухова для привлеченія его къ намъ. Столь безумное порученіе заставило меня объясниться съ Булатовымъ во многомъ съ помощію принявшаго мою сторону генеральнаго штаба капитана Соснина, бывшаго при нашемъ отрядѣ. Но слѣдствіе сихъ споровъ было одно: идти куда приказано, и подливый Булатовъ былъ столь гнусенъ, что и письменнаго ордера мнѣ не далъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ дурныхъ со мною обстоятельствъ, вваливъ, что называется всю бѣду на меня, имѣть возможность сказать: „я не то приказывалъ“. Въслѣдствіе сего назначенія, когда смерклося я, собравъ отрядъ свой, выступилъ по данному мнѣ повелѣнію отъ Булатова, который именно велѣлъ идти мнѣ ночью, дабы не замѣтили сего по словамъ его жители, а въ самомъ дѣлѣ полагалъ для того, что онъ боялся ночного нападенія на отрядъ свой разбросанный на довольномъ разстояніи по

здѣшнимъ раздѣльнымъ дворамъ а не по деревнямъ крестьянскимъ, и который сосредоточить не было возможности иначе, какъ заставить солдатъ и такъ изнуренныхъ походомъ стать на биваки, что было бы безчеловѣчно по здѣшнимъ глубочайшимъ снѣгамъ и холоду. Одно упустилъ Булатовъ изъ виду, что дозволивъ хозяевамъ дворовъ свободный выѣздъ, доставлялъ тѣмъ вѣрнѣйшіе непріателямъ свѣдѣніе о числѣ нашего отряда, хотя и былъ отъ сего предостерегаемъ многими представленіями, ибо мы ясно видѣли величайшую къ намъ ненависть всѣхъ вообще жителей съ самаго нашего вступленія въ предѣлы Швеціи. Такимъ образомъ слѣдуя къ киркѣ Поавола во всю ночь, на разсвѣтъ дня 15-го апрѣля открытъ моими казаками, шедшими передо мною, идущій на насъ непріатель. Полагаясь на увѣренія безсмысленнаго Булатова, что непріателя нѣтъ въ Паоволѣ, я шелъ просто безъ всякихъ особенныхъ осторожностей и казаки шли передъ нами шагахъ въ пяти, вмѣсто того если бы генералъ сей не увѣрялъ меня въ томъ, чего самъ не вѣдалъ, и которому я какъ начальнику довѣрялъ совершенно, то тогда разѣзды казаковъ были бы посланы впередъ на дальнее растояніе, и я избѣгъ бы всякой внезапности столь вредной во время войны. Но какъ бы то ни было, а я совершенно для меня неожиданно столкнулся, такъ сказать, носъ съ носомъ со шведами. Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ рассыпать 20 человѣкъ стрѣлковъ въ лѣсъ, по обѣ стороны дороги лежащей, дабы хотя нѣсколько осмотрѣть непріателя, но глубина снѣга была по поясъ, а лыжъ, на которыхъ здѣсь только и можно было дѣйствовать, у насъ не было, итакъ одумавъ всѣ сіи непреодолимые препятствія и сообразя отдаленность свою на 20 почти верстъ отъ отряда и, замѣтивъ еще, что въ тылу моемъ была дорога отъ Люміокъ, занятая непріателемъ, выходящая прямо на Револаксъ, въ которой сторонѣ въ сіе время услыхалъ я пальбу по прямому направленію довольно ясно до меня доходившую, рѣшился немедленно отступить, но непріатель уже бросилъ по обѣ стороны многочисленныхъ стрѣлковъ своихъ, которые открывъ огонь ранили у меня одного рядового, оставшагося на мѣстѣ. Сіе нападеніе вновь рѣшило меня скорѣе отступить, и я собравъ разсыпанныхъ стрѣлковъ своихъ скорымъ шагомъ началъ отступать, опасаясь при томъ, чтобъ непріатель изъ Люміокъ не отрѣзалъ меня отъ отряда нашего, для упрежденія чего шли мы почти на рысяхъ до выхода сей дороги. Пройдя оную и слыша часъ отъ часу сильнѣе пальбу въ лѣвомъ флангѣ отряда Булатова и не получая отъ него никакого извѣстія послалъ я къ нему сотника Лобачева съ донесеніемъ, что мною открытъ идущій къ намъ непріатель; между тѣмъ, подойдя ко двору Хендуло и найдя тамъ позицію для себя выгодную, я рѣшился оста-

новиться здѣсь, разсыпавъ всѣхъ стрѣлковъ своихъ по обѣ стороны дороги, а кавалерію поставя на дорогѣ, дабы удерживала центръ нашъ. Лишь успѣлъ я сдѣлать мое распоряженіе, какъ непріятель показался изъ густого лѣса на площадь, нами занимаемую и покрытую кустами, сквозь которые ясно намъ его было видно; онъ шелъ тремя колоннами съ артиллеріей, изъ которыхъ одна пошла противъ насъ, другая пошла въ обходъ праваго моего, а третья колонна въ обходъ моего лѣваго фланга прямо на кирку Револаксъ, за рѣкой отъ Булатовой квартиры въ прямой линіи. Осмотра такимъ образомъ непріятеля, я вторично послалъ къ Булатову гусарскаго корнета Заборовскаго сказать о всемъ подробно и что число непріятеля по крайней мѣрѣ 3000 человекъ. Пославъ, такимъ образомъ, двухъ офицеровъ къ генералу, я не получалъ отъ него никакого повелѣнія на подкрѣпленіе; въ сей позиціи пріѣхалъ ко мнѣ изъ отряда гусарскій ротмистръ Гроткусъ, котораго я просилъ сказать генералу, что безъ сильнаго и скораго подкрѣпленія я не могу держаться противъ въ 20 разъ превышающаго меня непріятеля, что онъ и исполнилъ какъ я послѣ узналъ, но Булатовъ все оставался тѣмъ же деревомъ, которымъ и былъ. Наконецъ, видя сближеніе къ себѣ огромныхъ противу моихъ силъ непріятельскихъ и, не получая никакого извѣстія отъ Булатова, ибо всѣ мои посланные не возвращались, и видя притомъ явно, что меня отдають на жертву, я далъ повелѣніе отступить всѣмъ своимъ стрѣлкамъ. Въ самое сіе время непріятель открылъ по мнѣ пушечный огонь и ружейную пальбу, но я успѣлъ занять новое положеніе по обѣ стороны рѣки, ибо отъ дороги я былъ уже отрѣзанъ и такимъ образомъ, сблизясь съ отрядомъ Булатова, обезопасилъ тылъ свой; но въ сіе время присланъ ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Соснинъ съ повелѣніемъ отступать къ киркѣ, гдѣ найду я батальонъ Пермскаго полка полковника Медосытова.

Такимъ образомъ, открывъ огонь по приближавшемуся ко мнѣ непріятелю, началъ я отступать; прибывъ къ киркѣ я никого не нашелъ, а видѣлъ, что колонна шведская идетъ по рѣкѣ почти наравнѣ со мною, не будучи ни кѣмъ обезпокоиваема.

Въ сіе время Булатовъ, забывъ о моемъ назначеніи, открылъ огонь на кирку съ батареей, возлѣ его квартиры расположенной; видя сіе мы, пригнувшись, пробѣжали линію своего огня и направились на рѣку, дабы не допустить непріятельской колоннѣ себя отрѣзать. На рѣкѣ нашли мы стрѣлковъ нашего полка, расположенныхъ поперекъ оной подъ начальствомъ поручика Меньшикова и присоединясь къ нимъ, вновь открыли сильный огонь противъ густой цѣпи шведскихъ

стрѣлковъ, идущихъ предъ своей колонной, которая начинала поворачивать къ квартирѣ генерала Булатова на берегу, какъ сказано, бывшей, гдѣ и артиллерія наша находилась. Видя сіе, мы рѣшились броситься туда. Здѣсь не могъ я надивиться неимоверной храбрости солдатъ нашихъ; одному изъ нихъ пуля попала въ киверъ на палецъ отъ головы и пролетѣла сквозь оный; онъ перекрестился и тотчасъ же началъ стрѣлять самъ! Подлинно, русскій непобѣдимъ съ хорошимъ начальникомъ. Придя къ квартирѣ Булатова я нашелъ хаосъ. Команды, возвращаясь изъ своихъ командировокъ, куда ихъ Булатовъ разговаривалъ, и не видя тамъ непріятеля, а слыша пальбу здѣсь, возвратясь, стояли безъ всякаго порядка; фурлейты, видя опасность, запрягая сами собою лошадей, скакали по дорожкѣ къ Брахештадту, куда и офицерскій обозъ ускакалъ! Артиллеристы, метаясь и мѣшаясь въ своихъ ящикахъ, безпорядочно расположенныхъ, при братьѣ зарядовъ производили крикъ, умножая тѣмъ еще болѣе суматоху. Увидѣлъ я и Булатова, посреди сего Вавилонскаго смѣшенія стоявшаго съ лицомъ блѣднымъ. Увидя меня онъ вскричалъ: „Леонтьевъ, въ штыки!“ — Я началъ устраивать людей, ибо шведская колонна стояла уже противъ нашей батареи, по которой давъ картечью, положили много на мѣстѣ, но она открывъ жестокой ружейный огонь, и пользуясь нашимъ безпорядкомъ, ударила въ штыки. Среди сего убійственнаго огня, которымъ возлѣ меня валило людей, какъ снопы, я желая устроить сколько можно своихъ солдатъ кричалъ: „стой ребята!“ и своими руками за деревьями велъ ихъ впередъ. Но дѣйствіе перекрестнаго огня и крикъ солдатъ нашихъ: „измѣна“ разстроили всѣ мои усилія—одни бросились назадъ, другіе стояли непоколебимо. Булатовъ, видя напоръ шведовъ и малую часть оставшихъ при насъ людей сказалъ мнѣ: „сдавайтесь, бросьте ружье!“ и подался первый назадъ. Не имѣя вовсе желанія быть плѣннымъ, я бросился къ лѣсу съ нѣсколькими десятками солдатъ моихъ, и напавъ на тропинку, пустился по ней—самъ не зная куда и тѣмъ избѣжалъ плѣна. Булатовъ же отдался въ плѣнъ, чему послѣдовали нѣкоторые офицеры подлецы и около 150 солдатъ. Въ семъ сраженіи мы потеряли 4 орудія, 4 патронныхъ ящика и болѣе 400 человекъ, но знамена свои мы спасли.

Идя по тропинкѣ, мы наконецъ начали плутать, но къ счастью напали на какую то избушку, въ лѣсу стоящую, и нашедъ въ ней проводника съ помощію его дошли до селенія Олькіоки, измучась отъ усталости, гдѣ и нашли Калужскій полкъ колонны Тучкова. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на сіе несчастное сраженіе! На разсвѣтъ 15-го Апрѣля непріятель отъ стороны Луміокъ атаковалъ отрядъ нашъ, но былъ отбитъ послѣ довольно жаркой перестрѣлки; вскорѣ Булатовъ получилъ

и отъ меня извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля съ другой стороны.

Тутъ умный человѣкъ, принявъ въ уваженіе важность нашего положенія на сообщеніяхъ онаго и слѣдственно принужденность его дѣйствовать отчаянно на отрядъ нашъ, чтобы избѣгнуть разобщенія, тотчасъ бы, осмотра положеніе мѣста, дабы наилучшимъ и выгоднымъ образомъ защитить себя, занялъ оное заблаговременно въ наилучшемъ порядкѣ и отгадалъ бы, что первое непріятельское нападеніе было только фальшивое, дабы отвлечь наше вниманіе отъ настоящаго пункта атаки. Но Булатовъ, сей смотритель садовъ (Булатовъ съ начала правленія императора Александра I-го по 1808-й годъ былъ смотрителемъ Петергофскихъ садовъ), оставался въ совершенной безопасности, и по окончаніи первой перестрѣлки, отпусти роты по квартирамъ, велѣлъ солдатамъ раздѣться и отдыхать; первое и было исполнено, а второе нѣтъ ибо опытные прошлой войной 1807-го года, ротные командиры, чувствовали, что за сей перестрѣлкой неминуемо послѣдуетъ другая, важнѣйшая, ибо нельзя было и помыслить, чтобы непріятель безъ какой либо цѣли приходилъ къ намъ. Итакъ частные начальники остались въ совершенной осторожности, а главный, отправясь на свою квартиру, началъ пить кофе, рассказывать окружающимъ его, что не надо солдатъ беспокоить преждевременно и что одни атакуемыя роты пусть дерутся, а другія спятъ, „такъ, промолвилъ Булатовъ, бывало у насъ подъ Измаиломъ 1791-го года, когда одна часть корпуса отбивала вылазку непріятельскую, а другая варила кашу.“ И такъ сей жалкій генералъ не постигалъ, что осада крѣпости и защита полевой позиціи суть двѣ наибольшія противоположности. Вотъ какого начальника царь избралъ намъ.

Такимъ образомъ, попивая кофе, Булатовъ, получа отъ меня первое извѣстіе съ посланнымъ сотникомъ Лобачевымъ о маршѣ непріятельскомъ сказалъ: „Вамъ показалось, — ступайте впередъ!“ и на предложеніе не прикажетъ ли ротамъ быть въ готовности, отвѣчалъ: „вздоръ, не надо показывать жителямъ, что мы боимся шведовъ!“ и оставилъ сотника у себя.

Получа другое отъ меня донесеніе и будучи спрошенъ адъютантами, не прикажетъ ли ударить сборъ, сказалъ: „не надо“ и оставилъ на своей квартирѣ. Наконецъ, уже услыша пушечную пальбу, Булатовъ выскочилъ и первымъ его распоряженіемъ было послать батальонъ Пермскаго полка къ киркѣ, дабы прикрыть себя съ сей стороны, а

потомъ разсвалъ три нашихъ и 4 Пермскихъ гренадерскихъ роты такъ, что тѣ и непріятеля въ глаза не видали и многіе возвратились потомъ на пальбу къ Булатова квартирѣ, не выстрѣливъ даже ни одного раза; распорядясь столь великомудро, Булатовъ спокойно остался на своей квартирѣ, оставя у себя въ резервѣ одну первую гренадерскую роту. Наконецъ, получая часъ отъ часу важнѣйшія свѣдѣнія о сраженіи, онъ, забывъ назначеніе Медосытова батальона, раскомандировалъ его въ разные, впрочемъ важные, пункты, черезъ что и допустилъ центральной шведской колоніи отрѣзать насъ отъ ротъ Пермскаго полка, и мы остались на этой сторонѣ рѣки, а тѣ, видя насъ окруженныхъ, заблагоразсудили удалиться въ Брахенштадтъ, что и исполнили, оставя насъ на жертву. Вотъ причины сего жалкаго сраженія, гдѣ едва ли съ нашей стороны двѣсти человѣкъ сражалось противъ 3000 шведовъ, и подробности котораго описывать скучно и досадно. Теперь обратимся къ слѣдствіямъ сего сраженія. Получа первое извѣстіе о семъ сраженіи отъ Гродненскихъ гусаръ, Тучковъ съ двумя егерскими полками и 4 орудіями бросился къ намъ на помощь, но узнавъ о слѣдствіяхъ онаго, вмѣсто того, чтобы врасплохъ ударить сими силами на торжествующаго непріятеля, который, какъ обыкновенно и бываетъ, оставался въ сіе время безпорядкѣ, и тѣмъ вырвать побѣду изъ рукъ его, возвратился въ Брахенштадтъ и въ тотъ же день началъ отступать къ городу Гамле-Корлеби; пришедъ, какъ я сказалъ, въ Олькіюки и найдя тамъ свои сани, я упалъ въ нихъ отъ усталости и спалъ почти цѣлыя сутки, не спавъ весь день 14-го и всю ночь 15-го апрѣля и сдѣлавъ пригомъ по крайней мѣрѣ въ 50 верстъ переходъ, большей частью пѣшкомъ. Въ Гамле-Корлеби получили мы радостное извѣстіе о взятіи нашими войсками неприступныхъ твердынь Свеаборга и праздновали сіе событіе, поправившее наше положеніе, благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, съ пушечною пальбою. Здѣсь также получили мы манифестъ Александра I-го о присоединеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россіи и повелѣніе привести жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство, что и учинено нами при пушкахъ заряженныхъ картечью и при собраніи всей почти дивизіи въ сей городъ, ибо новые вѣрноподданные весьма неохотно исполняли оную. Такъ кончился первый походъ нашъ! И дворъ нашъ, мечтая овладѣть въ одинъ походъ всею Финляндіею, (и тѣмъ погромѣть по Россіи, огорченной Тильзитскимъ миромъ) поздно увидѣлъ, что война только начиналась при открытіи весны, и что мы дорого заплатимъ за вѣроломное нападеніе наше на беззащитную Финляндію.

Глава VIII.

Взглядъ на городъ Гамле-Корлеби, и всю шведскую Финляндію, нами по 1-е мая 1808-го года пройденную.

Городъ Гамле-Корлеби лежащій на рѣкѣ Корлеби въ разстояніи отъ Ботническаго залива; въ ближайшемъ разстояніи есть портсвой, слѣдственно и торговый городъ, въ гавани котораго и при насъ, не взирая на прекращеніе торговли, стоялъ готовый къ отправленію прекрасный купеческій корабль. Строеніе сего городка очень хорошее, улицы широкія, ратуши и другія публичныя зданія прекрасныя, ряды богатые; однимъ словомъ это прелестный городокъ, въ которомъ жителей до 4000. Вообще весь сей край, нами теперь пройденный, представляетъ совсѣмъ противоположную картину нашей Финляндіи. Здѣсь отъ самой Сантъ-Кристины или пограничной шведской кирки, въ направленіи къ Улеаборгу чрезъ Куопіо и отъ Брахештадта до Гамле-Корлеби, вы найдете прекрасныя крестьянскіе дома, часто въ нѣсколько комнатъ, покрытыя тесомъ и выкрашенные красной краской, что при бѣлизнѣ снѣговъ дѣлаетъ видъ отмѣнно пріятный. Внутренность сихъ домовъ представляетъ чистоту и опрятность, можно сказать, удивительную; здѣсь вы увидите комнаты пространныя, довольно высокія съ большими окнами, кафельными голландскими печами, и сіи комнаты обштукатурены и выбѣлены.

Это вообще у всѣхъ крестьянъ, а у содержателей земель или арендаторовъ вы найдете большія и, можно сказать, огромныя дома съ прекрасными и многочисленными экономическими постройками. Само по себѣ разумѣется, что здѣшніе пасторы живутъ въ большомъ изобиліи и такъ, какъ у насъ помѣщикъ отъ ста душъ. Сіи дома крестьянъ, пасторовъ и арендаторовъ во внутренности шведской Финляндіи или въ провинціяхъ Сиволакской, Карельской, Иниладской, части Вазовской и Улеаборгской разсѣяны по разницѣ или гдѣ одинъ, гдѣ два дома, но это не только здѣсь не дѣлаетъ неудобства, но даже одушевляетъ сей, поросшій огромными лѣсами и, можно сказать, загроможденный ужасной величины гранитами, край. Но берега Ботническаго залива представляютъ совсѣмъ другой видъ. Здѣсь почти на каждыхъ 5-ти верстахъ встрѣчаете огромныя селенія, часто въ 100 прекрасныхъ, большихъ и помѣстительныхъ домовъ, гдѣ обитаютъ счастливыя поселяне здѣшняго края. Однимъ словомъ, весь край сей представляетъ картину изобилія и счастья обитателей онаго! картину, на которую съ восхищеніемъ взглянетъ всякій другъ человѣчества.

Что доставляетъ средства къ таковому устройству? откуда такое изобиліе въ столь уединенномъ уголкѣ земного шара? Вотъ вопросы, которые всякій можетъ себѣ сдѣлать, и на которые не трудно дать подробный отвѣтъ. Извѣстно, что вся Финляндія покрыта огромными лѣсами въ углубленіи которыхъ еще, быть можетъ, нога человѣческая не бывала отъ сотворенія оныхъ! Сіи то лѣса, состоя изъ сосны, ели и березы, доставляютъ жителямъ внутреннихъ провинцій матеріалъ для строенія домовъ и всего прочаго: для ихъ устройства нужнаго, доставляя въ то же время деготь, смолу, доски и уголья, что все, бывъ сплавляемо рѣками и озерами, во множествѣ здѣсь имѣющимися, до портовыхъ городовъ по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ Балтиими лежащихъ, доставляютъ пли наличныя деньги, или нужные продукты; во-вторыхъ самое положеніе края сего, низменное и сырое, даетъ во множествѣ траву сочную и здоровую, которая, бывъ обращена въ сѣно, доставляетъ средства къ огромному скотоводству, которое доставляетъ хорошій доходъ отъ масла, сыра и шерсти, и при томъ еще надо замѣтить, что здѣшній рогатый скотъ одинаковой породы съ простымъ нашимъ, а о меринсахъ тамъ и понятія не имѣютъ. Что жъ, если бы тамъ улучшить породы рогатаго скота и овецъ лучшими породами, у насъ извѣстными, каково бы еще умножилось богатство жителей? содержать же самый лучший и нѣжный скотъ имѣютъ они всѣ средства, какъ въ прекрасныхъ и покойныхъ помѣщеніяхъ и теперь для обыкновенной ихъ скотины строиныхъ, такъ и въ огромномъ количествѣ сѣна. Сверхъ сихъ, описанныхъ мною, выгодъ надо припомнить еще о множествѣ звѣрей, дичи и въ озерахъ водящейся, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыбы, тогда мы будемъ имѣть понятіе о источникахъ, откуда почерпается богатство жителей. Губерніи же Вазовская, Абосская, Гельсингфорская, Нюландская производятъ еще и хлѣбопашество въ довольномъ количествѣ, особенно ржи, извѣстной у насъ подъ именемъ Вазы, и которую продаютъ за столь высокую цѣну. При сихъ выведенныхъ мною выгодахъ пріятно замѣтить, что финляндскій крестьянинъ, хотя и неповоротливъ, будучи флегматиченъ, при всемъ томъ онъ большой экономъ и мастеръ своего дѣла. Все это сказать я о внутреннихъ провинціяхъ, но о приморскихъ еще прибавить надо: выгодное построеніе морскихъ судовъ и хорошій сбытъ оныхъ, рыбная изобильнѣйшая ловля по обоимъ заливамъ рыбъ разнаго рода, и заморская торговля приносить симъ послѣднимъ неисчислимыя выгоды. Въ домашней пищѣ финляндцы очень неприхотливы, часто копченаго мяса, молока и сельдей съ кускомъ хлѣба сухого, называемаго коржами, достаточно для его насыщенія; сей хлѣбъ какъ единственный въ Европѣ достойнъ быть здѣсь описанъ. Сей хлѣбъ

или сіи коржи дѣлаются такъ: тѣсто ставится прѣсное, потомъ изъ онаго дѣлаются лепешки, которыя, бывъ крутого тѣста, надѣваются на скалку или коротенькій шестъ, который впускается въ истопленную печь и держится дотолѣ, пока сіи лепешки не засушатся до послѣдней степени сухости, послѣ чего, вынувши изъ оныхъ скалку, снимаютъ коржи и употребляютъ ихъ въ пищу. Хлѣбъ сей очень не вкусенъ, особенно для насъ, русскихъ, привыкшихъ съизмаленька къ вкуснымъ и прекраснымъ хлѣбамъ.

Зимой вы увидите всякаго крестьянина, ѣдущаго на прекрасной тамошней маленькой, кругленькой и красивой лошаdkѣ, въ родѣ нашихъ вятскихъ, у которой грива острижена какъ у нашихъ стригуновъ, что доставляетъ ей особенно пріятный видъ; запряженной въ чистыя и видныя санки въ родѣ нашихъ городскихъ; лѣтомъ у нихъ двухколесныя прекрасныя повозочки, въ родѣ нашего кабриолета, весьма красивыя и покойныя. Но за то вы не увидите во всей Финляндіи ни одной кареты, ни даже коляски, у самаго лансгевдинга или губернатора зимой единственный экипажъ, сани, съ тою разницею, что у его лошади навязано множество бубенчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы ему давали дорогу. Въ Куопіо мы у него обѣдали, онъ былъ въ синемъ мундирѣ съ золотымъ дубовымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и въ орденѣ сѣверной звѣзды, но его столъ былъ по нашему самый обыкновенный домашній, а о десертѣ онъ и не вѣдалъ; прислуга состояла изъ двухъ или трехъ дѣвокъ; вина не подавали никакого, ни даже наливкоу, но послѣ обѣда подавали кофе. Изъ сего описанія видно, что въ Финляндіи богатство раздѣлено между многими, тамъ нѣтъ ни чересмѣрно богатыхъ, ни чересмѣрно бѣдныхъ.

Глава IX.

Переходы, всеобщее возстаніе народа, походы, сраженія и перемиріе. Конецъ кампаніи и выходъ въ отставку или подача о семъ просьбы.

Изъ Гамле-Корлебли въ половинѣ Мая перешли мы съ остатками своего батальона въ близлежащее селеніе Недервитель, гдѣ и получили новаго начальника въ лицѣ генералъ-лейтенанта Раевского, а Тучкова государь отставилъ за худое и медленное распоряженіе, не соображая, что въ его дивизіи было до 3000 человекъ рекрутъ. Въ сіе

время мы безпрестанно получали подкрѣпленія такъ, что въ началѣ Іюня у насъ составилъ корпусъ выше 10000 простиравшійся; съ симъ корпусомъ генералъ Раевскій отступилъ къ киркѣ Лапо для сближенія съ нашими магазейнами, а мы въ числѣ отряда, составленнаго изъ полковъ: Великолуцкаго, Пермскаго, 23-го Егерскаго и остатка нашего, подъ команду генералъ-майора Янковича отошли къ городу Ни или новому Корлеби. Сей городокъ очень хорошъ, и особенно видъ залива, на которомъ въ то время стоялъ корабль, дѣлалъ картину прелестнѣйшую. Здѣсь жителей до 3000, но городская ратуша, столь огромна, что годилась бы и для обширнѣйшаго города. Простоявъ въ семь городѣ нѣсколько дней, мы выведены были въ селеніе, близъ онаго лежащее, и я нашелъ здѣсь столь прелестное мѣстоположеніе, что не взирая на громъ войны, не могъ отказать себѣ въ наслажденіи цвѣтущею природою, роскошно предъ глазами моими раскинутою. Часто, сидя у окна на берегу рѣки и любясь мирною сельскою тишиною, я забывалъ или старался забыть день ото дня становившееся тягостнѣйшимъ наше военное положеніе, для описанія котораго долженъ нѣсколько подробнѣе вникнуть въ тогдашнія обстоятельства.

При самомъ впаденіи нашемъ въ Финляндію шведскій король Густавъ IV-Адолфъ издалъ манифестъ къ своему народу, обвиняя, и справедливо, правительство наше въ вѣроломномъ вторженіи въ предѣлы своего государства. Сей манифестъ произвелъ свое дѣйствіе, поселя въ народѣ непримиримую къ намъ ненависть, подавляемую только страхомъ быстрого и самонадѣяннаго нашего похода во время зимы, по суровости своей отнимавшей всѣ средства у обывателей вредить намъ, но при всемъ томъ, въ рѣчахъ и поступкахъ мы ясно видѣли ихъ къ себѣ ненависть, особенно въ Улеаборгской губерніи и на берегу Ботническаго залива; уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они генерала нашего Тучкова изъ Брахештадта провожали камнями, но въ началѣ Мая картина общаго возстанія явилась во всей своей ужасающей силѣ.

Наступившее теплое время дало возможность жителямъ угнать свой многочисленный скотъ въ глубокіе лѣса, удаленные отъ населенія, вскорѣ потомъ они проводили туда женъ и дѣтей своихъ, и увезя лучшія свои имущества, принялись за оружіе. Здѣшній край, наполненный звѣрями и дичью всякаго рода, естественно произвелъ въ обитателей нужду, а потомъ и охоту стрѣлять, слѣдовательно, здѣсь всякій житель стрѣлокъ, и стрѣлокъ славный; здѣсь у всякаго почти крестьянина есть ружье, какъ первая потребность. Итакъ, воспріявъ

намѣреніе мстить за оскорбленныя права своего государя, они явились страшными и опасными нашими непріятелями, тѣмъ болѣе, что и самая мѣстность края покровительствовала ихъ внезапнымъ нападеніямъ и скрытымъ ретирадамъ. Такимъ образомъ, мы, вмѣсто дѣйствія арміи шведской, увидали, что намъ предлежитъ вести войну, и войну отчаянную, съ тремя или четырьмястами тысячъ разъяренныхъ крестьянъ, которыхъ еще болѣе возбудило объявленіе короля, что они будутъ наградою завоевателей и поступать въ крѣпостное владѣніе къ русскимъ генераламъ.

Первое возстаніе произвело селеніе Лохто, учинивъ нападеніе открытою силою на проходившій нашъ аріергардъ къ Гамле-Корлеби. Генераль Тучковъ, желая наказать и утратить жителей, оборота войска къ сему большому селенію, превратилъ его въ развалины, но сіе только усилило общее мщеніе. Съ сего времени, крестьяне подъ предводительствомъ своихъ пасторовъ, гражданскихъ чиновниковъ и присланныхъ изъ шведской арміи офицеровъ, начали истреблять мосты, зажигали лѣса на пути нашемъ и приводили тѣмъ насъ часто въ опаснѣйшее положеніе, сверхъ сего истребляли наши разъѣзды и извѣщательные посты, курьеровъ и патрули; однимъ словомъ, мы стали окружены непріателемъ со всѣхъ сторонъ и даже не могли безъ опасности потери жизни отлучиться на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ своего лагеря; бывали примѣры, что отдалившіеся, во время марша отъ колонны на нѣсколько сажень, бывали встрѣчаемы выстрѣлами, какъ на примѣръ, нашего полка капитанъ Золотухинъ, а другіе, между колонною и аріергардомъ ѣдущіе въ обозѣ, были убиты, какъ на примѣръ, человекъ командира нашего отряда генерала Янковича, ѣхавшій на его бричкѣ. Обозы наши, чуть отставшіе отъ аріегарда, были ограбляемы, а лошади и люди уводимы, какъ и со мною случилось въ началѣ Августа, когда отставшій мой деньщикъ былъ взятъ со всѣмъ моимъ имуществомъ, и я остался въ одномъ мундирѣ и даже безъ верховой лошади, которую также въ то время отбили возмущившіеся мужики. Разумѣется, что во время сихъ нечаянныхъ нападеній изъ густыхъ лѣсовъ и изъ за каменьевъ, лежащихъ по обѣ стороны едва ли въ 10 аршинъ шириною дороги, мы тотчасъ дѣлали стрѣлками своими пояски и когда удавалось ловить сихъ иступленныхъ, то предавали ихъ военному суду, а впослѣдствіи и разстрѣливали ихъ наши генералы по данной имъ власти, но все сіе не дѣлало нашего положенія лучшимъ. Дерзость, возмущившихся крестьянъ устраивавшихся по временамъ въ сильныя ополченія, столь была велика, что они въ Іюлѣ и Августѣ открытою силою нападали на усиленныя прикрытія нашихъ

магазинновъ, какъ то: въ киркѣ Нуміярви, гдѣ егерскіе полки защищали большой магазинъ нашъ и неоднократно были атакованы тысячами отчаянныхъ крестьянъ, предводимыхъ присланными къ нимъ отъ короля армейскими штабъ-офицерами. Одинъ разъ и самъ нашъ главнокомандующій Буксгевденъ въ окрестности города Або едва спасся въ окно отъ нападенія сихъ отчаянныхъ, несмотря на то, что караулъ главной квартиры занималъ батальонъ пѣхоты съ нѣсколькими пушками. Сіе всеобщее возстаніе лишало насъ подвоза продовольствія, ибо не было ни лошадей, ни людей ни въ одномъ селеніи, да и собственный свой хлѣбъ они зарывали въ землю или заранѣе вывозили въ отдаленные и едва проходимые лѣса свои и ущелья; итакъ, сверхъ всѣхъ описанныхъ бѣдствій, надъ нами обрушившихся, мы съ половины Іюня начали претерпѣвать и голодъ, для утоленія котораго и снисканія дневного пропитанія себѣ, мы устремились съ сильными командами въ глубокіе лѣса, переходя камни и болота для отысканія онаго. Часто случалось нападать на тропинки, приводившія насъ къ пасущимся стадамъ ихъ, и тогда мы пировали, а часто возвращались ни съ чѣмъ. Только однихъ женщинъ и стариковъ мы видали при стадахъ сихъ, а молодыхъ никого, ибо они были на поискахъ и потому то при сихъ случаяхъ проливалась только кровь животныхъ, а не людей. Приспѣвшая въ Августѣ уборка съ полей хлѣба производилась женщинами, и мы не препятствовали сему для своей выгоды, но въ то время, когда женщины убирали съ полей хлѣба, а старики оныя засѣвали, мужья и сыновья ихъ, въ благодарность за кроткое съ ихъ семействами наше обращеніе, стрѣляли въ насъ изъ за лѣсовъ и каменьевъ. Среди сего хаоса государь нашъ издавалъ прокламаціи о всепрощеніи съ увѣреніемъ, что крѣпостное право никогда въ Финляндіи введено не будетъ, но съ другой стороны Густавъ IV-й, издавая воспламеняющія свои воззванія, приглашалъ народъ къ оружію для отомщенія наглýmъ пришельцамъ и подкрѣплялъ сіи воззванія высадками войскъ своихъ при Або, Вазѣ, Гамле-Корлеби и Христіанштадтѣ. Сіи высадки, воспламенія и подкрѣпляя жителей, развлекали во многія мѣста силы наши. Александръ I-й, видя столь для него неожиданное сопротивленіе, вновь ввелъ въ Финляндію двѣ дивизіи пѣхоты и вторые батальоны своей гвардіи. Кровь полилась рѣками на морѣ и на сушѣ, и мы впервые увидали, что значитъ народное возстаніе. Но обратимся къ тогдашнему ходу происшествій. Занявъ, какъ выше сказано, постъ въ Ни-Корлеби, генералъ Янковичъ имѣлъ сильнаго непріятеля противъ себя и сверхъ сего долженствовалъ озаботиться дорогою на Лотю, по которой непріятель могъ изъ густыхъ лѣсовъ черезъ селеніе Сорвисто отрѣзать намъ единственное сообщеніе съ корпусомъ генерала Раевского, стояв-

шимъ предъ киркою Лаппо на соединенныхъ дорогахъ изъ городовъ Вазы, Христіанштадта и Ни-Корлеби. Въ семъ положеніи по рекомендаціи полковника Турчанинова, Янковичъ поручилъ мнѣ важный постъ у селенія Нижняго-Япо, давъ въ мою команду съ сотникомъ Поповымъ 20 казаковъ. 11-го Іюня отправился я съ казаками къ мѣсту моего назначенія и дѣлая безпрестанные разъѣзды до Верхняго-Япо, всѣ суда, бывшія на рѣкѣ, истребилъ, прорубивъ у нихъ дно, дабы лишить непріятеля возможности къ переправѣ. На разсвѣтѣ 12-го числа замѣчено мною при деревнѣ Нижнемъ-Япо движеніе непріятеля, шедшаго къ берегу рѣки съ фашинами и досками для переправы, о чемъ ту же минуту и далъ я знать генералу. Дѣлая дальнѣйшее наблюденіе, я замѣтилъ, что непріятельская колонна, пришедшая на переправу, могла простираться до 1000 человекъ строевой пѣхоты, и которая, переправясь черезъ рѣку, послѣдовала черезъ дорогу въ лѣсъ къ сторонѣ Вазасской дорогѣ, о чемъ поѣхалъ я самъ донести генералу, производя впередъ пистолетную перестрѣлку моихъ казаковъ съ непріателемъ. Янковича я нашелъ у деревни Ютасъ съ батальономъ пѣхоты и двумя орудіями, расположившимся принять непріятеля; въ семъ положеніи поручена была мнѣ цѣпь Великолуцкаго полка стрѣлковъ, которыхъ я и расположилъ выгоднымъ образомъ, но въ сіе время Янковичъ получилъ извѣстіе о непріятельской атакѣ на нашъ авангардъ за городомъ, расположенный подъ начальствомъ полковника Флорова и въ то же самое время узнали, что онъ уже побѣждалъ! Тогда Янковичъ, переведя весь отрядъ за городъ и рѣку, обратилъ туда свое вниманіе и началъ тамъ пушечную пальбу по показавшейся непріятельской кавалеріи. Видя, что генераль, будучи озабоченъ двойнымъ на насъ нападеніемъ, упускаетъ изъ виду дорогу на кирку Лаппо, гдѣ непріятель, утвердись, повелъ на насъ сильную атаку, я поѣхалъ къ нему и напомнилъ о важности сообщенія съ главнымъ корпусомъ; поблагодаривъ меня, онъ поручилъ мнѣ открыть дорогу на Оровайсь, что мною и выполнено. Тогда Янковичъ, видя сильный напоръ шведовъ, началъ отступать, а мнѣ поручилъ съ батальономъ 23-го егерскаго полка при майорѣ Бражниковѣ прикрыть отступленіе отряда. свезти пушки отъ Ютасъ и забрать Великолуцкихъ стрѣлковъ, по дорогѣ къ Нижнему-Япо разсыпанныхъ; исполня все сіе, я догналъ генерала уже при киркѣ Мунсало, гдѣ онъ, благодаря меня за всѣ мои распоряженія, обѣщалъ представить къ наградѣ, но въ семъ солгалъ. Въ семъ сраженіи, гдѣ мы, имѣя до 3000 человекъ войска, были атакованы 10000 корпусомъ генерала Адлеркрейца, мы не потеряли почти ничего, кромѣ 30 человекъ рядовыхъ съ однимъ офицеромъ, оставшихся на посту своемъ близъ бе-

рега залива, о которомъ Янковичъ забылъ и оставилъ оныхъ отъ своего невниманія въ жертву непріятеля.

Такимъ образомъ, по окончаніи сего дѣла, мы черезъ Оравайсъ и Илистаро соединились съ корпусомъ Раевского при киркѣ Лаппо, который вскорѣ отступилъ чрезъ Куортанъ къ киркѣ Аливо; отсюда посланъ я генераломъ Раевскимъ для открытія той дороги, которая шла изъ Куортани въ тылъ нашего корпуса и осмотра оной—удобно-проходима ли она для пѣхоты и артиллеріи, ибо сей дороги на картѣ не означено, вслѣдствіе чего, получа въ мою команду 40 рядовыхъ при одномъ офицерѣ, я 10-го Іюня выступилъ къ моему назначенію и открылъ, что сія дорога непроходима для артиллеріи, но пѣхота, хотя и не безъ труда, пройти можетъ, взбираясь по мѣстамъ на высокіе граниты. На сей дорогѣ открыты мной небольшія селенія: Тохна и Раземберы; въ послѣднемъ я остановился дать отдыхъ солдатамъ отъ многотруднаго перехода, ночью нами совершеннаго, и найдя здѣсь великое количество скота, далъ своимъ солдатамъ обѣдъ, котораго они давно не имѣли уже. Послѣ сего (послалъ) отрядъ унтеръ-офицера съ семью рядовыми еще впередъ до селенія въ самой близости отъ Куортани лежащаго и называемаго Леппи-Кюля, и получа донесеніе, что дорога все такая же и узнавъ отъ жителей, что въ Куортани шведовъ нѣтъ, и сождавъ несносный жаръ 11-го числа, я въ то же число въ ночи прибылъ къ корпусу и о своемъ порученіи донесъ. Черезъ нѣсколько дней мы еще отступили до кирки Эвесткюла и, какъ говорили, то для того, чтобы сблизиться съ своимъ продовольствіемъ, но послѣдствія показали, что Раевскій отступалъ изъ одной трусости и что въ сей сторонѣ всѣ наши магазейны были истреблены, а находился только одинъ въ Сааріярва, до котораго мы никакъ достигнуть не могли, иначе какъ съ потерей большаго пространства мѣста. Въ Иветкилѣ узналъ я о хитростяхъ генерала Булатова, который спасая себя, писалъ изъ плѣна своего женѣ своей, красавицѣ, чтобы она дѣйствовала въ его защиту. Узнавъ въ то же время, что Булатовъ рапортомъ своимъ доносилъ, что виноваты мы, а не онъ въ пораженіи Револакскомъ, желая упредить замыслы сего негодяя и дабы явить публично каковы тѣ, которыми онъ командовалъ, пользуясь случаемъ командированія насъ для прикрытія транспорта, я собралъ къ себѣ своихъ штабъ и оберъ офицеровъ и внуша имъ мое намѣреніе, предложилъ подписать мною сочиненное письмо къ Раевскому; они, любя и уважая меня, на все согласились, и я, запечатавъ оное, послалъ къ Раевскому съ тѣмъ, что если бы онъ исполнилъ мое желаніе, то отличасъ въ первомъ сраженіи и доказавъ тѣмъ свою храбрость, протестовать противъ рапорта Була-

това, а еслибъ онъ не рѣшился исполнить нашего желанія, то собственная слава его требовала объявить о семъ высшему начальству, что и сдѣлалось, и наше письмо, гремѣвъ по арміи, ходило по рукамъ всего Петербурга. Всѣ славилъ высокія чувства чести Могилевскихъ офицеровъ, и называли насъ героями, сего то я и хотѣлъ, дабы показать, каковъ быть долженъ начальникъ, не умѣвшій съ таковыми офицерами разбить непріятеля. Вотъ списокъ съ подлиннаго письма:

„Господину генералъ лейтенанту Раевскому.

„Извѣстившись, что Ваше Превосходительство изволите дѣлать съ войсками движеніе, всепокорнѣйше просимъ, чтобы Вы позволили и нашему батальону быть участниками въ славѣ храбрыхъ войскъ Россійскихъ и раздѣлить лавры побѣдъ ихъ!

„Вашему Превосходительству извѣстно, что мы, потерявъ своего шефа, находимся теперь у прикрытія транспорта, но желая вознаградить сію потерю и отомстить непріятелю ту поверхность, которую мѣсто и многочисленность ему единственно дали, осмѣливаемся изяснить желаніе всѣхъ насъ быть употребленными въ дѣйствіе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ честь быть подъ командою Вашею. Мы увѣрены, что Ваше Превосходительство исполните желаніе остатка отъ Могилевского полка, который ревностно желаетъ служить Государю своему и отечеству.“

Подлинное подписали:

Майоръ Захаровъ,

Капитаны: Золотухинъ, Сербинъ, Леонтьевъ, штабсъ капитанъ Ивановъ 2-й.

Отвѣтъ:

„Господамъ штабъ и оберъ офицерамъ Могилевского мушкетерскаго полка.

„Письмо, писанное Вами и исполненное благородными чувствами, я получилъ. Я въ оныхъ никогда не сомнѣвался, репутація полка Вашего извѣстна. Желалъ бы дать случай усердію Вашему, еще болѣе оказать на опытѣ, но Вы должны сами разсудить, что когда нужно дѣлать откомандировки, то гораздо полезнѣе для службы дѣлать изъ тѣхъ полковъ, которые уже разстроены, чѣмъ разстраивать оными цѣлыя полки. Вотъ причины, которыя заставили меня употребить Васъ

у прикрытія Вагенбурга. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я за честь себя поставилъ имѣть такихъ подъ командою, какъ Вы.

„Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, почтенные господа.

„Покорный слуга Н и к о л а й Р а е в с к і й генераль-лейтенантъ.“

Вскорѣ послѣ сего генераль-лейтенантъ графъ Николай Каменскій прибылъ къ намъ, и принявъ по Высочайшему повелѣнію весь корпусъ въ свое начальство, обратилъ оный впередъ на непріятеля, а намъ приказавъ сдать солдатъ въ Сѣвскій полкъ нашей дивизіи, самимъ съ знаменами идти въ городъ Тавастгустъ къ сформированнымъ изъ прибывшихъ туда, находившихся во Франціи плѣнныхъ двумъ батальонамъ, причемъ, осматривая малые ряды наши, громко кричалъ: „храбрые Могилевцы, я надѣюсь попрежнему встрѣтить Васъ на полѣ чести“.

Намекая тѣмъ на прошлогоднюю французскую войну.

Вслѣдствіи сего мы, выступя со знаменами черезъ Корпилаксъ, Оривеси и Пялкяне прибыли въ Тавастгустъ. Здѣсь нашли мы готовымъ уже къ походу новый полкъ свой; явись къ шефу своему полковнику князю Александру Васильевичу Сибирскому, вручили ему знамена; я получилъ 4 роту 2-го батальона въ свое командованіе.

Городъ Тавастгустъ есть губернскій городъ Ниландской губерніи и лежитъ на берегу огромнаго озера Ваноя-веси; строеніе въ немъ очень хорошее, но большею частію деревянное и жителей въ немъ до 8000 душъ; болѣе разсмотрѣть я онаго не могъ потому, что пробылъ въ немъ одинъ только день.

Здѣсь узнали мы, что полкъ нашъ назначенъ въ составъ отряда генераль-майора Ушакова, и долженъ идти къ киркѣ Нуммیارва, куда мы выступя, слѣдовали черезъ прелестный городокъ Таммефорсъ, лежащій на возвышеніи между двумя озерами Несіярна и Сорванселке, дѣлающими для него прекраснѣйшіе виды, и черезъ очень богатое селеніе Киро. Генерала Ушакова съ Литовскимъ пѣхотнымъ, батальономъ егерей, нѣсколькими орудіями батарейной артиллеріи, ротой капитана Тряпицына и эскадрономъ уланъ полковника Вышеславцова нашли мы стоящимъ биваками предъ Нуммیارва, гдѣ и соединились съ нимъ. Отсюда Ушаковъ командировалъ 2 роты нашего полка съ легкимъ трехфунтовымъ единорогомъ къ селенію Скантси для наблюденія дороги изъ Лампфюрда; въ числѣ сихъ ротъ была и моя, нами командовалъ майоръ Захаровъ. 18-го августа полу-

чилъ нашъ майоръ предписаніе: 19-го на разсвѣтъ атаковать кирки Сторе и Лампфюрдъ и вытѣснить изъ оныхъ непріятеля, а Ушаковъ въ то же время будетъ атаковать Нумміярва и выбѣтъ оттуда шведовъ.

Майоръ, получа предписаніе, не зналъ что дѣлать, ибо не могъ никакъ сдѣлать распоряженія и потому прибѣгъ ко мнѣ; здѣсь я имѣлъ первый случай сдѣлать собственный мой планъ атаки и съ удовольствіемъ пріятнаго воспоминанія оный помѣщаю: 1-ое) войско двинется 18-го Августа по захожденіи солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ 40 человекъ охотниковъ подъ командою поручика Чурилова, вслѣдъ за онымъ 1-я колонна въ 135 человекъ подъ командою капитана Сербина. 2-я того же числа подъ командою капитана Золотухина, 3-я того же числа подъ командою капитана Леонтьева, то есть моею, и съ ней 3 фун. единорогъ.

2-ое) коль скоро авангардъ откроетъ на непріятеля, то въ то же время стремительно атакуетъ онаго; сію атаку 1-я колонна подкрѣпляетъ всею своею силою, а 2-я колонна устремится во флангъ непріятеля справа; 3-я колонна, служа резервомъ и вмѣстѣ центромъ, произведетъ натискъ въ центръ непріятельской позиціи, очищая бѣгущаго непріятеля пушечною пальбою. Дальнѣйшее распоряженіе будетъ дано на мѣстѣ. Но сіе распоряженіе осталось безъ сраженія, ибо мы едва подошли къ киркѣ Сторе, какъ и получили предписаніе возвратиться къ отряду, который, произведя на разсвѣтъ неудачную атаку, возвратился въ свою позицію. Здѣсь глупость превозмогла храбрость, и генераль Ушаковъ дѣятельно доказалъ, что по дурацкому плану и храбрые духомъ и превосходные числомъ войскъ ничего не сдѣлаютъ противъ искуснаго расположенія малаго числа воиновъ, предводимыхъ умомъ и храбростію. Соединя весь свой отрядъ, Ушаковъ не зналъ на что рѣшиться, — атаковать непріятеля боялся! а не идти впередъ на непріятеля не смѣлъ, ибо получилъ отъ графа Каменскаго повелѣніе бить онаго и идти къ нему на соединеніе черезъ кирку Ильмола, потому что Каменскій гналъ шведскую армію отъ Куортани. Наконецъ Ушаковъ размысли, что отъ опасности огня непріятельскаго въ его чинѣ избавиться можно, ставъ, какъ говорится, въ благородной дистанціи, а отъ военного суда за неисполненіе повелѣнія отдѣлаться нельзя, повелѣ насъ 20-го Августа къ Нумміярва. Пришедъ туда и не найдя тамъ непріятеля, мы послѣдовали къ киркѣ Каухаюкамъ; гдѣ 21-го, атаковавъ, разбили шведовъ. Въ семъ сраженіи принималъ я большее участіе, потому что я первый посланъ былъ съ своею ротою въ подкрѣпленіе егерей и выбивъ непріа-

тельскихъ стрѣлковъ, преслѣдовалъ ихъ по дорогѣ въ Христіанштадту, при чемъ отбить у него съ зарядами ящикъ и взято 5 человекъ плѣнныхъ, но и за сіе сраженіе я также ничего не получилъ. Здѣсь искусный и честолюбивый генералъ, бывши на мѣстѣ Ушакова, произвелъ бы славное дѣло! Надлежало, оставя одинъ батальонъ пѣхоты съ 4 орудіями и по мѣстному положенію эскадронъ уланъ противу непріятеля, занявшаго позицію предъ дорогою Христіанштадтскою, съ самаго начала дѣла устремить главныя силы свои, изъ 13 ротъ пѣхоты и батарейныхъ орудій состоявшія, на войска шведскія, пошедшія по дорогѣ на киркѣ Ильмола и, разбивъ ихъ, стать на дорогѣ у кирки Лаппо, какъ на пути ретирующейся отъ Куортани непріятельской разбитой Каменскимъ арміи и тутъ, поражая ее съ тыла, заставилъ бы оную или, положа оружіе, сдаться или пробиваться насквозь и потерять всю артиллерію и багажъ. Что сіе легко было сдѣлать, то надо сказать, что нашъ полкъ, сформированный изъ старыхъ, обстрѣленныхъ и неустрашимыхъ солдатъ, между которыми было нѣсколько суворовскихъ вскормленниковъ, готовыхъ на все, да и Литовскій полкъ много имѣлъ старыхъ солдатъ, въ прошломъ году обдержанныхъ, и егерей очень хорошихъ. Слѣдовательно, стоило генералу собрать сихъ храбрыхъ воиновъ, сказать имъ рѣчь (какъ бывало въ прошлую войну 1807-го года) воинственную и вести ихъ прямо въ жестокой огонь! Но могли ли сдѣлать сіе глухой Ушаковъ? Никакъ! Онъ остановился въ Каухаіакахъ отдыхать на лаврахъ, его достойныхъ! Глупецъ сей, если бы на другой даже день пошелъ къ Ильмола, то все бы имѣлъ, хотя ту славу, что вмѣстѣ съ авангардомъ Каменскаго вступилъ бы въ преслѣдованіе непріятеля, но мы, напротивъ, простояли здѣсь три дня и даже дѣлали, Богъ знаетъ для чего, полевые укрѣпленія!

Наконецъ, получа строжайшее повелѣніе отъ Каменскаго, Ушаковъ повелъ насъ 25-го Августа черезъ Ильмола къ Сторкиро, гдѣ мы 30-го Августа и соединились съ корпусомъ графа Каменскаго и продолжали идти по пятамъ непріятеля до кирки Лилкери, гдѣ Каменскій, (пославъ) отрядъ генералъ-лейтенанта Раевскаго съ нѣсколькими полками занять городъ Вазу, съ остальными войсками преслѣдовалъ непріятеля до кирки Оравайсъ, гдѣ 2-го Сентября того 1808-го года послѣдовало сраженіе, рѣшившее навѣки участь Финляндіи и слѣдствіемъ котораго было перемиріе при Гамле-Корлеби. Я не стану описывать подробно сего сраженія, но выведу только слѣдующіе общіе результаты: шведская армія, до 18 тысячъ простиравшаяся, подъ начальствомъ фельд-маршала графа Клингспорна заняла позицію за рѣкой, предъ киркою Оравайсъ текущею, упирая правый свой флангъ въ Ботническій заливъ,

а лѣвый, простирая въ лѣсъ дремучій на дальнее разстояніе. Нашъ корпусъ простирался до 12 тысячъ человѣкъ. Мы атаковали лѣвый флангъ непріятельскій и принудили шведовъ къ ретирадѣ, обойдя оный и удара въ тылъ имъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ.

Все сіе сраженіе происходило въ чащѣ лѣса, гдѣ свалилось съ обѣихъ сторонъ до 25-ти тысячъ войска, сражавшагося густыми цѣпами стрѣлковыми. Сіе сраженіе выиграно одною храбростію солдатъ нашихъ, ибо ни генераловъ, ни полковыхъ командировъ между сими мрачными гранитами, тамъ и здѣсь разбросанными, мы нигдѣ не видали, да и съ ихъ стороны была бы это пустая церемонія, потому что имъ здѣсь нечего было и дѣлать. Уронъ нашъ состоялъ изъ 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, но шведы потеряли одними плѣнными болѣе 500 человѣкъ. Симъ достопамятнымъ для всей Финляндіи и нашей арміи сраженіемъ кончились мои военные подвиги, и я получа здѣсь сильную рану въ кисть правой руки оправился для лѣченія въ городъ Вазу.

Ваза очень хорошій и пространный городъ, въ которомъ я пробылъ до 15-го октября; строеніе въ немъ прекрасное, большею частію каменное, здѣсь есть королевскій замокъ, большое трехэтажное зданіе; жители здѣшніе живутъ изобильно отъ обширной здѣшней торговли.

По выздоровленіи моемъ я отправился черезъ города Ни и Гамле-Корлеби въ кирку Кельвіо, гдѣ стоялъ полкъ нашъ. Государь Александръ І-й, не утвердивъ договора, по которому надлежало начаться переговорамъ о мирѣ, приказалъ силою занять всю Финляндію, а безъ того не входить ни въ какія сношенія съ шведскою арміею, слѣдствіемъ чего было вновь открытіе похода, но уже сраженій не было, а графъ Каменскій фланговыми движеніями заставилъ шведовъ отступить отъ неприступныхъ почти ихъ позицій, каковы были у кирки Калакіоки, гдѣ мы черезъ пропасти и камни, неся съ собою разобранные лафеты и пушки на плечахъ солдатъ и перешедъ по самому тонкому льду рѣку при селеніи Каліоки ниже кирки того же имени верстахъ въ 12-и, обошли неприступную шведскую позицію, укрѣпленную шанцами и батареями съ глубокими валами и тѣмъ спасли жизнь нѣсколько тысячъ солдатъ своихъ. Сей труднѣйшій фланговый маршъ сдѣлали мы 26 и 27 Октября безъ куска хлѣба, будучи ободряемы личнымъ присутвіемъ графа Каменскаго, который самъ шелъ съ нами пѣшкомъ по невозможности имѣть въ семь походѣ лошадей; при строеніи же для артиллеріи моста, гдѣ солдаты и офицеры стояли по горло въ водѣ, Каменскій отдалъ своего рома двѣ бутылки изнемогшимъ болѣе дру-

гихъ нашимъ солдатамъ; черта единственная въ военныхъ лѣтописяхъ! Второй подобный фланговый маршъ сдѣлали мы 2-го Ноября у кирки Тихаіюки, но онъ былъ и короче и легче прежняго; такимъ образомъ шведы, видя себя обходимыми и по дурному времени года не могли отступить безъ огромной потери, заключили съ нами конвенцію, по силѣ которой побѣдители предписали имъ маршрутъ слѣдованія за рѣку Торнео. Сія капитуляція, славная для насъ, заключена графомъ Каменскимъ въ Брахештадтѣ при личномъ его свиданіи съ шведскимъ маршаломъ графомъ Клингспорномъ. Вслѣдствіе сего мы мало по малу начали подаваться впередъ по мѣрѣ очищенія непріателемъ края и черезъ Брахештадтъ и кирки Олькіюки, Сикаіюки, Лиманго, Улеосало прибыли въ Улеаборгъ. Здѣсь простояли мы болѣе недѣли; городъ сей большой и богатый; здѣсь строятся морскія суда разнаго наименованія для продажи въ чужіе края, и таковыхъ, не совсѣмъ готовыхъ, видѣлъ я множество стоящихъ въ заливѣ, покрытомъ уже льдомъ; сіе то и дѣлаетъ городъ сей весьма богатымъ и едва ли не огромнѣе Вазы, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ показался прекраснымъ городомъ. Отсюда пришелъ я на квартиры въ кирку Мухось, гдѣ занималъ я въ крестьянскомъ домѣ двѣ прекрасныхъ и чистыхъ комнаты. Здѣсь, размысли о всѣхъ трудахъ, ранахъ и опасностяхъ мною на военномъ моемъ поприщѣ понесенныхъ и весьма, весьма мало награжденныхъ, я, не взирая на домашнія мои обстоятельства, гдѣ долженъ былъ вновь переносить сварливость нѣкоторыхъ родныхъ моихъ, рѣшился подать просьбу въ отставку. Князь Сибирскій много убѣждалъ меня остаться служить, обѣщая мнѣ отпускъ для излѣченія ранъ, но я, видя, что другіе по слѣпому счастью или по протекціи, менѣе меня служивъ въ сію войну, награждены много, а я остался ни съ чѣмъ, не хотѣлъ болѣе подвергать себя опасностямъ войны и глупостямъ начальниковъ и несмотря на его просьбу, получа весьма лестный аттестатъ отъ штабъ и оберъ офицеровъ полка своего, а отъ лѣкаря въ моихъ ранахъ, предъ 1 Января 1809-го года подалъ прошеніе о увольненіи меня отъ службы.

Глава X.

**Ожиданіе отставки, взглядъ на Финляндію и на причины войны въ ней; отъѣздъ изъ Улеаборга и прибытіе Тамбовской губерніи
Шацкаго уѣзда въ сѣло Подсосенки.**

Такимъ образомъ, ожидая отставки, я сдалъ роту и проводилъ время, читая книги. бравъ ихъ изъ малой библіотеки адъютанта Ше-

ховцева. 13-го января 1809-го года полкъ нашъ выступилъ въ кирку Іо за Улеаборгъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Здѣсь провелъ я полтора мѣсяца въ самомъ скучномъ и праздномъ положеніи, окруженный мрачными лѣсами и даже лишенный сообщенія съ офицерами полка своего по случаю рѣдкихъ здѣсь селеній въ близости Лапландіи. Голодъ и недостатокъ всего необходимаго испыталъ я въ сіи полтора мѣсяца въ высочайшей степени, ибо довольствовался во все сіе время каждый день маленькимъ кусочкомъ коржа или черствой прѣсной лепешки и сельдями. Грусть и тоска меня одолѣвали совершенно, и я, бѣдный, доходилъ до мрачнаго отчаянія при слухахъ, что отставки мнѣ не будетъ; лишенный всякаго утѣшенія человѣческаго, я не имѣлъ и утѣшенія религіи, будучи воспитанъ въ наружностяхъ оной, но истинно утѣшительной внутренности ея не вѣдавшій! Въ таковомъ ужасномъ положеніи былъ я какъ бы изгнанный изъ общества человѣческаго и лишенный всѣхъ связей съ онымъ, но окружающіе меня бѣдные солдаты—игралище страстей царя своего—страдали еще болѣе меня. Лишенные пропитанія, они скитались подобно тѣнямъ или привидѣніямъ мрачныхъ лѣсовъ здѣшнихъ. Сіи бѣдные люди, лишенные даже и куса хлѣба и питавшіеся въ теченіе цѣлаго мѣсяца одними сельдями, возбуждавшими въ нихъ непомѣрную жажду, начали пухнуть. Я видѣлъ, какъ ихъ десятками отвозили въ лазаретъ! Я видѣлъ, какъ они въ отчаяніи бросались на лошадей, и убивая ихъ, варили себѣ изъ нихъ пищу! Я видѣлъ, что изъ 100 человѣкъ бывшей моей роты осталось только 20 на ногахъ, другіе всѣ лежали. Тогда то, а не прежде, дано позволеніе на реквизицію и бѣдные солдаты, жертва власти, начали поправляться и по свойственному русскимъ характеру вскорѣ забыли все свое горе. Проклятіе да падетъ на графа Буксгевдена, бывшаго тогда главнокомандующимъ и хладнокровно взираващаго на ужасную гибель его подчиненныхъ! Но отвратимъ взоръ отъ сей печальной картины и при окончаніи сего второго періода моей жизни, а съ нимъ и служенія моего отечеству въ службѣ военной, бросимъ бѣглый взглядъ на сію страну, въ которой я ратовалъ цѣлый годъ, и которую я оросилъ моею кровію, какъ бы запечатлѣвъ тѣмъ спокойствіе ея на многія столѣтія.

Финляндія, бывшая шведскою, а теперь російскою, предметъ желаній двора нашего отъ временъ Петра Великаго, омываема съ юга и запада Финскимъ и Ботническимъ заливомъ, на которыхъ имѣетъ она 14 портовыхъ городовъ, именно: Ловизу, Борго, Гельсинфорсъ, Экнесъ, Або, Нюстадтъ, Біернеборгъ, Христіанштадтъ, Вазу, Ни-Корлеби, Гамле-Корбеби, Якобштадтъ, Брахештадтъ и Улеаборгъ, прости-

рается отъ прежней нашей границы по чертѣ у Мейшлота, Вальман-странда, Давыдова и рѣки Кюмени до нынѣшней границы у рѣки Тор-нео на 683 версты.

Вся поверхность ея покрыта, такъ сказать, большими и малыми озерами, рѣками и болотами; мѣстами, гдѣ оныхъ нѣтъ, растутъ огромные лѣса, а въ частяхъ губерніи Нюландской, Вазасской, Абосской и Гельсингфорской родится рожь и ячмень въ довольномъ количествѣ; Алландскіе же острова суть житница Финляндіи. На сей то поверхности живутъ по ревизіи 1809-го года 850 тысячъ обоого пола людей въ прекрасныхъ городкахъ, селахъ и деревняхъ и живутъ чисто, опрятно въ довольствѣ и покоѣ.

Важнѣйшія крѣпости финляндскія суть: Ловиза и Швартгольмъ, неприступный Свеаборгъ, стоящій на пяти каменныхъ скалахъ выдавшихся въ море, и Тавастгустъ. Я уже сказалъ прежде о благосостояніи края сего и теперь долженъ прибавить, что оное проистекаетъ болѣе отъ мѣстности, но при томъ и отъ свободы здѣшнихъ крестьянъ не вѣдающихъ барщины или крѣпостного права, столь обременительнаго у насъ, но въ отношеніи къ силѣ государственной необходимаго и единственнаго установленія. При соединеніи сего обширнаго края это заслуживаетъ большаго вниманія; сверхъ коммерческихъ важнѣйшихъ видовъ, и потому, что теперь мы съ Швеціею имѣемъ естественныя границы, и столица наша, отстоя отъ сухотной на 933 версты, обезопасена отъ вторженія шведовъ, имѣя на водахъ всѣ средства не къ защитѣ только, но и къ побѣдамъ. По примѣру римлянъ, завоеватели должныствовали бы получить славныя награды, но мы благодаря самодовольству своего царя остались ни съ чѣмъ и даже жалованье получили ассигнаціями.—Теперь взглянемъ на причину войны столь обезславившей Александра I-го по ея началу. Силою Тильзитскаго мира тайною статьею постановлено: внести Александру I-му въ пользу Наполеона 40 милліоновъ серебрянныхъ рублей, принудить шведскаго короля Густава IV-го Адольфа къ признанію Наполеона императоромъ и въ вознагражденіе сего взять Финляндію, а Швецію вознаградить за сіе отдачей ей части Помераніи съ островомъ Рюгеномъ, занятыми тогда французскими войсками. Вслѣдствіи сего начаты переговоры между Александромъ I-мъ и Густавомъ IV-мъ Адольфомъ, но въ то же время тайно проводимы были къ его границамъ наши войска такъ, что проходили Петербургъ ночью, тайкомъ отъ жителей, какъ и мы взошли, къ исходу Января 1808 года насъ собралось на границу до 40 тысячъ челоувѣкъ; между тѣмъ переговоры продолжались съ жаромъ, ибо силь-

ный духомъ Густавъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ признать похитителя Бонапарта законнымъ государемъ Франціи, а тѣмъ еще менѣе соглашался на уступку и вознагражденія ему предложенныя. Среди сихъ переговоровъ, во время которыхъ Густавъ надѣялся на права народныя и оставался въ спокойномъ положеніи, вдругъ получаетъ извѣстіе, что мы 20 Февраля въ числѣ 40 тысячъ вторгнулись безъ объявленія войны въ его владѣнія! Оскорбленный симъ не только несправедливымъ, но и наглымъ поступкомъ Густавъ IV-й приказалъ арестовать пребывающаго въ Стокгольмѣ посла нашего тайнаго совѣтника Алопеуса, и объявилъ войну Россіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Густавъ въ семъ случаѣ поступилъ какъ герой, достойный своей короны, не взирая на то гибельное положеніе, въ которое поставилъ онъ свое государство сею неравною борьбою, ибо на его сторонѣ была честь и справедливость, потому что Россія заключеннымъ 1800-го года въ Сентябрѣ трактатомъ обязывалась защищать права и неприкосновенность владѣній Шведскаго королевства, а теперь сама вѣроломно нападала на оныя.

Войска шведскія при наступленіи нашемъ получили повелѣніе отступать къ Улеаборгу и ихъ число тогда простиралось только до 7 тысячъ! Такимъ образомъ шведскій главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Клингспорнъ искусѣйшимъ соображеніемъ успѣлъ не только спасти свою маленькую армію, но не оставилъ намъ даже ни одного транспорта и ни одного хлѣбнаго магазина, увезя все съ собою. Между тѣмъ, армія наша шла безпрепятственно впередъ, и главная колонна оной послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ занявъ на берегу Финскаго залива городъ Ловизу съ крѣпостью Швартгольмъ, подалась къ знаменитому и неприступному Свеаборгу, который и блокировали дивизією графа Николая Каменскаго. Въ то же время другія колонны шли по берегу Ботническаго залива и заняли оный до города Вазы включительно, а правѣе шедшія заняли Сиволакскъ съ городомъ Тавастгустомъ и всю Карелію съ городомъ Куопіо, откуда, обратясь, преслѣдовали шведовъ черезъ Брахештадтъ къ Улеаборгу. Шведскій король, издавъ манифестъ къ своимъ подданнымъ, въ которомъ изобразилъ наглое и незаслуженное нападеніе русской арміи въ сильныхъ выраженіяхъ, призывалъ ихъ къ защитѣ своего отечества, а между тѣмъ успѣлъ изъ Вестерботніи подкрѣпить Клингспорна нѣсколькими полками, такъ что сила его арміи возросла до 12000 и была въ состояніи на первый разъ противостоять росіянамъ, обезсиленнымъ занятіемъ крѣпостей и городовъ, на столь большомъ пространствѣ лежащихъ. Густавъ, надѣясь на твердыни Свеаборга, думалъ сильно отомстить намъ съ открытіемъ весны, но

Александръ I-й дѣйствовалъ также неусыпно. Въ исходѣ марта явился передъ Свеаборгомъ нашъ военный министръ графъ Аракчеевъ съ кучами золота, и съ помощію главнокомандующаго и графа Каменскаго убѣдилъ Свеаборгскаго коменданта вице-адмирала графа Кронштета сдать намъ на капитуляцію сію важную крѣпость. Гарнизонъ изъ 6000 человѣкъ лучшихъ войскъ состоявшій, вышелъ на гласисъ крѣпости и видя малое число нашихъ войскъ, ибо въ дивизіи Каменскаго и 3000 не было подъ ружьемъ отъ большой убыли, при блокадѣ понесенной, съ досадою ломалъ ружья и крикомъ своимъ изъяслялъ свое неудовольствіе. Видя толикое негодованіе непріятеля, Каменскій велѣлъ зарядить пушки и ружья, но все кончилось миролюбиво, и гарнизонъ обезоруженъ, а безчестный Кронштеть съ хорошимъ запасомъ червонныхъ удалился въ свои финляндскія мѣстности, равно, какъ и другіе изъ частныхъ начальниковъ Свеаборгскаго гарнизона, получившіе знатныя суммы за свою измѣну отечеству. Между тѣмъ какъ Свеаборгъ сдавался, маршалъ Клингспорнъ, сосредоточа, какъ выше сказано, искусною ретиратою свою армію и получа новое подкрѣпленіе рѣшился атаковать насъ. Онъ обратилъ вниманіе свое на нашъ отрядъ, изъ 700 человѣкъ состоящій и стоявшій на самой критической точкѣ въ отношеніи какъ Тучкова дивизіи, такъ и шведской арміи; сей то отрядъ Апрѣля 20-го атаковалъ у Револакса графъ Кронштеть, братъ купленнаго коменданта, съ 3000 человѣкъ и разбилъ оный совершенно по глупости, можно сказать, ослиной генерала Булатова, который не могши удержать поста своего, могъ отступить съ честію къ Брахештадту. Слѣдствіемъ сей побѣды было совершенное уничтоженіе отряда подполковника Обухова, изъ Каяны въ кирку Тулькила прибывшаго, и всеобщее востаніе Улеоборгской, Куопіоской, части Сиволакской и Вазаской губерніи, въ которыхъ не осталось ни одного батальона войскъ нашихъ. Ошибка важная во всеобщемъ планѣ была та, что 40 тысячъ войска разсыяли на пространствѣ 60 верстъ и привели къ точкѣ соединенія непріятеля только слабую нашу 5-ю дивизію, въ которой и 4000 человѣкъ не было подъ ружьемъ; не менѣ важная ошибка еще и въ томъ состояла, что дворъ нашъ однимъ походомъ надѣялся занять всю Финляндію и въ семъ предположеніи не только растянулъ линію арміи по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ но и лишилъ нѣкоторыя части оной совершенно сообщенія какъ на примѣръ, отрядъ полковника Вуича, на Аландскихъ островахъ поставленный. Послѣ описаннаго пораженія при Револаксѣ и Пулькилѣ отряда Булатова и Обухова, 5-я дивизія отступила къ Гамле-Корлеби, гдѣ и остановилась въ первыхъ числахъ мая.

Весна, открывшая заливы, дала возможность огорченному потерей Свеаборга королю Густаву IV-у напасть со всѣхъ сторонъ на нашу береговую армію, вслѣдствіе чего десанты были высажены при Або, Вазѣ и Христіанштадтѣ; первый былъ разбитъ искуснымъ княземъ Багратиономъ, но Ваза и Христіанштадтъ заняты шведами, и стоявшія на линіи нашего сообщенія извѣстительные посты отъ Або до послѣдняго города истреблены; въ то же время умноженная сухопутная шведская армія заняла частію оной Карелію до города Куопіо, а главною силою осадили нашъ корпусъ отъ Гамле-Корлеби въ средину Финляндіи къ киркѣ Весткюле. Совокупно съ сими побѣдами народъ финляндскій всталъ для отомщенія напавшимъ на него иностранцамъ, и истребляя всюду наши транспорты, магазейны, малые отряды и курьеровъ поставилъ всю нашу армію въ гибельную крайность! Кровь полилась рѣками на морѣ и сушѣ, и Густавъ имѣлъ удовольствіе видѣть отомщеннымъ себя ужасною гибелью войскъ нашихъ, ибо въ то же время и отрядъ Вуича на Аландѣ взять въ плѣнъ и вице-адмиралъ нашъ Бодиско бѣжалъ отъ его флота!

Александръ I-й, видя гибель своей арміи, подкрѣпилъ оную еще двумя дивизіями пѣхоты, третьими батальонами гвардіи и резервными нашей всей арміи, которые были посажены на гребной флотъ. Всѣ сіи силы, а паче искусныя движенія главнаго корпуса графа Каменскаго къ исходу осени доставили намъ вновь рѣшительныя побѣды, слѣдствіемъ которыхъ было прочное занятіе всей шведской Финляндіи. Но сіи побѣды не поколебали духа Густава IV-го, который съ геройскимъ мужествомъ всенародно поклялся не признавать Наполеона государемъ Франціи. Такъ кончилась первая кампанія сей тяжелой и несправедливой войны. Въ сіе то время хитрый Наполеонъ, радуясь, что завлекъ Россію въ столь тяжкую войну, сказалъ: *„я дешево продалъ Финляндію, но купчая будетъ дорога“!*

Теперь обратимся къ моему положенію. Наконецъ послѣ долгаго и тяжкаго ожиданія я получилъ мою отставку! Не такъ ли бываетъ радъ заключенный безвинно при выпускѣ его изъ тюрьмы? Я въ тотъ же день бросился къ своему шефу за паспортомъ и, получа оный, пустился въ Улеаборгъ въ корпусную квартиру для полученія подорожной; здѣсь собравшись совсѣмъ и распростившись съ храбрыми товарищами моими, которые меня всѣ любили и провожали болѣе 20 верстъ, и пожелавъ имъ счастливо пожинать лавры, а отъ нихъ получа желаніе мнѣ спокойствія и счастія, 9-го марта 1809-го года пустился домой.—Домой! сказалъ я, сядясь въ сани,—будетъ искать мечты брошен-

ному отъ людей человѣку! Гдѣ я не былъ, вездѣ служилъ съ ревностью, и что получилъ въ возмездіе? Ничего, совершенно ничего! Итакъ пора приняться за соху тому, чья вся почти жизнь усѣяна была терніемъ. Довольно! Я былъ гонимъ въ семействѣ, гонимъ на военномъ поприщѣ, вездѣ старался быть полезнымъ и вездѣ получалъ толчки, прощай Марсъ! Влагаю шпагу въ ножны мои, беру посохъ и буду искать уголка, гдѣ бы преклонить удрученную несправедливостями, трудами и бѣдствіями главу мою. Съ сими мыслями пустился я въ дорогу, оставляя дѣтей Марсо-выхъ, соединившихся въ три корпуса у Або, Вазы и Улеаборга подъ начальствомъ генераловъ: Багратіона, Барклая и Шувалова для перехода въ Швецію. Я ѣхалъ на кирку Индесальмы, города Куопіо, Варкгаузъ, Нейшлотъ, Выборгъ, гдѣ встрѣтилъ я императора Александра I-го, ѣхавшаго въ Борго для открытія сейма всей Финляндіи, дабы утвердить и успокоить жителей ея въ неприкосновенности правъ и преимуществъ ихъ, а главное ихъ дѣло состояло въ томъ. что, опасаясь при войнѣ со Швеціей видѣть возмущеніе края сего въ тылу арміи, хотѣли задобрить финляндцевъ симъ невиданнымъ еще ими церемоніаломъ и личною ласковостію новаго обладателя ихъ, въ чемъ и успѣли совершенно.

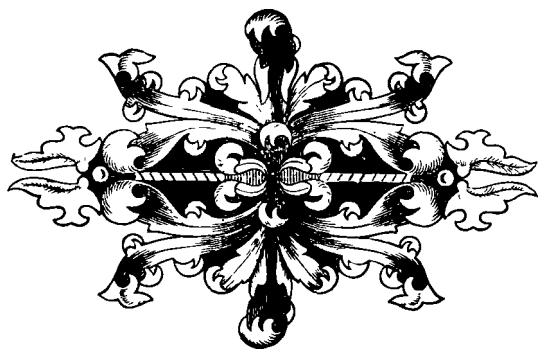
Изъ Выборга пріѣхавъ въ Петербургъ, я пробылъ въ сей столицѣ одинъ день и оттуда черезъ Торжокъ, Вышній Волочекъ, Тверь, Москву, Подольскъ, Серпуховъ и Тулу пріѣхалъ въ Есенокъ.

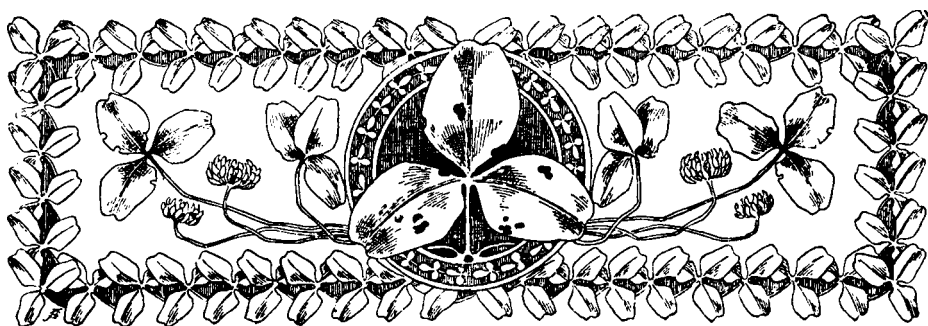
Здѣсь, отдохнувъ, пустился я по самой дурной дорогѣ и въ ростепель черезъ Епифанъ, Скопинъ, Рязскъ и Сапожокъ въ село Подсосенки матери моей покойной принадлежавшія, гдѣ она и жительство тогда имѣла и пріѣхавъ туда благополучно, совершивъ свое путешествіе въ 2020 верстъ безъ человѣка. одинъ одиноконекъ съ повозчикомъ.

Мать моя была довольно обрадована моимъ пріѣздомъ и здѣсь я узналъ о смерти одной особы, много зла мнѣ дѣлавшей. и возымѣлъ надежду на мирное провозженіе времени въ моемъ семействѣ, возымѣлъ напрасно, ибо послѣдствіе покажетъ, что и въ семъ я ошибся.

Въ окончаніе сего второго періода моей жизни скажу окончательно и о судьбѣ знаменитаго по величію духа короля шведскаго Густава IV-го Адольфа! Приближеніе на трехъ пунктахъ сильнаго непріятеля не колебало величіе души Густава, и онъ въ началѣ марта 1809-го года предпринималъ самъ вести армію свою на Аландъ, но въ сіе время составилъ противъ него заговоръ, главою котораго былъ дядя его,

впослѣдствіи бывшій королемъ подъ именемъ Карла XIII-го. Слѣд-
ствиемъ сего было, въ то время какъ собирались войска на дворцовой
площади для похода на Аландъ, арестованіе сего славнаго государя,
произведенное въ его комнатахъ среди дня собственными его генера-
лами! Сначала при словахъ: „Вы арестованы!“ Густавъ, обнаживъ саблю,
хотѣлъ защищаться, но когда объяснили ему, что сего требуетъ армія
и народъ, видя непреклонность его къ миру и признанію Наполеона
онъ, остановясь, отдалъ свою саблю сказавъ: „бойтесь Бога, и пови-
нуйтесь избранному вами государю!“ Послѣ сего начались переговоры,
и хотя война продолжилась до сентября 5-го, но ведена была слабо
съ обѣихъ сторонъ и миръ, подписанный въ сей день въ Фридри-
хсгамтѣ, городѣ на берегу Финскаго залива близъ Выборга лежащаго,
даровалъ прочное обладаніе всею Финлядіею и Аландскими островами
нашему отечеству.

Мои воспоминания или событія въ моей жизни

Часть III-я.

1829 года Февраля 13-го дня въ селѣцѣ Красномъ.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! творяи чудеса.

Глава I.

Составъ нашего семейства, образъ моей жизни, предположенія мои къ дальнѣйшему провозженію оной съ моей матерью, поѣздка въ Тамбовъ и прочее по конецъ 1809-го года.

1809-ый годъ.

Устранясь отъ шума войны и мерзкихъ удовольствій, я желалъ обрѣсти миръ и спокойствіе въ сельской жизни, въ семействѣ родныхъ моихъ. Въ сіе время покойная мать моя жила, какъ сказалъ я прежде, въ селѣ своемъ Подсосенкахъ съ двумя моими сестрами Натальей и Александрой и съ покойнымъ теперь братомъ Алексѣемъ. Предполагая, что никому не помѣшаю, я въ отвращеніе всякихъ неудовольствій отдалъ весь деревенскій доходъ мой до 700 рублей простиравшійся въ кассу семейства, предоставляя себѣ пансіонъ изъ 336 рублей ассигнаціями состоящій, и кровью моею приобрѣтенный, на собственныя мои издержки. Въ сей увѣренности по назначенію матушки занявъ олигель, изъ двухъ комнатъ состоящій, я поселился въ немъ, провозждая время частію въ чтеніи покупаемыхъ мною книгъ, частію занимаясь съ матушкою въ

игру бостонъ для ея удовольствія. Наступившее вскорѣ лѣто доставляло мнѣ пріятнѣйшія прогулки по тамошнему прекрасному саду, и я часто, взойдя на устроенную высоту названную Парнасомъ, проводилъ тамъ по нѣскольку часовъ, любуясь прекрасными видами на нѣсколько селъ и извивистую рѣку простиравшимися. Такъ проводя время, я почиталъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Я надѣялся на долю вести таковую семейственную жизнь и тѣмъ избѣгнуть скучного и обременительнаго, одиночества при тогдашнемъ моемъ состояніи, простиравшимся до 20 душъ населенія на своей Красновской, совсѣмъ пустой, усадьбѣ. Въ началѣ іюня отправились мы всѣ въ Тамбовъ на ярмарку, гдѣ я на привезенныя съ собой изъ полка деньги, въ заслуженномъ жалованьи и раціонахъ состоящія, одѣлся какъ надобно, сшивъ себѣ довольно разнаго платья. Тамъ познакомился я съ нѣкоторыми помѣщиками, которыхъ болѣе и не видалъ послѣ нигдѣ; изъ Тамбова возвратясь въ Подсосенки мы, по похвальному тогдашнему обыкновенію ѣздить взадъ и впередъ, пустились въ Елифанскую деревню Есенокъ, гдѣ я въ Августѣ получилъ орденъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ за геройское сраженіе. Сія награда вовсе несоотвѣтственная моей службѣ много однако меня порадовала, и покойная мать моя праздновала сіе событіе большимъ обѣдомъ. Въ исходѣ сентября мы, обратно возвратясь въ Подсосенки, принялись за свой обыкновенный образъ жизни и наступившая зима заставила насъ жить постоянно въ сей деревнѣ. Такъ окончился 1809-й годъ. Признаюсь, что мнѣ и тогда на 24 году моей жизни частыя сіи путешествія безъ цѣли и нужды вовсе не нравились, но тогда не знали еще мудраго правила Жульена, что: „надобно безвыѣздно и твердо расположиться своею осѣдlostію, дабы хорошо управлять своимъ состояніемъ, здоровьемъ, семействомъ и жизнью.“ (См. 2-ю книгу, ст. 32-ая о употребленіи времени).

Глава II.

Коварство, происки и отъѣздъ въ Красное 1810-го года.

Недолго продолжалось для меня спокойное жительство съ моей матерью въ Подсосенкахъ, надлежало мнѣ вновь испытать если не совершенную нищету, то тягостный во многомъ недостатокъ и устраиваться своимъ домомъ, чего мнѣ очень, очень не хотѣлось, зная свое маленькое состояніе.

Вышедшій въ семь году въ отставку братъ мой Алексѣй началъ ухитряться въ полученіи всего матушкина имѣнія себѣ, въ семь его

предпріятіи я конечно былъ лишній, и надлежало прежде всего меня сбыть съ рукъ; съ симъ намѣреніемъ, Алексѣй и Наталья съ нимъ единомысленная, начали тѣмъ, что матушкѣ, любившей хорошій столъ, стали дѣлать оный дурной и на послѣдовавшее за симъ довольно жаркое объясненіе доложили, что много идетъ лишняго противъ прежняго, намекая весьма ясно на меня, но, видя, что я въ молчаніи переносу ихъ наглое нападеніе, рѣшились уже прямо сказать мнѣ, что моего дохода мало на мое содержаніе, и я избѣгая дальнѣйшей непріятности принужденъ былъ изъ третнего пансіона своего дать еще Натальи 30 асс. на наступившій великій постъ, на рыбу, которая, по ея словамъ, очень вздорожала. Наконецъ, видя, что меня и сіе не раздражаетъ, въ общемъ совѣтѣ Алексѣй и Наталья положили лишить меня услуги и посему приказали ходившему за мною чело­вѣку матери моей сказаться больнымъ, а мнѣ, лишенному услуги, ихъ же люди говорили, что это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы я взялъ своего чело­вѣка. Избѣгая объясненій я взялъ своего глупаго мальчика, единственнаго лакея послѣ отца моего матушкою мнѣ предоставленнаго, и одѣлъ его. Когда и сіе не помогло, то тогда уже весьма ясно и часто начали поговаривать, что имѣніе у нихъ съ матушкой общее, что я сынъ отдѣленный и что пора мнѣ подумать о своемъ хозяйствѣ. Потерявъ терпѣніе я вошелъ съ сими людьми въ объясненіе о своихъ правахъ въ отношеніи матери намъ общей, но изъ сего родилась ссора, а она не стала и глядѣть на меня.

Наступилъ день рожденія Натальи, а какъ на другой день предположено было освященіе въ Подсосенкахъ церкви, матушкою устроенною, и для сего готовились къ большому празднованію, то я и не выбрилъ въ сей день бороды, полагая, что сдѣлаю это въ тотъ важный для матушки день. Наталья, увидя меня въ день своего рожденія съ небритой бородой и въ сюртукѣ, потому что у насъ гостей никакихъ не было, ужасно раздражилась сею неумышленною погрѣшностью и столь разстроилась, что со слезами приносила матушкѣ на сіе жалобу заставя и сдѣлать мнѣ выговоръ. Послѣ сего, день ото дня оскорбленія мнѣ увеличивались до нестерпимости, и я разсмотря все сіе и ясно видя, что Алексѣй и Наталья, управляя всѣмъ имѣніемъ матушки и домомъ ея, ибо она давно уже въ сіе не входила, могутъ ежеминутно дѣлать мнѣ величайшія непріятности и даже могутъ и самую мать мою поставить противъ меня, рѣшился испросить ея благословеніе на отъѣздъ въ свое имѣніице, что и исполнилъ въ началѣ сентября. При семъ объясненіи мать моя спросила у меня: „что заставляетъ тебя ѣхать отсюда?“ Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что если сказать правду,

то произведу гнѣвъ ея мнѣ же въ послѣдствіи могущій во вредъ обратиться, потому что я твердо зналъ и видѣлъ превосходную любовь ея къ Алексѣю и Натальѣ, для которыхъ и въ раздѣлѣ батюшкина имѣнія меня совершенно обидѣла и потому рѣшился молчать, а только доложилъ ей, что пора начать устраивать свой уголокъ, на что она не сказала ничего, а благословила меня ѣхать, давъ притомъ приказъ отъ себя своему старостѣ дать мнѣ 10 подводъ изъ числа 30 на одну поѣздку, чтобы подсобить мнѣ вывести лѣсъ на строеніе!!

Итакъ я не ошибся въ своемъ заключеніи и послѣдствіе оправдало нѣкоторую холодность ея ко мнѣ сею ничтожною помощію, въ которой и чужимъ не отказываютъ, и которою я въ послѣдствіи пользовался отъ добрыхъ своихъ сосѣдей дававшихъ мнѣ по 50 и болѣе подводъ для возки изъ близкихъ лѣсовъ, купленныхъ мною деревьевъ на строеніе. При отъѣздѣ моемъ Алексѣй показалъ всю черноту души своей, ибо когда я сталъ просить матушку о пожалованіи мнѣ тѣхъ 700 руб., которые угодно ей было во время моей службы взять изъ доходовъ моего имѣніица на построеніе церкви въ Подсосенкахъ, то онъ съ язвительнымъ видомъ и насмѣшкою, превосходившею и самое требованіе, сталъ насчитывать свои деньги, на излѣченіе моей раны въ Пруссіи 1807 году употребленныя, хотя тогда давалъ ихъ изъ одной кичливости при полковникѣ нашемъ Козловскомъ, а я по глупости своей, видя, что онъ швырялъ, можно сказать, тогда деньгами, которыхъ у него было много, полагалъ, что брызги золотого его дождя, и до меня достигли, издержалъ ихъ довольно неосмотрительно, принявъ ихъ за подарокъ, но теперь дорого за сіе заплатилъ, ибо полагая на 700 рублей устроить себѣ небольшое жилище, вдругъ увидалъ себя лишеннымъ сего единственнаго моего пособія. Но дѣло сдѣлано! И я съ однимъ презрѣніемъ къ сему жестокосердому человѣку и съ 100 рублями поѣхалъ въ свое Красное строить вмѣсто уже домика крестьянскую хату.

Глава III.

Пустырь, поселеніе и занятія.

1810 годъ.

Пріѣхавъ въ Красное, я не нашелъ на своей усадьбѣ не только какого либо строенія, но ниже одного дерева, гдѣ бы подтѣнію онаго лѣтомъ можно было отдохнуть на чистомъ воздухѣ, и самое мѣсто изрыто было ямами, не обнесено валомъ, и, однимъ словомъ, я нашелъ здѣсь совершенный пустырь. По пріѣздѣ моемъ

первымъ моимъ дѣломъ было построить для себя горницу, а какъ денегъ у меня было только 100 рублей, то я и принужденъ былъ купить оную въ шесть аршинъ длины и ширины, и въ сей хижинѣ прожилъ я до лѣта 1812-го года; послѣ сего кой какъ изъ гнилушекъ купилъ избу для людей, которыхъ у меня всего на всего было три человѣка и обнесъ скотный дворъ плетнемъ. Въ такомъ видѣ я провелъ зиму, живя въ совершенномъ уединеніи, потому что ни самому выѣхать было не въ чемъ, ни у себя принять негдѣ,—не въ правѣ ли я былъ сѣтовать на своихъ родныхъ? изъ нихъ мать имѣла болѣе 120 душъ при славномъ доходѣ; братъ 20000 собственныхъ денегъ и при всемъ томъ не только никто не помогъ мнѣ ни въ чемъ, но даже желали вредить сколько могли. По сущей справедливости и по чистой совѣсти долженъ сказать я, что, видя въ послѣдствіи людей въ разныхъ положеніяхъ жизни и обстоятельствахъ и примѣняя ихъ къ себѣ, могу сказать, что пороки всѣхъ людей какъ бы сосредоточились въ нашей бывшей семьѣ и изгнали изъ оной всѣ чувства нѣжности. Итакъ, чему дивиться?—если я имѣю въ характерѣ большіе недостатки. Слава Богу, что я не сдѣлался пьяницей, воромъ и самымъ негоднымъ человекомъ.—Худое занятіе нами родителей, алчность къ деньгамъ, хладнокровіе и ненависть при дурномъ поведеніи ближнихъ родныхъ—суть такія тяжкія наказанія, отъ которыхъ да избавить Богъ всякаго человѣка!

Я прошу Господа да не будетъ никогда болѣе ни одинъ человѣкъ въ такомъ положеніи семейства, въ какомъ, къ несчастію, я находился, ибо таковыя люди суть язва благочестія, чести и всѣхъ чувствъ возвышенныхъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія! Сіи люди ханжествуютъ въ наружныхъ обрядахъ церкви, къ которымъ они привязаны даже до изступленія; вовсе не знаютъ и даже знать не хотятъ о сущности благословенной христіанской религіи, которая даже имъ ненавистна. Попробуйте съ ханжой поспорить, что лучше не ѣхать къ обѣднѣ, чѣмъ ѣхавши туда браниться и драться за какую либо неисправность гардероба или экипажей, попробуйте сказать злому ханжѣ, что онъ слушаетъ въ день двѣ обѣдни, а обижаетъ ближнихъ, и тогда вы ясно увидите истину словъ пророка Исаія, которому Богъ Господь предсказалъ о лицемѣрахъ Ему непріятныхъ сими словами: „Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими, чтутъ меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня, но всеу чтутъ меня, уча ученіемъ и заповѣдямъ человѣческимъ“. (Матѣ. Гл. XV ст. 8-й и 9-й.)

Въ сіе время занятія мои состояли въ хозяйствѣ и разныхъ заведеніяхъ птицы и скота, ибо у меня сего ничего не было по благой волѣ моей матери, отдавшей все тѣмъ дѣтямъ, къ которымъ имѣла благоволеніе.

Глава IV.

Недостатки въ образѣ жизни и образѣ оной. Чтеніе, комета 1811-го года. Наглые поступки дѣтей съ матерью, плутовское обобраніе, подлость въ кражѣ дома. Кончина матушки.

1811 годъ.

Не имѣя ни зимняго ни лѣтняго экипажа, я велъ во весь сей 1811-й годъ жизнь самую уединенную, видясь только съ двоюродными братьями моими, и то очень рѣдко; у меня не было ни повара, ни посуды въ чемъ бы готовить, и я, отыскавъ 70-лѣтнюю старуху, радъ былъ, что она, по крайней мѣрѣ, варила мнѣ супъ и могла сдѣлать простой соусъ и жаркое въ купленной мною въ началѣ сего года кухонной посудѣ. Открывшаяся весна, доставя случай и возможность для прогулокъ, доставила мнѣ и другое занятіе—парники. Въ числѣ старыхъ и глупыхъ людей, мнѣ матушкою давныхъ, достался и плохой старый садовникъ отца моего и съ симъ-то служителемъ началъ я трудиться надъ парниками, желая доставить себѣ какое нибудь занятіе, ибо, по несчастію, я не имѣлъ возможности ни купить, ни читать много книгъ, а небольшое количество оныхъ разными случаями мною получаемыхъ по страстной моей любви къ чтенію, я тотъ же часъ прочитавъ, оставался въ гибельной предразсудности, не умѣя ни рисовать, ни чертить для развлеченія и полезнаго занятія себѣ; при семъ со вздохомъ скажу: сколько есть мущинъ, которымъ бы слѣдовало воспретить вступать въ бракъ прежде нежели дадутъ они отчетъ въ священныхъ обязанностяхъ мужа и отца.

Наступившее лѣто дало мнѣ сильные и сообразныя лѣтамъ занятія въ посѣвѣ хлѣбовъ, распашкѣ моей усадьбы для планированія оной и вмѣстѣ для посѣва на оной сѣмени для умноженія дохода своего, и Господь благословилъ усилія трудовъ моихъ изобильнымъ урожаемъ хлѣба всѣхъ родовъ и даже, можно сказать, преизобильнымъ. Тутъ сладостная надежда поправленія моего состоянія несла въ душу мнѣ то спокойствіе и радость, каковыя едва ли когда чувствовалъ богачъ среди роскошнаго замка своего; къ сему удовольствію моему я получилъ и другое, въ наблюденіи прекрасной и величественной кометы, явившейся у насъ въ началѣ Августа; тогда, по захожденіи солнца, я по цѣлымъ часамъ сиживалъ и любовался симъ рѣдкимъ явленіемъ, забывая даже о снѣ, воспаряя моими мыслями въ міры надзвѣздные. Такъ проводилъ я прелестное сіе лѣто, наслаждаясь въ то же время и романическою прогулкою по берегамъ нашей маленькой рѣчки, гдѣ я сиживалъ не-

рѣдко, улаждая слухъ свой ея журчаніемъ; ея безвѣстное теченіе сравнивалъ я съ безвѣстностію своей жизни, но при сравненіи общаго нашего съ нею одиночества, я чувствовалъ нѣкоторую грусть сердечную и возвращался въ смиренную хижину мою, проникнутый оною. Ахъ,—думалъ я,—и мнѣ суждено жить и умереть въ бѣдственномъ одиноствѣ, и я паду, никѣмъ неоплакиваемый. Но среди сихъ печальныхъ размышленій нѣкоторый лучъ надежды блисталъ въ душѣ моей, и я предавая себя въ волю и распоряженіе Всемогущаго, оставался спокойнѣе. Въ исходѣ сего лѣта пріѣхалъ въ Есенокъ и Алексѣй съ сестрами, и я, удивленный симъ неожиданнымъ пріѣздомъ, поспѣшилъ къ нимъ, дабы узнать причину онаго; они рассказывали мнѣ, что будто матушка согнала ихъ, и злобный Алексѣй даже осмѣливался отзываться о ней съ наглымъ презрѣніемъ, но вскорѣ завѣса спала съ глазъ моихъ, и я, получа отъ матушки письмо, узналъ всѣ обстоятельства сего ужаснаго происшествія, которыя здѣсь и описываю не для примѣра, ибо избави меня Богъ и мысли, чтобы нашелся другой таковой извергъ, но пишу для того, чтобы показать до какой степени можетъ унизиться человѣкъ, преданный любостыжанію и исполненный ложнаго Богопочитанія, или полагающійся на наружные обряды церкви и ищущій черезъ оныя спасенія своего.

По отъѣздѣ моемъ въ 1810 году, Алексѣй и Наталья, устраняя главное препятствіе, начали болѣе и болѣе оказывать услуги матушкѣ, надѣясь черезъ то получить желаемое, то есть ея имѣніе, въ селѣ Подсосенкахъ и Кортуринѣ, Тамбовской губерніи, Шацкого уѣзда въ селѣ Старомъ состоявшаго, и простирали виды свои и на Есеновскій, матушкѣ по раздѣлу представленный домъ, со всѣмъ строеніемъ и усадьбою, болѣе 5 десятинъ простиравшеюся, какъ, равно, на всю ея седьмую часть, изъ имѣнія отца моего ей доставшуюся; словомъ, Алексѣй, не имѣя ни качествъ, ни духа генеральскаго, отчего и въ отставку вышелъ, хотѣлъ симъ незаконнымъ пріобрѣтеніемъ получить средства жить по генеральски.

Мать моя, видя Алексѣя, крестящагося съ плеча на плечо и поклоняющагося въ церкви и дома очень часто до земли, постыжающагося такъ, какъ и монахъ не всякій постится, слушающаго частые молебны и всенощныя и любя сама всѣ сіи наружности, полагала, что она нашла рѣдкаго сына, а въ Натальѣ рѣдкую дочь и podporу своей старости, ибо и она ни въ чемъ не уступала Алексѣю по наружной приверженности къ религіи. Но бѣда состояла въ томъ, что они всѣ заблуждались, не вѣдая и или нехотя вѣдать, что Господь нашъ Іисусъ

Христось, сія непостижимая любовь, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ любовь и миръ, требуя неотмѣнно, чтобы мы такъ поступали со всѣми какъ желаемъ чтобы они съ нами поступали, и постановилъ неизмѣнное правило: любить Бога болѣе всего и ближняго какъ самаго себя; знать Единого Бога и имъ посланнаго Иисуса Христа,—вотъ въ чемъ состоитъ все существо вѣры нашей благословенной, къ достиженію которой непременно нужно частое себя испытаніе по слову апостола: „себя испытайте, аще еси въ вѣрѣ себя испытайте!“

Алексѣй, въ началѣ сего лѣта, не видя со стороны матери нашей никакой наклонности къ предположенной имъ передачѣ ему имѣнія началъ явно требовать оной и получилъ отказъ. Сей отказъ раздражилъ его самолюбіе, и онъ началъ требовать настоятельно,—забывъ уваженіе должное матери,—того, чего не могъ получить по согласію, представляя, что онъ, будучи въ службѣ, не получалъ дохода, забывъ, что въ награду сей уступчивости мать предоставила ему лучшую часть изъ всего отцовскаго имѣнія и содержала на своемъ иждивеніи 12 человѣкъ его деньщиковъ и болѣе 20 лошадей въ теченіе двухъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, Алексѣй согласясь съ Натальей, рѣшился жестоко отомстить матери за ея непреклонность на его желаніе и, вслѣдствіе сего, они сначала приступили къ тайному вывозу всего имущества матери изъ ея кладовыхъ, что имъ и легко было сдѣлать, ибо матушка по своей слабости ни за чѣмъ не смотрѣла, какъ выше сказано, а все было въ рукахъ Натальи и Алексѣя. Рассказывали люди, что, нагружая разными вещами подводы крестьянъ матушки, отправляли ихъ среди дня мимо оконъ дома и на вопросъ ея, что за обозъ идетъ безстыдно лгали говоря:—какіе то чужіе,—и мать сему вѣрила. По окончаніи сего вывоза Алексѣй, съ грубостію приступя къ престарѣлой матери, снова началъ требовать своего вознагражденія и съ неслыханною дерзостію вынудилъ ее дать купчую на одного ея человѣка, ему нравившагося; огорченная симъ мать выѣхала послѣ сего дѣйствія изъ своего дома къ живущей съ нею въ одномъ селѣ родственницѣ и прислала оттуда за меньшей сестрой моею Александрой, но Алексѣй и Наталья, рѣшившись бросить мать, убѣдили къ сему и Александру и не выдавшись съ матерью всѣ уѣхали въ Есенокъ, оставя столь гнуснымъ и злодѣйскимъ образомъ 70-лѣтнюю слабую мать безъ всякой подпоры, утѣшенія и помощи. Такой конецъ воспріяла съ одной стороны несправедливость матери къ другимъ ея дѣтямъ въ пользу сихъ избранныхъ ея, а съ другой стороны алчность и мщеніе непокорнаго и несчастнаго сына, несчастнаго, ибо послѣ увидимъ 15-лѣтнее его за сіе страданіе и ужасную смерть. По прибытіи своемъ въ Есенокъ, Алексѣй, исполняя мѣру своей наглости

противъ матери, рѣшился на самый подлый поступокъ:—онъ, приглася къ себѣ пьянаго Епифанскаго тогдашняго судью Голубкова, одаря его и употчивавъ, убѣдилъ выдрать листъ изъ раздѣла, которымъ Есеновскій домъ со всею усадьбою представленъ былъ матушкѣ и вмѣсто его вписать, что сей домъ и усадьба отданы Алексѣю и, получа все оное, выгналъ ея скотину и людей, какъ бы въ заплату такового ея поступка съ нами въ 1805 году.

Получа о семъ окончательномъ безчестномъ поступкѣ извѣстіе, матушка рѣшилась ѣхать въ Тулу, просить о семъ губернатора, что и исполнила въ началѣ зимы. Выѣхавъ для сего въ началѣ декабря, она изволила изъ Притонъ (деревни, на большой дорогѣ лежащей, въ 8 верстахъ отъ меня) прислать ко мнѣ за квасомъ, приглашая при томъ меня пріѣхать въ Тулу. Алексѣй, исполняя мѣру свою, узнавъ о семъ, пустился впередъ и научилъ передового матушкина человѣка, ѣхавшаго въ Тулу для найма дома, чтобы онъ не искалъ онаго, дабы тѣмъ вновь обезпокоить ее, а самъ въ пьяномъ видѣ обскакивалъ нѣсколько разъ экипажъ матушки и уговаривалъ дѣвокъ ея уйти отъ нея. Непривыкшая къ столь отдаленному трудному пути, одна, безъ дочерей къ пособію коихъ привыкла, и, по пріѣздѣ въ Тулу не найдя готовой квартиры и принужденная ѣздить по городу болѣе трехъ часовъ, сія достойная, но несчастная мать принуждена была остановиться въ домѣ родственницы своей Барноволоковой, гдѣ, не могши имѣть нужнаго ей покоя въ теченіи двухъ дней, пока наняли ей домъ, она занемогла. Узнавъ о семъ, я, броса все свое хозяйство, въ худой кибитчонкѣ поскакалъ въ Тулу и нашелъ любезнѣйшую мать мою въ болѣзненномъ положеніи. Оставшись при ней, я упросилъ двоюродную тетку нашу Барноволокову оставить дочь ея Александру Петровну для хожденія за матушкой, ибо различіе пола препятствовало мнѣ исполнить сію священную обязанность; призванный докторъ началъ пользоваться матушку, но ей, не взирая на сіе, становилось часъ отъ часу хуже. Въ сихъ обстоятельствахъ я послалъ нарочнаго къ Алексѣю и сестрамъ, прося ихъ пріѣхать примириться съ умирающей матерью, но Алексѣй полагая, что я его обманываю, не поѣхалъ и сестры также, итакъ почтеннѣйшая и престарѣлая мать, имѣющая многочисленныхъ дѣтей, лишилась помощи ихъ и утѣшенія умереть среди благословеній оныхъ. Что сему причиною? Справедливость требуетъ сказать, что съ одной стороны несправедливость въ отношеніи къ равенству всѣхъ дѣтей должному и любовь по избранію, а съ другой злое сребролюбіе, жестокость сердца и отсутствіе всѣхъ чувствъ человѣческихъ были первою пружиною сихъ печальныхъ послѣдствій. Болѣзнъ матушки, день ото дня становившаяся опаснѣе, приб-

лижала ее къ дверямъ гроба; чувствуя наступленіе часа смерти, она потребовала духовника, исповѣдалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ съ большимъ чувствомъ. Я былъ свидѣтель, что когда священникъ началъ читать ей молитву „Вѣрую Господи“, то она подняла дрожащія свои руки и глаза на небо, куда готовилась вскорѣ переселиться; кончина ея была кончиной праведной: тиха, мирна и подобна угасающей лампадѣ; я палъ къ ногамъ ея и слезами моими омылъ оныя. Предавъ землѣ бранные остатки сей умной, просвѣщенной и любезной мнѣ матери въ селѣ Порѣчѣ, я возвратился въ мою хижину съ чувствомъ горести и негодованія на злобу людей. Правду сказалъ Пушкинъ: „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“.

Глава V.

Хорошій доходъ, строеніе дома, газетныя извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ. Нашествіе французовъ, невозможность явиться на поле брани; бѣгство дворянъ и ругательства черни.

1812 годъ.

Необыкновенный урожай хлѣба въ 1811 году и высокая цѣна на оный, вознаграждая всѣ труды мои, доставили мнѣ большой, а именно болѣе 2000 рублей простиравшійся, доходъ. Имѣя у себя 4 тягла здѣсь, я большую часть хлѣба продалъ на мѣстѣ по огромной цѣнѣ и съ сими то деньгами началъ зимой готовить дѣла на строеніе дома, пользуясь подводами добрыхъ моихъ сосѣдей. Къ Апрѣлю 1812-го года домъ мой построенный на квадратѣ 12-аршинной мѣры, имѣлъ 4 комнаты чистыхъ и покойныхъ, которымъ я радовался болѣе, нежели богачъ новой отдѣлкѣ великолѣпныхъ палатъ своихъ. Радость моя была столь велика, что едва онъ былъ оконченъ, какъ я въ половинѣ Апрѣля перешелъ въ него жить; холодъ, бывающій у насъ довольно жестокимъ въ сіе время, много меня беспокоилъ, ибо домъ былъ безъ печей, но молодость и соединенное съ оною милодушіе добровольно выносили то, за что часто многіе платятъ жизнью. Получая въ сіе время газеты, какъ необходимую для моего занятія потребность, я видѣлъ изъ оныхъ огромныя военныя приготовленія на западныхъ нашихъ границахъ, видѣлъ что тамъ устроены три дѣйствующихъ арміи и двѣ резервныхъ и оставался покоенъ въ разсужденіи безопасности своего отечества, помня, что мы въ 1807-й году съ 70-тысячною арміею противустояли Наполеону, имѣвшему 150 тысячъ! При наступленіи лѣта я теперь не только занялся парниками, но и устройствомъ цвѣтника, который я хотя и передъ прежней своей избушкой имѣлъ, но самый маленькій, а теперь получилъ возможность слѣдовать сей моей

страсти въ лучшемъ уже видѣ. Любя цвѣты всякаго рода, я самъ ходилъ за ними, поливая и очищая оныя, и симъ пріятнѣйшимъ занятіемъ имѣлъ весьма большое удовольствіе, видѣть цвѣты мои въ прекрасномъ видѣ. Но среди сихъ мирныхъ занятій въ исходѣ Іюня я пораженъ былъ извѣстіемъ о вторженіи арміи Наполеоновой въ предѣлы нашего отечества. Въ то же время наступили сильныя жары и необыкновенная засуха и появились черви, истребившіе совершенно всходы гречи и позднихъ овсовъ нашихъ. Среди сихъ домашнихъ и политическихъ бѣдствій распущены были слухи самые непріятные, положившіе начало тому плачевному предчувствію, которое оправдалось потерю Смоленска въ началѣ Августа. Въ то же время получилъ я воззваніе Царя, приглашавшее къ оружію всѣхъ дворянъ. Первое чувство мое было броситься къ оружію и летѣть на знакомыя поля брани, но для сего надо было имѣть деньги на обмундировку и другія необходимыя издержки, а я свои, не вѣдая о грозѣ страшившей наше отечество, всѣ протратилъ и остался безъ гроша. Занять было не у кого, ибо я ни съ кѣмъ знакомъ не былъ; оставалось одно средство—занять оныя у богатаго брата,—и я прибѣгъ къ Алексѣю. Но сей недостойный сынъ отечества, не взирая на свой чинъ, собрался бѣжать въ Тамбовскую покойной матери нашей деревню, и для того собравъ свои деньги и вещи, укладывалъ ихъ въ экипажи тогда, когда я въ жару любви къ отечеству пріѣхалъ къ нему просить помощи для способствованія мнѣ къ защитѣ любезнаго моего отечества. Далеко будучи сихъ благородныхъ чувствъ, онъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ 200 рублѣхъ и не теряя времени пустился въ бѣгство, явно обнаруживъ тѣмъ слабость своего характера и величайшій эгоизмъ, столь пагубный въ общественной и частной жизни. Оставившись безъ денегъ и видя что намѣреніе мое сражаться никакимъ образомъ исполнено быть не можетъ, ибо бѣдственное состояніе полей нашихъ мало давало надежды и къ зимнему доходу, я въ половинѣ сентября собрался въ Подсосенки, гдѣ собрались уже всѣ мои родные, могшіе порядочно поубавить мнѣ тамъ принадлежавшее. Ъхавши дорогой я видѣлъ совершенное переселеніе народовъ. Надо себя представить великое число скачущихъ экипажей, огромные тянувшіеся купеческіе обозы, ѣдущій и идущій народъ, чтобы имѣть понятіе о тогдашнемъ всеобщемъ бѣгствѣ изъ Москвы, ея окрестностей и прикосновенныхъ къ ней губерній; особенно ночь представляла величественное и какъ бы воинственное зрѣлище отъ блеска разводимыхъ народомъ огней, уподобляя оныя бивакамъ огромной арміи. Ругательства черни, живущей на большой дорогѣ, которыми осыпала она проезжавшихъ господъ, изумляли меня, приводили мысли мои къ ожиданію всеобщаго возмущенія сего многочисленнаго класса людей. Я ежеми-

нотно ожидалъ, что сіи бѣгущія господчики будутъ жертвою ярости черни, но къ счастью, ея ротъ, дѣйствуя во всей силѣ, оставлялъ руки въ совершенномъ бездѣйствіи. Я совершенно увѣренъ, что одни партизаны, столь не нравившіеся Наполеону и всѣмъ французскимъ писателямъ о сей войнѣ, были одною изъ важнѣйшихъ причинъ востанія народа въ Московской и Смоленской губерніи. Утлый мой экипажець, не обращая на себя вниманія черни, избавлялъ меня отъ ругательства, и я покойно пріѣхалъ въ Подсосенки; проживъ тамъ нѣсколько дней и видя, что и тамошніе помѣщики собрались ѣхать далѣе, опасаясь приближенія театра войны, и наскуча смотрѣть на глупыя предосторожности нашего генерала, я въ концѣ Сентября возвратился въ свое Красное, гдѣ и узналъ, что армія наша, порученная знаменитому и испытанному во браняхъ Кутузову, стоитъ въ крѣпкой позиціи при Тарутинѣ въ Калужской губерніи и что французамъ плохо.

Глава VI.

Раздѣлъ имѣнія 1813-го года; поѣздка въ Тамбовъ, продажа имѣнія, уплата долговъ. Тяжелая болѣзнь Алексѣя и несогласіе его съ сестрами. Поправка въ моемъ устройствѣ.

1813—1814 годы.

Наконецъ прошелъ ужасный для Россіи 1812-й годъ и съ наступленіемъ новаго 1813 года водворился у насъ миръ и спокойствіе, хотя война въ Европѣ и свирѣпствовала еще во всей силѣ. Въ семъ году приступили мы къ раздѣлу имѣнія оставшагося послѣ покойной нашей матери. — Дурное обращеніе Алексѣя съ сестрами, его развратное поведеніе внушило мнѣ сожалительное чувство, хотя и къ виновнымъ, но и весьма жалкимъ сестрамъ моимъ, и я убѣдилъ братьевъ: покойнаго Николая и здравствующихъ Ивана и Владимира, уступить имъ село Подсосенки частію здѣшняго имѣнія такъ, что у насъ братьевъ и сестеръ составлялись равныя части по 35 душъ, ибо село Колтырино въ 35 душахъ состоящее положили мы продать и сими деньгами заплатить долги покойныхъ нашихъ родителей до 10000 рублей простиравшіеся. Къ чести братьевъ моихъ надо сказать, что они устраивая судьбу сестеръ забыли даже о себѣ, ибо ни у меня, ни у братьевъ не было еще устроенныхъ усадебъ, а у Владимира и никакой, а они уступили сестрамъ прекрасно устроенную усадьбу въ Подсосенкахъ съ большимъ домомъ, садомъ и со всѣмъ дорогимъ надворнымъ строеніемъ; однимъ словомъ, братья доказали свою любовь и участіе къ сестрамъ такое, которое приносить имъ честь незабвенную, и за которое

сестры имъ заплатили въ 1827 году ужасною неблагодарностію, какъ увидимъ впослѣдствіи.

По окончаніи раздѣла, отправились мы всѣ, но сообразно воспитанію и характеровъ своихъ, всѣ по разнымъ отдѣленіямъ въ Подсосенки, гдѣ запродавъ Колтырино за 10500 руб. госпожѣ Протасьевой, поѣхали въ Тамбовъ для совершенія купчей и полученія съ нея тамъ денегъ и здѣсь Алексѣй, по праву сильнаго, взялъ деньги къ себѣ, и мы по окончаніи всего дѣла выѣхали изъ Тамбова всякій въ свой домъ, благодаря Бога, что продавъ, хотя и дешево Колтырино, но все же заплатя долги, останемся покойны, владѣя всякій своимъ имѣніемъ, а главная радость моя была та, что сею продажею я избавлялся отъ тяжелой опеки Алексѣя, который, внеся свои деньги въ уплату долговъ покойныхъ нашихъ родителей, могъ все наше имѣніе прибрать въ свои руки и сдѣлать насъ своими вассалами, что уже онъ привелъ въ дѣйствіе по Козельской нашей деревнѣ. По полученіи достальныхъ денегъ съ нашей покупицы Алексѣемъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ исходѣ 1813-го года по зимнему пути въ Тулу, дабы быть свидѣтелемъ взноса всей суммы отъ Алексѣя въ тамошнее губернское правленіе; оконча и сіе послѣднее наше дѣло, я съ глубочайшею къ Богу благодарностію радостно возвратился въ смиренный мой домикъ. Наконецъ Божеское правосудіе коснулось Алексѣя за его оскорбленія матери и всѣхъ насъ, и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь въ началѣ 1814-го года, которая, медленно приближая его ко гробу, положила конецъ его жизни въ 1827-мъ году, какъ увидимъ впослѣдствіи. Несогласіе его съ сестрами, страхъ смерти, непомѣрная скупость, видимое неудовольствіе всѣхъ его родныхъ за его наглое и презрительное съ ними обращеніе, все сіе совокупно дѣлало Алексѣя въ глазахъ моихъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ; онъ по всей справедливости болѣе заслуживалъ сожалѣніе нежели ненависть, ибо, истоща всѣ жизненные соки безпорядочною жизнью своей молодости, оставался теперь холоднымъ ко всему высокому и изящному. Подобный ему представляетъ примѣръ и великій Фридрихъ король Пруссій, не могшій равнодушно видѣть счастье другихъ людей и равнодушно взиравшій на бѣдствія оныхъ, что многими умными и опытными людьми приписывается развратной его молодости; вотъ живые примѣры, по которымъ всякій молодой человѣкъ, желающій окончить дни свои въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣми людьми долженъ строго устранять себя отъ всѣхъ излишествъ, а паче вина и тѣмъ болѣе неумѣреннаго употребленія онаго, о чемъ и святой апостолъ Павелъ, великій наблюдатель чело-вѣчества, написалъ сими словами: „Не упивайтесь виномъ, отъ кото-

раго бываетъ распутство“ (Къ Ефес., гл. V-я, стих. 18-й), а сіе распутство, истощая физическія силы, потемняетъ память, истребляетъ чувство нѣжности, дѣлаетъ подозрительнымъ и неспособнымъ ни къ любви, ни къ дружбѣ; однимъ словомъ, истребляя всѣ чувства человѣческія, дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, ищущему только отличной пищи, которою мнитъ онъ напитать изнуренное тѣло свое и покоя физическаго, черезъ который думаетъ сей бѣднякъ укрѣпить себя. Но тщетны всѣ сіи усилія, ибо они еще болѣе ускоряютъ приближеніе смерти, тогда какъ сіи истощенные чѣмъ болѣе слабѣютъ, тѣмъ болѣе хотятъ жить, завидуя здоровымъ людямъ. Я былъ очевидцемъ молодости и преждевременной смерти, а, что еще тягостнѣе, страдательной жизни Алексѣя и пишу сіе наиболѣе для примѣра вашего, любезнѣйшія мои дѣти, дабы, видя живой примѣръ, вѣдали сколь опасно истощеніе скоропроходящей юности и заранѣе узнали цѣну сохраненія своего здоровья для проведенія мирной и счастливой и долгоденственной старости, о чемъ величайшій нашъ Благодѣтель Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, повелѣвъ намъ: „бдите на всякое время и молитесь да сподобитесь избѣжать всѣхъ сихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго“, (Луки, гл. XXI-я, ст. 36-й.) Къ сохраненію себя отъ сего пагубнаго истощенія нѣтъ лучшаго руководителя, какъ святое Писаніе Библіи, въ ней на каждой страницѣ мы научаемся жить достойно человѣческаго назначенія, тамъ мы увидимъ увѣщаніе: „Трезвитесь и бодритесь“. (1-го посл. Петра V гл., стих. 8-й.). „Худыя общества развращаютъ добрыя нравы“. (Къ Коринѣ: 1-го посл. XV гл., ст. 33-й). „Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пїанствомъ“ (Луки, гл. XXI-я, ст. 34-й). „Со страхомъ проводите время странствованія вашего“. (Петра 1-го посл. гл. 1-я, ст. 17-й). „Испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы? самихъ себя изслѣдуйте“. (Къ Коринѣ: 2-го посл. гл. XII, ст. 5-й), и многія другія наставленія и предостереженія; итакъ возьмемъ себѣ за спасительное правило жить такъ, какъ повелѣлъ Единный Наставникъ и Учитель нашъ Іисусъ Христосъ, и мы увидимъ еще въ здѣшней жизни благія послѣдствія святѣйшаго ученія сего. Послѣ сего спасительнаго отступленія обратимся къ тогдашнимъ современнымъ событіямъ моей жизни. По уплатѣ долговъ родителей моихъ и по полученіи мною въ наслѣдство отъ покойной моей матери 2 тиголь въ Красномъ, съ 3 или 4 десятинами въ каждомъ полѣ земли. Состояніе мое нѣсколько улучшилось, ибо я уже имѣлъ домъ и началъ устривать и разное надворное строеніе, мазанное на малороссійскій манеръ, что дѣлало гораздо лучшій видъ и прочность чѣмъ плетни, доселѣ у меня бывшіе. Получа въ число переплоченныхъ мною прежде общей заплаты за долги родителей моихъ болѣе 400 рублей,

я въ началѣ 1814-го года купилъ въ Тулѣ хорошія на рессорахъ дрожки за 325 р. и, купя всю къ нимъ принадлежность, получилъ возможность выѣзжать порядочно, почему и началъ знакомиться въ семь году съ сосѣдями своими: Марковымъ, Албучевымъ, Григоровыми и двоюродными моими братьями Леонтьевыми и симъ средствомъ началъ уже пріятнѣе проводить время. Въ сіе время годовой доходъ мой съ пансіономъ обыкновенно простирался до 1000 рублей, ибо хлѣбный расходъ, умножась на содержаніе дворовыхъ людей, которыхъ въ сіе время имѣлъ я уже 6 человекъ, не считая женщинъ, не позволялъ мнѣ дѣлать всей продажи хлѣба; къ тому содержаніе 2-хъ лошадей для своего выѣзда, и пріѣздъ гостей дѣлали расходы болѣе прежняго и потому я, хотя, имѣлъ всѣ жизненные выгоды, но денегъ у меня въ карманѣ было немного, ибо и изъ 1000 надо было много издерживать на покупку мебели, серебра столоваго, посуды и прочаго. Такимъ образомъ, я хотя и могъ уже считаться въ числѣ помѣщиковъ, но весьма небогатыхъ. Робость, свойственная недостатку, при видѣ житей богатыхъ моихъ сосѣдей, иногда дѣлала меня неловкимъ въ обращеніи, но я старался побѣдить сіе скорбное чувство величіемъ твердаго духа и иногда успѣвалъ въ семь.

Глава VII.

Выборъ въ исправники 1815-го года, служеніе, знакомства, довѣренность дворянъ ко мнѣ; услуга знакомымъ, справедливость и безпристрастіе, любовь и уваженіе всего уѣзда; поправление домашнее, смерть брата Николая въ 1815-мъ году.

1815 годъ.

Наступленіе 1815-го года открыло у насъ выборы; братъ мой Алексѣй возжелалъ помѣстить меня въ исправники, и, отнеся о семъ къ Григорову, сильному по связямъ въ нашемъ уѣздѣ дворянину, и получилъ его согласіе. Не помышляя о такомъ возвышеніи, ибо зналъ, что многіе извѣстнѣйшіе меня дворяне желали занять сіе мѣсто, я весьма удивился и обрадовался, узнавъ, что уже всѣ дворяне предварительно положили избрать меня на сіе, лестное тогда, мѣсто. Я радовался не потому, что могъ обогатиться, но что могъ теперь быть полезнымъ обществу дворянъ и могъ еще болѣе сблизиться съ ними, чего всегда и желалъ я, потому что, живучи въ деревнѣ, я не могъ имѣть иной цѣли, не имѣя семейства и живучи въ совершенномъ одиночествѣ, сверхъ сего, видя, какъ прежніе исправники исполняли сію должность, я чувствуя себя способнымъ, хотѣлъ дать примѣръ истиннаго служенія, въ чемъ и успѣлъ въ послѣдствіи при благословеніи Господа щедротъ.

Такимъ образомъ, брошенный прежде отъ всѣхъ людей и, неоднократно испытавъ величайшія превратности, я въ началѣ 1815-го года сталъ на чреду лучшихъ членовъ своего сословія, ибо при самомъ избраніи я имѣлъ удовольствіе слышать отъ многихъ умныхъ и лучшихъ дворянъ нашего уѣзда лестныя ихъ надежды на мое служеніе. По желанію моему мнѣ дали засѣдателей, Н. Е. Хрущова, моего теперешняго лучшаго пріятеля, съ которымъ я во время нашей службы сдѣлался пріателемъ и другомъ, и Карочарова, хотя простого, но довольно изряднаго дворянина; съ сими то товарищами, въ исходѣ Января, и вступилъ я въ должность свою. имѣя предводителемъ умнаго, честнаго и кроткаго Ивана Ивановича Бибикова, мужа единственнаго по любви его къ общему благу: сей то рѣдкій человекъ былъ для меня примѣромъ на новомъ моемъ поприщѣ, и навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Должность моя сблизила меня со всѣми дворянами нашего уѣзда, которые почти всѣ были люди просвѣщеннаго ума, люди, что называется, большого свѣта и лучшаго тона. Изъ нихъ наизвѣстнѣе я только нѣкоторыхъ, чтобъ дать понятіе о томъ кругѣ, въ которой взошелъ я; первый изъ нихъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахлестышевъ, отецъ генерала сей фамиліи, потомъ Татищевъ, Измаиловъ, Власовъ, генералы Бибиковы, Писаревъ, Молчановъ, Игнатьевы, Шнейдеръ и Протопопова. При самомъ вступленіи своемъ на поприще своего служенія, я взялъ себѣ за правило быть неусыпнымъ и справедливымъ въ своемъ званіи и сколько можно чаще быть между сими просвѣщенными людьми. Это знакомство было для меня наукою новою и весьма полезною. ибо служба въ военной службѣ, что могъ я видѣть, кромѣ начальниковъ и подчиненныхъ, биваковъ и сраженій и другихъ подобныхъ сему предметовъ? Но теперь я вошелъ въ кругъ общества, замѣчалъ его обычаи, страсти людей и. что называется, обжился съ ними, получа въ сіи два года болѣе познанія для меня нужнаго, нежели предшествовавшее теченіе моей жизни. Привыкнувши видѣть прежнихъ исправниковъ только при слѣдствіяхъ и въ судѣ. сіи почтенные дворяне съ удивленіемъ и удовольствіемъ видѣли, что я весьма часто былъ среди нихъ и, слѣдственно, не дѣлалъ ничего такого, чтобы заставляло меня отъ нихъ скрываться, но напротивъ, видя, что я всегда и вездѣ готовъ самъ начинать разговоръ о дѣлахъ моихъ и требовать въ иныхъ случаяхъ ихъ совѣта, они меня не только полюбили, но и начали уважать, узнавъ, что я совсѣмъ удаленъ отъ всякаго рода притѣсненій, взятокъ и другихъ мерзостей. Вслѣдствіе сего сіи почтенные люди при случившихся дѣлахъ своихъ безъ всякихъ бумажныхъ просьбъ избрали меня посредникомъ и чѣмъ я рѣшалъ, такъ то и оставалось; къ числу сихъ случаевъ разскажу объ одномъ: Василій Фед. Молчановъ,

одинъ изъ старшихъ дворянъ нашихъ, имѣя общія полевые дачи съ небогатымъ помѣщикомъ Жеребцовымъ и считая, что сей завладѣлъ у него луга, взошелъ съ нимъ въ дѣло, но узнавъ меня, они оба просили меня, разобрать ихъ и развести, соглашаясь заранѣе исполнить все то, что я сдѣлаю. Получа сіе довѣріе, я поѣхалъ на мѣсто спорнаго владѣнія, собралъ понятыхъ и съ помощью ихъ и собственнаго безпристрастія нашелъ, что не только Жеребцовъ, котораго я и не вѣдалъ, не завладѣлъ у Молчанова лугами, но что сей послѣдній много захватилъ его луговъ и потому, какъ я не уважалъ Молчанова, но тутъ же отрѣзавъ отъ него неправильно присвоенное количество луговъ и возвратилъ Жеребцову, и о семъ извѣстивъ поѣхалъ самъ къ Молчанову; сей почтенный старецъ, который и теперь знакомъ хорошо съ нами, долженъ былъ согласиться самъ со мною, слыша мои доводы и ни мало симъ не оскорбился, хотя, быть можетъ, и по наружности. Сіе дѣло, по которому я осудилъ моего знакомаго и мною уважаемаго человѣка, а оправдалъ мало знакомаго и ничтожнаго помѣщика, вновь усилило ко мнѣ любовь и довѣріе всѣхъ дворянъ нашихъ. Такимъ образомъ, проходя мое служеніе обществу, я всегда имѣлъ въ сердцѣ, что Всемогушій Судья ничѣмъ столь не благоугождается какъ правдою. Я помнилъ, что мы, христіане, обязаны дѣлать помощь всякому требующему оной и потому въ нуждѣ Игнатьева и Шнейдера, здѣшнихъ помѣщиковъ, найдя имъ первому четыре, а второму двѣ тысячи рублей, помогъ имъ столько, что они долго сіе помнили. Я никогда и ничѣмъ ни отъ кого не пользовался, полагая, что взять, и по окончаніи дѣла, есть преступленіе гнусное, довольствуясь, собственнымъ своимъ доходомъ, жалованьемъ и двумя тысячами рублей отъ откупщика; я жилъ очень хорошо и имѣлъ всегда открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ. пріѣзжавшихъ по дѣламъ своимъ въ городъ. Въ сіе время отданный мною два года тому назадъ въ ученіе поваръ вышелъ, оконча оное, и потому столъ у меня всегда бывалъ очень вкусный, и пріѣзжавшіе помѣщики очень были рады, находя у меня столъ, покой и скорое исполненіе своихъ просьбъ, что ни прежде, ни послѣ меня они ни отъ кого не имѣли, что неоднократно я самъ имѣлъ удовольствіе отъ нихъ слышать.

Глава VIII.

Возвращеніе въ Красное, постоянное во ономъ жителство, увеселенія, устройство экипажа и желаніе жениться.

Въ 1817 году назначенъ былъ новый выборъ, дабы привести опять въ порядокъ трехлѣтіе, бывшимъ ополченіемъ противъ французовъ

разрушенное ибо предшествовавшего мнѣ выбора дворянинъ прослужилъ 4 года за неимѣніемъ на смѣну новыхъ членовъ.

Будучи удостовѣренъ двухлѣтнимъ служеніемъ въ тягостномъ и трудномъ служеніи въ званіи исправника и нежелая болѣе быть зависимымъ отъ прихоти нибудь какого крючкотворца губернскаго правленія, я просилъ дворянъ о моемъ увольненіи, на что и получилъ согласіе, ибо Сафоновъ, искавшій въ прошлой выборъ исправничества, но зачерненный тогда для меня, вновь своими происками началъ искать онаго и нашелъ людей, разумѣется, подобной себѣ нравственности, которые желали его. Послѣдствія показали, что охотники по гражданской службѣ никуда не годятся, и сей господинъ Сафоновъ началъ не брать, а грабить, что особенно было для многихъ чувствительно, послѣ двухлѣтняго моего служенія, въ которое жители уѣзда начали забывать грабежъ моихъ предшественниковъ и научились тому, что прямое благородство состоитъ въ истинѣ и безпристрастіи. Несправедливость и алчность моего пріемника пролили новый свѣтъ на мое служеніе и тогда то отъ многихъ лучшихъ дворянъ и бѣдныхъ людей часто весьма часто удавалось мнѣ слышать: „нѣтъ, такого уже исправника намъ не имѣть, каковъ былъ прежній!“ и эта похвала была истинною наградою двухлѣтнихъ трудовъ моихъ при искорененіи разнаго рода злоупотребленій и притѣсненій. Здѣсь я долженъ замѣтить, что и человѣкъ, который лишенья способа кривить, невольно уважаетъ того, кто былъ сему причиною, ибо самые приказные, которые многого были лишены при мнѣ, всегда и вездѣ отзывались обо мнѣ съ уваженіемъ и удивленіемъ послѣ уже моего удаленія отъ службы. Итакъ правда всегда и всѣмъ любезна! и кажется, нѣтъ человѣка, который не отдастъ бы ей дани уваженія и любви.

Оставя обширный кругъ дѣятельности, я удалился въ мирный свой уголокъ и принялся за любимое мое занятіе—садъ и чтеніе, размышляя на свободѣ о всѣхъ дарахъ, коими небесное Провидѣніе окружило, такъ сказать, человѣка, и который долженствовалъ бы въ мирѣ наслаждаться оными, я предпочиталъ мирное уединеніе блеску общаго уваженія.

Поселясь въ своемъ Красномъ, будучи всѣми любимъ и видя состояніе мое улучшеннымъ черезъ доставшееся мнѣ имѣніе, я могъ жить весело, принимая у себя и выѣзжая въ свободное время по моимъ сосѣдямъ. Въ семъ году я началъ еще улучшать свое хозяйство, построив кухню, купив мебель и крытыя дрожки для спокойнѣйшихъ выѣздовъ.

Обзаведясь всѣмъ нужнымъ и для холостого даже съ изобиліемъ, я умножилъ свое знакомство офицерами пришедшаго къ намъ Астраханскаго гренадерскаго полка, изъ числа которыхъ баронъ Штейнвернъ, бывъ переведенъ въ гвардію, теперь въ хорошемъ ходу, имѣя уже и чинъ полковника; онъ былъ мною обласканъ и принятъ всегда очень

хорошо и, быть можетъ, со временемъ онъ мнѣ и пригодится для дѣтей моихъ, чего я тогда вовсе и въ предметъ не имѣлъ. Такъ то часто случается съ нами, что человѣкъ, котораго мы менѣе всего ожидали видѣть въ чинахъ и почестяхъ, получаетъ оныя и дѣлается предметомъ почтенія и уваженія.

Разъѣзжая туда и сюда и, повидимому, наслаждаясь свободою, я начиналъ скучать своимъ одиночествомъ: пусть, что хотять пишутъ на счетъ супружества, но человѣкъ съ тѣмъ сотворенъ, чтобы въ кругу одного своего семейства находить истинное счастье; пусть вострятъ языки свои свѣтскія умницы на счетъ браковъ, но всеневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что только въ мирѣ семейства можно имѣть совершенное удовольствіе или, иначе,—его нѣтъ для человѣка въ семъ подлунномъ мирѣ. Очень естественны и съ истинною согласы положенія Жуи, когда онъ говоритъ: „семейство есть изъ всѣхъ обществъ самое естественное и самое древнѣйшее. въ немъ находили мы счастье въ первые годы нашей юности; тамъ же должны искать его и въ престарѣлыхъ лѣтахъ“ *). Сего то источника утѣшенія сей брэнной и бѣдами исполненной жизни нашей начиналъ и я искать; я чувствовалъ, что я не рожденъ къ одиночеству; мысль быть однимъ въ теченіе всей жизни и не имѣть человѣка, который бы имѣлъ ближайшее ко мнѣ чувство всегда меня тяготила. Но какъ я могъ найти сіе существо, которое бы. чувствуя ко мнѣ истинную привязанность. рѣшилось бы быть моею опорой и утѣшеніемъ? Гдѣ женщина, которая могла бы вполне чувствовать обязанности жены и матери? небогатое мое состояніе. образъ мыслей, многихъ впрочемъ, любезныхъ дамъ, заставляли меня отчаиваться найти то, чего столь пламенно желалъ я. Чувствуя, что не въ силахъ моихъ обрѣсти неоцѣнное сокровище въ вѣрной и доброй женѣ. я въ истинной покорности и увѣренности на благость Руководителя рода человѣческаго. рѣшительно положился на Его неизсякаемое милосердіе, ожидая не благоволитъ ли сей Всемилосердный Господь и Искупитель мой. благословить меня симъ даромъ по единой Его неописанной благодати. Я не имѣлъ никакого дара ни внутренняго, ни наружняго. былъ брошенъ своими родителями среди міра. не бывъ ни къ чему способенъ по моему невѣжеству и необразованности, итакъ чего же я могъ надѣяться? только въ благодати и милосердіи Отца сврыхъ обрѣлъ я толикое благословеніе, какого и многіе великіе міра сего не всегда удостоиваются.

*) См. Французскіе нравы XIX столѣтія. Стр. 107. Жуи.

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Часть III-я.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! творяй чудеса.

Глава IX.

Невѣсты и сватовство 1819-го года и послѣдующихъ годовъ.

Живя довольно открыто, къ чему необыкновенная дороговизна сельскихъ нашихъ продуктовъ давала всѣ средства. ибо я въ Москвѣ продавалъ муку по 1 р. 80 к. и по 2 р. пудъ, крупу по 20 р. и болѣе четверть, овесъ по 8 р. и по 10 р., а макъ по 35-ти р. четверть. Усиливая количество въ продажу хлѣба. я нанималъ много земли и отъ сего получалъ по 2500 р. ежегодно дохода съ своего имѣнія, чего очень и очень было достаточно для одного меня. Сей то, весьма хорошій доходъ, получаемый мною съ 1817-го года и проживалъ я весь, живя безвыѣздно въ своемъ Красномъ. Молодые дамы, какъ то: жена пріятеля моего Хрущова и ея сестры, шутя назывались ко мнѣ часто въ гости; я желая повеселить ихъ приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣды, а для нихъ—и многихъ другихъ почтенныхъ дамъ нашего уѣзда, и тогда выходило у меня многолюдное собраніе. Сіи пріѣзды породили желаніе въ нѣкоторыхъ дамахъ и мущинахъ женить меня; изъ нихъ первый Писаревъ предлагалъ мнѣ жениться на роднѣ его, дѣвицѣ Огаревой, но какъ она мнѣ не нравилась, то я рѣшительно и отказался отъ нея; вторую невѣсту предлагала мнѣ, покойная теперь, А. А. Игнатъева: княжну Софью Вадбольскую, чего и братьямъ сей княжны очень хотѣ-

лось; третью предлагалъ мнѣ Н. С. Григоровъ и сія есть жена моя. Всматриваясь пристально въ княжну Вадъбольскую, я видѣлъ, что ей самой хотѣлось быть за мной, и я начиналъ думать, что она будетъ моей женой, какъ неожиданно для меня Н. С. Григоровъ зимой 1819-го года присылаетъ ко мнѣ звать меня къ себѣ, приписывая въ запискѣ, что у него гости, съ которыми я можетъ захочу покороче познакомиться. Я пріѣзжаю и нахожу у него теперешнюю жену мою, которая мнѣ съ перваго взгляда очень понравилась, и я крайне удивился сходству ея лица съ тѣмъ, которое я видѣлъ во снѣ за нѣскольکو предъ тѣмъ дней.

Проведя сей вечеръ съ большою пріятностью, я возвратился домой, положивъ въ мысляхъ искать руки ея, но какъ я былъ очень застѣнчивъ, то и молчалъ о семъ. Надежда Ильинична Хруцова, видя невольное, почти, мое сближеніе съ Вадъбольской въ зиму 1820-го года, рѣшилась сама вновь предложить мнѣ Александру Федоровну; я, поблагодаря ее, сказалъ: „но гдѣ я ее увижу?“ Ловкая сія дама, будучи родня женѣ моей, сказала на сіе, что она вскорѣ у нихъ будетъ и тѣмъ вновь возродила во мнѣ мысль жениться на ней. Это было на балу у Морсочникова, гдѣ особенно старались свести меня съ княжной, и Надежда Ильинична взявъ меня за руку сказала: „не забудьте же Александры Федоровны!“ Сіе предложеніе заставило меня нѣсколько отдалиться отъ Вадъбольской, ибо, бывъ пріятелемъ Хруцова, мнѣ хотѣлось еще болѣе укрѣпить сей узелъ, жениась на роднѣ его. Такимъ образомъ, рѣшась на бракъ съ теперешней женой, я отдалился отъ Вадъбольской, чему большая пружина была—Хруцова, о которой послѣ говорили, что она отдала меня съ тѣмъ, чтобъ женить на княжнѣ брата своего. Но какъ бы то ни было, а я очень счастливъ, что отдалился отъ Вадъбольской, ибо она, вышедъ послѣ моей жинитьбы за Глѣбовскаго, богатаго человѣка, вскорѣ разошлась съ нимъ, и тѣмъ. если справедливы были слухи о намѣреніи Хруцовой и ея хитрости.— не получила никакого успѣха.

Глава X.

Свиданіе, путешествіе, сговоръ, займы денегъ, свадьба.

Въ Іюнь 1821-го года, въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, когда ищешь, но не находишь нигдѣ прохлады, пріѣзжаетъ ко мнѣ Н. Е. Хруцовъ; радуясь пріятельскому пріѣзду, но и удивляясь, что онъ въ столь жаркое время рѣшился на выѣздъ, я провелъ весь день съ

нимъ въ разныхъ вовсе постороннихъ разговорахъ, ни мало не подозрѣвая, что сей прїѣздъ его будетъ имѣть большое вліяніе на всю будущую жизнь мою. Собираясь къ отъѣзду. Хрущовъ началъ звать меня на завтрашній день къ дядѣ своему Николаю Сергѣевичу Григорову, въ домѣ котораго онъ всегда жилъ какъ его воспитанникъ и наслѣдникъ; я отговаривался тѣмъ и другимъ, но долженъ былъ согласиться на его убѣжденія и на другой день, 19-го числа. поѣхалъ къ нимъ обѣдать и тутъ встрѣчаю, вовсе для меня неожиданно, теперешнюю жену мою.

Проведя съ нею сей день вмѣстѣ, я былъ очень симъ доволенъ и, возвратясь домой съ мыслями развлеченными, я не могъ соединить ихъ и дать себѣ отчетъ въ оныхъ. 24-го того же Іюня по случаю назначеннаго собранія, ѣхавъ въ Елифанъ я заѣзжалъ опять къ Григорову, гдѣ еще провелъ нѣсколько времени съ Александрой Федоровной, и Хрущовъ, ѣхавшій оттуда до Елифани въ моемъ экипажѣ, дорогою предлагалъ мнѣ вновь на ней жениться, на что я и согласился; Хрущовъ совѣтовалъ мнѣ сказать о семъ Григорову, какъ ея двоюродному дядѣ, что я и положилъ при удобномъ случаѣ исполнить. Я долженъ сказать при семъ, что сильнѣйшимъ побужденіемъ къ женитьбѣ моей было слѣдующее обстоятельство: 19-го Іюля, слѣдственно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго свиданія моего съ моей Сашей, я прїѣзжаю къ Григорову съ тѣмъ, чтобы проститься съ Хрущовымъ, ѣхавшимъ тогда въ Москву; говоря о разныхъ предметахъ, жена его попросила итти съ нею въ садъ и тамъ, проведя къ акаціевой бесѣдкѣ, показала вырѣзанные женою моею крестъ и возлѣ онаго ея вензель слѣдующимъ образомъ: у+А.; таковыя благочестивыя чувствованія молодой дѣвушки меня поразили! Я видѣлъ сто разъ, какъ при подобныхъ памятникахъ они вырѣзываютъ любовные стишки, басенки и тому подобный вздоръ,—но мыслей сопряженныхъ съ истинною религіею я нигдѣ писанныхъ ими не видалъ и даже рѣдко, или лучше никогда не слыхалъ говорящихъ ихъ о вѣчныхъ христіанскихъ истиннахъ. Итакъ сіе новое и невиданное мною явленіе чрезвычайно меня тронуло, ибо я, сверхъ души нѣжной и возвышенной, видѣлъ въ семъ изображеніи и то, что она несчастлива, потому что счастливыцы міра сего не любятъ приближаться къ кресту Христову. Мысль имѣть женою столь преданную истиной вѣрѣ дѣвушку и быть ея утѣшителемъ меня воспламенила, и я не смѣлъ почти дышать при видѣ сихъ вѣчныхъ символовъ кротости и благочестія (все это была выдумка Н. И. Хрущовой). Будучи отъ бывшихъ со мною встрѣчъ въ сей жизни подозрительнымъ, я присоединилъ вскорѣ къ симъ восхититель-

нымъ мыслямъ, мысль: не притворство ли это? И не лицемѣріе ли начертало сей священный знакъ? Но одумавъ нашелъ, что подозрѣнія мои ложны, ибо есть-ли надобность лицемѣрить, когда Александра Федоровна не могла и подумать, чтобы я ею интересовался, потому что и виду на сіе ей мною не подано и еще почему знать ей образъ моихъ мыслей! Одумавши сіе я предался сладостнымъ мыслямъ, что есть еще на землѣ люди преданные искренно и сердечно Спасителю нашему, и что я нашелъ то, чего ищу—благочестіе и кротость; будучи исполненъ сихъ мыслей и волнуемъ то сладостною надеждою, то опечаливаясь моимъ недостойнствомъ, я возвратился изъ саду и вскорѣ уѣхалъ домой.

20-го числа, то есть на другой день я написалъ письмо къ Хрущовымъ, въ которомъ, изложивъ желаніе мое жениться на Александрѣ Федоровнѣ, просилъ ихъ во время своего къ ней заѣзда отобрать отъ нея по сему предмету ея мысли и получа на сіе удовлетворительный отвѣтъ, рѣшился объяснить мое желаніе и Григорову, какъ близкому ея родственнику, что и исполнилъ 28-го числа. Сіе первое объясненіе было для меня очень трудно; во первыхъ потому, что тутъ дѣло шло о рѣшеніи моей участи, а во вторыхъ и потому, что я былъ очень застѣнчивъ при одной мысли жениться, внѣдренной въ меня моею матерью. Григоровъ принялъ мое предложеніе съ пріятностью, общалъ мнѣ свое ходатайство и увѣрилъ, что въ моемъ намѣреніи препятствія не будетъ; это меня очень порадовало, и я возвратился домой въ пріятномъ расположеніи духа, предавъ все желаніе и судьбу мою во Всемилосердную Волю нашего Икупителя. Наконецъ 8-го Августа я получилъ письмо отъ Хрущовыхъ, которымъ она увѣдомляетъ меня, что Александра Федоровна и всѣ ея родные согласны на мое предложеніе и просятъ меня пріѣхать къ нимъ къ 22 того же Августа. Съ играющей душой прочтя сіе радостное для меня письмо, я въ нетерпѣніи, не ожидая назначеннаго времени 10-го числа пустился въ Дворяниново, взявъ съ собой 600 рублей денегъ весьма кстати мною за нѣсколько дней полученныхъ отъ купившаго у меня, весьма дурного человѣка Степку. При самомъ началѣ сватовства моего является уже особенный Промыселъ Божій, ибо надлежало же въ сіе самое время Хрущовымъ ѣхать въ Москву, черезъ что я получилъ первое и необходимое для успѣха моего намѣренія свѣдѣніе.

Надо же было продаться и человѣку моему къ сему времени, чѣмъ я огражденъ въ необходимой при такихъ случаяхъ надобности въ деньгахъ; да и самому Григорову, имѣющему ужасный видъ и харак-

теръ, надлежало же при моемъ объясненіи принять самую обязательную вѣжливость и тѣмъ окуражить меня; однимъ словомъ, я, при семъ важнѣйшемъ періодѣ жизни моей, подобно ребенку водимъ былъ на помочахъ Нѣжнѣйшимъ всѣхъ Отцемъ, Который надъ всѣми есть! И послѣ сего, падая предъ симъ благимъ Богомъ изъ вины въ вину, гдѣ я могу искать помилованія и пощады, какъ не въ сей же пучинѣ непостижимой благодати и милосердія? „Господи не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!“

Путешествіе мое продолжалось два дня до Соломеннаго Завода, что на большой московской дорогѣ, гдѣ я остановился, чтобы собраться съ мыслями, передѣться и ѣхать въ Дворяниново въ 5 верстахъ оттуда лежащее, гдѣ живутъ Болотовы, а въ домѣ ихъ моя невѣста. Труденъ былъ для меня шагъ явиться среди людей вовсе для меня неизвѣстныхъ и къ самой невѣстѣ, которую я видѣлъ только два раза и то, можно сказать, мимоходомъ, но предавъ себя единожды въ волю и распоряженіе міровъ Правителя, съ искреннею надеждою на Его помощь, я рѣшился пуститься въ путь мнѣ подлежащій! Выѣхавъ 12-го Августа изъ Завода такъ, чтобы къ 5 часамъ пополудни пріѣхать въ Дворяниново, я съ половины дороги сбился. Въ сіе же время нашла туча съ сильнымъ дождемъ и громомъ и мочила меня почти до самаго Дворянинова. но побѣждая или гегеноса всѣ сіи препятствія, я къ означенному времени пріѣхалъ къ цѣли своего, похожаго на Язеново, путешествія и былъ принятъ весьма ласково дѣдушкой Андреемъ Тимофеевичемъ Болотовымъ, встрѣтившимъ меня въ лакейской; посидѣвъ немного съ нимъ, я увидѣлъ, входящаго, небольшого роста, неважной наружности старичка, и это былъ любезный и почтенный Павелъ Андреевичъ другъ и благодѣтель мой! Сей рѣдкій человѣкъ съ перваго раза привлечь къ себѣ мое бѣдное дотолѣ въ наслажденіяхъ любви сердце и своимъ особеннымъ обращеніемъ столь меня очаровалъ. что и видя его въ первый разъ, черезъ нѣсколько часовъ почиталъ уже своимъ другомъ, своимъ наставникомъ, своимъ благодѣтелемъ, чѣмъ дѣйствительно онъ и сдѣлался, почувствовавъ, какъ самъ послѣ сказывалъ, при первомъ свиданіи со мною, нѣкоторое особенное ко мнѣ влеченіе. Вскорѣ пріѣхали и дамы изъ гостей и среди нихъ моя невѣста, къ которой я и подошелъ, хотя и неловко. но довольно сносно; тутъ представленъ я былъ Павломъ Андреевичемъ бабушкѣ, его женѣ Марьѣ Федоровнѣ и его дочери покойной уже Еленѣ Павловнѣ. доброй и любви достойной дѣвушкѣ. Такимъ образомъ бывъ принятъ и обласканъ всѣми, я провелъ первый день весьма пріятно въ кругу сихъ истинно добрыхъ и благочестивыхъ людей, которымъ ни прежде, ни теперь не

вижу еще подобныхъ. Теперь надо сказать нѣсколько словъ о моей наружности; экипажъ мой былъ очень хорошій, состоящій въ прекрасныхъ, крытыхъ дрожкахъ, запряженныхъ четырьмя очень хорошими лошадьми въ наборныхъ хомутахъ, а самъ я нѣсколько приформился на заводѣ и имѣя полный карманъ золота и серебра, былъ съ сей стороны похожъ на жениха.

Я проводилъ въ Дворяниновѣ время очень пріятно, и въ сіе время познакомился и съ старшимъ сыномъ Павла Андреевича, Алексѣемъ, пріѣзжавшимъ къ нему на нѣсколько дней, и видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ ихъ знакомыхъ изъ Москвы пріѣзжавшихъ и принадлежавшихъ къ обществу масоновъ, куда и меня уговаривали присоединиться; всѣ эти лица сошли уже со сцены здѣшняго міра, какъ и многіе изъ сосѣдей, тогда видѣнныхъ мною у дѣдушки. Видя къ себѣ доброе расположеніе всѣхъ меня окружающихъ, я рѣшился наконецъ 18-го Августа поутру сдѣлать Павлу Андреевичу, а потомъ и дѣдушкѣ, мое предложеніе насчетъ Александры Федоровны. Павелъ Андреевичъ принялъ на себя переговорить о семъ съ невѣстой и черезъ нѣсколько времени я былъ помолвенъ; моя невѣста и я очень были рады, когда сблизясь законнымъ образомъ, мы могли ласкать другъ друга. Я провелъ еще у нихъ нѣсколько дней и былъ представленъ многимъ ихъ сосѣдямъ какъ женихъ внучки хозяевъ; изъ всѣхъ видѣнныхъ мною сосѣдей болѣе всѣхъ интересовала меня добрая княгиня Марья Осиповна Несвицкая, выхвалявшая очень много мой выборъ. Наконецъ побывавъ на глупомъ пиру у сосѣда Лодыженскаго, гдѣ наглый его знакомый богачъ, котораго и фамилію я забылъ уже, желая по злему своему характеру вывести меня на сцену, началъ бранить всѣхъ вообще исправниковъ, зная, что и я служилъ онымъ, но я рѣшился молчать, видя себя въ весьма невыгодномъ положеніи для какой нибудь исторіи; будь это въ другомъ мѣстѣ и при другомъ случаѣ, то сей наглецъ былъ бы мною проученъ, а теперь я молчалъ берегши себя для тихой моей невѣсты, не знавшей еще всѣхъ свѣтскихъ случаевъ; сей наглецъ вскорѣ, какъ я слышалъ послѣ, сошелъ съ ума и умеръ бѣдственно.

Въ сладостное и пріятное для меня время, въ которое я носилъ званіе жениха и о которомъ люблю вспоминать, я болѣе и болѣе сближался съ моею женою и получилъ всѣ знаки ея любви ко мнѣ въ присутствіи всѣхъ родныхъ ея. Наконецъ, получа отъ нея въ знакъ памяти кольцо. 21-го числа я выѣхалъ домой для приготовленія къ свадьбѣ и оставилъ новыхъ родныхъ моихъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Тоскуя и скучая и только находя утѣшеніе въ пріятномъ воспо-

минаніи пролетѣвшаго времени, въ которое я впервые еще видѣлъ человека меня любившаго въ особѣ моей невѣсты, и только съ сего времени считая бытіе мое, я пріѣхалъ домой поутру 23-го и тотчасъ началъ мыслить, гдѣ бы мнѣ достать необходимо нужные мнѣ 1000 рублей денегъ? Покойный братъ мой Алексѣй былъ человекъ надменный и скупой и просить у него помощи значило пускать на вѣтеръ слова: съ горестію убѣждаясь въ сей истинѣ всею прошедшею моею жизнью и всѣмъ его бытіемъ въ семъ мірѣ, мнѣ совершенно извѣстнымъ. я остановилъ мысль мою на сосѣдѣ моемъ Албучевѣ, который, когда видѣлъ меня не имѣющимъ нужды, весьма часто предлагалъ мнѣ свои услуги. Зная, что у него всегда есть деньги, послалъ я къ нему письмо, убѣдительно прося его одолжить мнѣ 1000 рублей на заемное письмо и получилъ чистый отказъ. хотя онъ и зналъ, что у меня 45 душъ и на нихъ долгу ни копейки. Зная людей я симъ не огорчился, но у меня стѣснилось сердце при одной мысли, что если я нигдѣ не найду нужныхъ мнѣ денегъ—черезъ то потерю добрую и хорошую мою невѣсту. Я имѣлъ свои деньги, но оныя были въ долгахъ и, считая у себя только 400 рублей. ибо 200 я подарилъ Сашѣ, приходилъ въ отчаяніе, но опомнясь я вновь возложилъ все мое упованіе и всѣ мои надежды на Единого и Всемочнаго Покровителя моего Господа и Искупителя и сія надежда не посрамила меня. Сей случай вновь удостоверилъ меня въ истинѣ: „Призови Мя въ день скорби твоя изму ты и прославиша Мя“ (псаломъ 40-й ст. 15-й); „Не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ.“ (Іоан. гл. XIV ст. 18-й). Такъ Господи! прославлю милосердіе Твое, что Ты не оставилъ сироты всѣми брошеннаго! 24-го числа рѣшился ѣхать просить Алексѣя о займѣ денегъ; ѣхавъ дорогой я просилъ Господа благословить мое намѣреніе и приклонить ко мнѣ сердце брата моего. По пріѣздѣ я началъ тѣмъ, что рассказалъ о сватовствѣ сестрамъ моимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ недавно изъ Тамбовской своей деревни и намекнулъ имъ о нуждѣ своей, на что Наталья отрѣзала словомъ „нѣтъ!“ Въ это время возшолъ покойный Алексѣй и я, продолжая разговоръ съ трепетомъ рассказалъ ему все и потомъ съ сожалѣніемъ повторилъ: „Я было братецъ пріѣхалъ къ тебѣ просить денегъ, но сестра сказала, что у тебя нѣтъ“,—на сіе онъ сказалъ: „что нѣтъ? много ли тебѣ надо?“ Я въ радости готовъ былъ упасть ему въ ноги, и сказалъ: „1000 рублей“.—„Хорошо“, отвѣчалъ онъ мнѣ и принесъ деньги. Что это была единая милость Божія, подвигшая жестокое его сердце къ чувству милосердія, а не его прирожденная любовь къ человѣчеству, тому доказательствомъ служить то, что онъ, какъ бы раскаяваясь въ семъ добрѣ далъ въ 1822 году заемное письмо въ 70000 рублей Натальѣ съ тѣмъ, чтобы мнѣ послѣ него ничего не

осталось, ибо чувствовалъ болѣзнь свою и потомъ, при полученіи денегъ отъ меня взялъ лишнихъ 64 рубля.

Получая такимъ, для меня вовсе неожиданнымъ, образомъ нужныя мнѣ деньги. я былъ въ восхищеніи, ибо теперь могъ положить навѣрное, что наконецъ скучное мое одиночество прекратится, что я буду имѣть вѣрнаго друга въ благочестиво-воспитанной женѣ моей и что наконецъ я стану въ рядъ съ полезными отечеству своему гражданами; меня восхищала мысль, что я буду имѣть дѣтей, воспитаю ихъ, доставлю имъ все лучшее, что только могу и, такимъ образомъ, снищу людей, которые быть можетъ оросятъ нѣкогда прахъ мой слезами любви и благодарности. Вознеся изъ глубины души моей благоговѣйную благодарность къ благословляющему меня Господу, я черезъ нѣсколько дней, исправясь покупкою лошадей и взявъ у пріятеля моего Хрущова двумѣстную карету для будущей моей свадьбы необходимую, пустился въ путь свой въ Дворяниново, убѣдя покойнаго теперь брата моего Алексѣя пріѣхать ко мнѣ на свадьбу и занять мѣсто отца, что онъ великодушно и исполнилъ.

Проѣзжая Тулу и закупи въ ней великолѣпный, какъ водится для свадебнаго стола десертъ и купивъ обручальныя золотыя кольца и два хорошихъ хомута, недостававшіе у меня къ шести лошадямъ, я не имѣлъ терпѣнія, а не денегъ сшить что либо себѣ къ свадьбѣ отъ пламеннаго желанія видѣть скорое окончаніе одного. и, можно сказать, единственнаго желанія моего быть женату. страшась ужаснаго и ведущаго ко многимъ порокамъ холостого состоянія столь мнѣ постылаго. Итакъ, съ большимъ нетерпѣніемъ и считая всякую минуту, я въ послѣднихъ числахъ Августа пріѣхалъ въ Дворяниново вовсе неожиданно для всѣхъ моихъ новыхъ родныхъ и знакомыхъ. Вскорѣ за мной пріѣхалъ и покойный братъ Алексѣй, котораго, какъ дѣдушка, такъ и Павелъ Андреевичъ встрѣтили самымъ обязательнымъ образомъ. Къ сему времени, то есть въ 1-у Сентября съѣхались и родныя жены моей Пестовы, равно и многіе знакомые и свадьбѣ положено было быть 4 го Сентября. Наканунѣ, то есть 3-го числа подписанъ мною и свидѣтелями моими, братомъ моимъ Алексѣемъ, надворнымъ совѣтникомъ Галактіоновымъ и Павломъ Андреевичемъ обыскъ, а послѣ былъ пріѣздъ многихъ сосѣдей. Наконецъ наступило достопамятное и нетерпѣливо мною ожидаемое 4-е число. въ которое и совершонъ бракъ мой въ церкви села Русятина, приходѣ дѣдушки, при стеченіи большого числа дворянъ. По прошествіи уже девяти лѣтъ я благословляю сей священный и незабвенный для меня день, въ который я сдѣлался бла-

женнѣйшимъ изъ людей! Сей день введя меня въ цѣпь рода человеческого, уничтожилъ тщетное мое существованіе и слѣдственно есть начало всему добру, всѣмъ радостямъ, всему довольству, всему устройству, которымъ теперь наслаждаемся я и окружающее меня мое семейство! Благословляю Тебя Отецъ щедротъ, яко Совершителя моего и семейства моего счастія! Буди имя Твое благословенно въ родѣ моемъ во вѣки и вѣки!

Церемоніальный кортежъ или поѣздъ нашъ къ церкви, былъ въ 4-хъ каретахъ цугами, а возвращеніе въ домъ дѣдушки было при звукахъ музыки и при встрѣчѣ насъ почтеннѣйшими старцами, у коихъ воспитывалась жена моя, и которую они щедро одарили, давъ ей на приданое 2000 рублей и брильянтовъ на 100 рублей же, ибо болѣе дать и не могли и не были обязаны, награда мать ея имѣніемъ, которое равно какъ и вещи прожилъ отецъ моей Саши. На другой день былъ пышный обѣдъ и балъ, на которыхъ было болѣе 45 чело-вѣкъ гостей: послѣ сего дня мы съ женой въ привезенной мною каретѣ дѣлали визиты и пробывъ болѣе недѣли въ Дворяниновѣ, къ половинѣ Сентября пріѣхали въ свое Красное, весьма плохо тогда отстроенное, въ домъ имѣвшій только 7 комнатъ, плохо внутри отдѣланныхъ. Привыкнувъ жить въ огромныхъ комнатахъ, сіе нѣсколько смутило жену мою, но къ чести ея сказать надо, что сіе смущеніе было мгновенное. Мы вскорѣ приступили къ украшенію нашихъ пріемныхъ комнатъ, къ чему привезенные моей Сашей картины и гардины очень много послужили, и мы въ исходѣ Сентября и именно въ мои именины дали порядочный обѣдъ для своихъ обоюдныхъ родныхъ. Согласіе, терпѣніе и расчетъ, а паче благословеніе Божіе, по времени дало намъ возможность преобразить не только внутреннее убранство комнатъ, но и наружный видъ нашего дома и сверхъ сего измѣнить неопрятный и дурной видъ мазанокъ и гнилого строенія, на прекрасное каменное, и соломенные крыши—на тесовыя. Справедлива русская пословица: „гдѣ у мужа съ женою ладъ—тамъ и кладъ“. Проводя съ доброй женой моей время непримѣтнымъ для насъ образомъ въ семейственныхъ занятіяхъ, выѣздахъ и пріемахъ у себя гостей, мы вначалѣ зимы поѣхали къ почтенному нашему дѣдушкѣ Андрею Тимофеевичу и проведя у сего любви достойнаго и рѣдкаго старца болѣе двухъ недѣль, поѣхали въ Калугу къ родной теткѣ жены моей Аниѣ Ивановнѣ Албычевой: разставаясь съ симъ ангеломъ, а не чело-вѣкомъ, я не могъ не плакать. И теперь благоговѣю предъ симъ идеаломъ добра и истинной философіи 92-лѣтнимъ уже слѣпымъ старцемъ, сердечно сожалѣю, что семейственныя наше занятія и хозяйство препятствуютъ мнѣ чаще его видѣть и

слышать поучительныя его бесѣды. Путешествіе наше къ покойной уже геперь Аниѣ Ивановнѣ Албычевой было весьма пріятно, ибо въ сіе время заѣзжали мы къ сестрамъ жены моей по одному отцу, гдѣ я и познакомился съ ними; они жили тогда у дяди своего Карабанова, Смоленской губерніи въ селѣ Восцахъ, которое показывается на всѣхъ картахъ.

Пріемъ учиненный намъ отъ Анны Ивановны былъ достоинъ того ума, которымъ обладала сія любезная дама. Мы у нея прогостили ровно мѣсяць, и я былъ чрезвычайно обязанъ ея ласкою. а Сашу она осыпала своими благодѣяніями, подаря ей 500 рублей сверхъ 2000 р. должныхъ ей отцомъ ея, которые она простила намъ, обязавъ такимъ образомъ насъ и будущее наше потомство. вѣчною къ себѣ благодарностію. Во время нашего у ней пребыванія она давала нѣсколько обѣдовъ, знакомя насъ съ своими сосѣдями и стараясь доставить намъ всевозможныя удовольствія; и сей почтенной и пріятной дамы нѣтъ ужъ въ здѣшнемъ мірѣ! Злоба и неблагодарность унаслѣдованной ею себѣ племянницы подлой Корзыковой сократила жизнь ея. Миръ праху твоему добрая женщина и нѣжная родственница!

Возвратясь домой уже въ 1822 году съ беременной женой. и привезя съ собой сестру ея Лизовъ Федоровну, мы всю сію зиму проводили весьма пріятно, заведясь и хорошимъ зимнимъ экипажемъ, купленнымъ нами передъ нашимъ вояжемъ за Калугу и, такимъ образомъ, разѣзжали въ хорошей кибиточкѣ заплаченной нами 450 рублей. Въ маѣ 1822-го года посѣтили насъ многіе родные жены моей. какъ то Пестовы со всѣмъ семействомъ и Кисленскіе со всей семьей своей, которыхъ мы и угощали отлично и для нихъ изумительно, давая имъ прекрасные столы: особенно Кисленскія, московскія жительницы были, видимо, изумлены образомъ нашей жизни. слыша, что я небогатъ и видя во всемъ вкусъ и порядокъ. потому что я и холостой любилъ давать хорошіе столы, имѣя всегда и десертъ прекрасный, живя отлично, весело. Наконецъ я видѣлъ приближающимся то время. въ которое долженъ я былъ впервые получить священное званіе отца. Въ іюлѣ того 1822-го года. свояченица моя отправилась домой, а я съ женой въ началѣ Августа поѣхалъ въ Тулу для родинъ ея, сердечно желая употребить всѣ пособія искусства для первыхъ родовъ ея, не щадя никакихъ издержекъ. а прося Господа силъ благословить меня благополучнымъ разрѣшеніемъ сей любви достойной жены моей.

Послѣ многихъ лѣтъ, я вновь приступаю къ повѣствованію важнѣйшихъ событій въ моей жизни уже въ Сентябрѣ 1834 года. Итакъ, я принялъ отъ Господа благословеніе рожденіемъ мнѣ сына Павла 18-го

Августа, пополудни въ 9-мъ часу. Едва ли я былъ когда столько счастливъ, какъ въ ту минуту, когда милая жена подарила меня первымъ плодомъ взаимной и счастливой любви нашей: плакалъ и прыгалъ отъ радости,—но первымъ моимъ чувствомъ было при постели жены повергнуться на колѣни и благодарить Отца щедротъ! Съ такими же чувствами я принималъ рожденіе и Оленьки 1823-го года 4 Августа, Миши 1825-го года Февраля 5-го, и Саши 1830-го года января 7-го, бывъ всегда при женѣ моей безъ отдыха во все время мукъ ея. Послѣ рожденія Саши я, какъ бы по предчувствію, что она будетъ послѣднею отраслю моего семейства, велѣлъ служить благодарное Господу Богу молебствіе. въ самыя первыя минуты появленія ея въ міръ сей!

Глава XI.

Намѣреніе къ собранію денегъ для дѣтей, улучшение нашего хозяйства, смерть брата Алексѣя. Строеніе, разведеніе садовъ, заведеніе скота, экипажа. Періодъ отъ 1822-го до 1831-го года.

Рожденіе Паши и беременность жены моей Ольгой. породили во мнѣ мысль о будущемъ воспитаніи дѣтей. Состояніе наше было весьма умѣренное и доходъ нашъ не превышалъ 3000 рублей, слѣдственно, онаго было бы недостаточно къ издержкамъ на наемъ учителей, плату въ пансіоны и на свое содержаніе. Это обстоятельство дало мнѣ мысль положить себѣ правиломъ проживать по 150 руб. въ мѣсяцъ, а достальной доходъ весь прятать, ибо я хотѣлъ воспитывать дѣтей на свое, а не на общественное иждивеніе, полагая что въ этомъ-то и есть обязанность родителей; сверхъ сего собственный опытъ мнѣ указывалъ, что гражданская служба выгоднѣе и покойнѣе военной, послѣ которой, почти всегда, потерявъ здоровье возвращаются восвояси, тогда какъ гражданскій чиновникъ, служа на одномъ мѣстѣ въ лучшемъ обществѣ, не только получаетъ большое жалованье, но прослужа даже 35 лѣтъ, идетъ въ отставку здоровый и съ большимъ пансіономъ. А какъ образованіе въ гражданскую службу гораздо многосложнѣе. а слѣдственно и дороже, то и требуетъ болѣе денегъ. Будучи самъ прегадко воспитанъ, я не хотѣлъ подвергнуть подобной несчастной участи дѣтей моихъ. Богъ и прилежное чтеніе, а равно и знакомство съ людьми учеными, открыли мнѣ потребность въѣка. Итакъ могъ ли я не желать образованія дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ. Къ чести жены моей сказать надо, что она въ семъ была со мною согласна, хотя по слабости женской иногда и досадовала на недостатокъ въ деньгахъ, а слѣдовательно и въ гардеробѣ, но я умѣлъ все уладить и шелъ къ своей цѣли постоянно и неутомимо. презирая людскіе толки, зависть родного брата Алексѣя и его желаніе

даже возбудить неудовольствіе въ женѣ моей за сіи сбереженія. Эта твердость характера моего произвела спасительныя слѣдствія такъ, что у насъ къ 1831 году составилъ капиталъ въ 2000 рублей, который я и отдавалъ въ проценты своимъ сосѣдямъ. Въ то же время мы съ женой, стараясь улучшить свое хозяйство, общими силами достигли того, что домашнее устройство ткачей, плетеніе кружевъ, вышиваніе и прочее, дало намъ хорошія средства къ житію, ибо въ теченіе сихъ 8 лѣтъ были года неурожайные на хлѣбъ и низкія цѣны онаго уменьшали годъ отъ году наши доходы. Вся домашняя экономія была слѣдствіемъ заботъ незабвенной жены моей: впрочемъ не надо полагать, что сія откладка денегъ не давала средства намъ жить порядочно, напротивъ, жена моя была всегда одѣта хорошо, къ намъ ѣзжали гости лучшіе въ нашемъ сосѣдствѣ, и мы купили въ 1828-мъ году прекрасную четверомѣстную карету, стоящую 1550 рублей, а до сего мы имѣли двумѣстную, за которую я заплатилъ 750 рублей. О моемъ гардеробѣ ни слова! Три фрака въ 9 лѣтъ и болѣе ничего. Стыдно отцу семейства думать о ничтожныхъ вещахъ.

Наконецъ въ 1827 году послѣ 14-лѣтней и истощительной болѣзни, вслѣдствіе развратной молодости, а можетъ и проклятія матери, братъ мой Алексѣй умеръ несчастно, никѣмъ неоплаканный. Вотъ примѣръ молодымъ людямъ! Истощеніе соковъ имѣло пагубное вліяніе на его характеръ: грубый, холодный, непріязненный, скупой, сварливый и завистливый. Ахъ, сохранимъ себя отъ пьянства и сладострастія! Когда пишу сіе и другой примѣръ является намъ въ трясушемся, слабомъ и ни къ чему неспособномъ другомъ моемъ братѣ, къ несчастію отцѣ 12 дѣтей! Но святой законъ болѣе долженъ дѣйствовать на васъ любезные мои дѣти, нежели всѣ слова мои: помните Завѣтъ Спасителя не объѣдаться и не упиваться, дабы не быть постигнутыми бѣдствіями и дабы могли мы стать предъ Сыномъ Человѣческимъ.

По смерти брата Алексѣя открылось, что онъ все свое и чужое имѣніе отдалъ сестрамъ. Я презрѣлъ сіе, но Владиміръ, вступя въ тяжбу съ сестрой, ничего не выигралъ кромѣ того, что осрамилъ себя. Смерть Алексѣя сблизила насъ родныхъ, которыхъ гнусный его характеръ всегда разъединялъ. Теперь, видя, что намъ некому препятствовать, мы съ женой, вымѣнявъ у сосѣдей и присоединя изъ общихъ луговъ землю подъ гумно, начали разводить сады себѣ, которыми къ 1830 году мы и заняли десятины полторы, насаждая болѣе 500 яблокъ, въ томъ предположеніи, чтобы современемъ усилить свои доходы; въ сіе же время я началъ строить все надворное строеніе ка-

менное и крыть его дранью, дабы не имѣть впослѣдствіи издержекъ на строеніе, когда надо будетъ посвятить себя одному великому предмету—воспитанію дѣтей; сверхъ сего соломенная крыша по моему расчету много лишала насъ удобренія земель: всѣ сіи зданія, прочно и красиво мною построенныя съ 1828-го по лѣто 1832-го года включительно, которыя стоятъ мнѣ болѣе 4000 рублей. Я сказалъ, что по смерти Алексѣя намъ некому было мѣшать въ разведеніи садовъ, а поэтому надо объяснить, что Алексѣй никогда не согласился бы промѣнять намъ клочка своего въ лугу у сада нашего лежавшаго, ибо былъ прежидный и пренегодный сосѣдъ, да я лучше бы сталъ каменья ворочать, чѣмъ просить о чемъ этого ужаснаго человѣка;—одинъ разъ и то не безъ особеннаго Божьяго укрѣпленія просилъ я у него денегъ передъ моею свадьбою. Въ доказательство того могу сказать, что я не заикался даже просить его о раздѣлѣ 15 десятинъ кустовъ, которыми онъ владѣлъ силою одинъ, и которыя мы по его смерти въ тотъ же годъ раздѣлили и отъ которыхъ я на свою часть получилъ три десятины, а съ ними ежегоднаго дохода по 300 рублей; къ гнусной же чертѣ его характера принадлежитъ то, что онъ всегда говорилъ: на что мы собираемъ деньги, ибо де отъ меня все вамъ достанется, а самъ давно уже сдѣлалъ духовную въ пользу сестеръ. Но забудемъ сего человѣка и порадуемся, что подобные весьма между нами рѣдки.

Такимъ образомъ съ сего времени, то есть съ 1828-го года, благословеніе Божіе полилось на насъ рѣкою, какъбы въ возмездіе обиды, которую хотѣлъ намъ сдѣлать человѣкъ, ибо въ сіе же время мы начали разводить коровъ, которыя и стали вестись благополучно; симъ мы достигли лучшаго и множайшаго удобренія земель, а слѣдственно и лучшаго урожая хлѣбовъ, къ чему крыша дранью дала намъ обильное средство.

Итакъ теперешнее благостояніе если сравнить съ бывшемъ ровно за 20 лѣтъ или въ 1811-мъ году, то какое представится изумительное разстояніе. Не ясно ли видимъ перстъ Божій, вопреки злоковарству людей, выведшій судьбу мою на стезю спокойствія душевнаго и тѣлеснаго? Такъ Господи, Тебѣ Единому подобаетъ хвала, честь и благодареніе! Мирное счастье, семейственная радость, знатное знакомство, прекраснѣйшее строеніе, большіе и прелестные сады, славныя сажалки, во всемъ изобиліе—явилось тамъ, куда люди бросили человѣка въ бѣшенствѣ своей страсти, дабы погрузить его въ тинѣ болота, и въ плетневыхъ сараяхъ погребсти его тѣло, а можетъ и душу, ибо долго ли довести до отчаянія! Но тамъ, гдѣ ожидалось счастье, водворился плачь. вопль болѣзни, зависти и презрѣнія, вмѣсто довольства и извѣстности!

Отцовскія строенія пали, сады исчезли, прудъ изсохъ и во всемъ явился недостатокъ такъ, что у бѣднаго и презрѣннаго прежде Михайлы богатая и захватившая все въ свои руки Наталья стала занимать по полторы тысячи рублей, и сей прежній бѣднякъ не бралъ даже съ нея процентовъ! Господи, въ Твоей обожаемой славѣ жребій мой! Ты поднявъ меня возставилъ! О, да изсякнетъ сердце мое въ благодарности къ Тебѣ! 12 лѣтъ я наслаждался рѣдкимъ въ мѣрѣ счастьемъ, имѣя супругу кроткую, пришло время и Ты воззвалъ ее! Прости ропотъ слабости и не отринь меня во время старости моей. Удостой исполнить обѣтъ сердца моего, достойно воспитать мнѣ дѣтей моихъ, мнѣ Тобою же данныхъ! Утверди сердце мое на камени заповѣдей Твоихъ и постави мя на путь миренъ! Благослови! Ахъ, благослови дѣтей моихъ, единое мое въ семъ мѣрѣ счастье! Удѣли имъ отъ моего благословенія лучшую часть, устрой имъ все на полезное! Пусть они закроютъ глаза мои, пусть я воскликну въ послѣдній день мой: „Благодари Ты Господи и благо сотворилъ рабу Твоему“!

Глава XII.

Наемъ учительницъ, холера Морбусъ, неожиданный подарокъ. Наслѣдство, продажа лѣса, поѣздка въ Москву, распространеніе нашей усадьбы и сада, отдача Паши въ пансіонъ. Періодъ отъ Марта 1830-го до Февраля 1833-го года.

Вождѣльное время мною съ толикимъ нетерпѣніемъ ожидаемое наконецъ наступило. Пашѣ наступилъ 8-й, Ольгѣ 7-й годъ, и мы наняли для ученія ихъ по французски и нѣмецки, географіи и прочему, воспитывавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ благородную дѣвушку Теплоу за 800 рублей ассигнаціями въ годъ и помѣстили ее съ сестрою въ пристроенный для сего къ дому флигель. Можетъ быть я поторопился началомъ ученія по лѣтамъ дѣтей моихъ, но собственное невѣжество страшило меня; виновная безпечность моего отца всегдашнимъ мнѣ служила ужасомъ, и я боялся пропустить время драгоцѣннѣйшее самой жизни. Ученіе дѣтей шло прекрасно до самаго Октября. Въ сіе время появилась въ Москвѣ холера и ужасъ поразилъ сердца всѣхъ! Всѣ спѣшили соединиться на смерть со своими родными, и прекрасная наша мамзель уѣхала къ своей матери въ Каширу. Потомки не возмогутъ представить себѣ того ужаса, который распространила стоустая молва, подкрѣпляемая и глупѣйшими распоряженіями тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго; онъ вызвалъ все дворянство на службу, какъ бы при нашествіи непріятеля, раздѣлилъ всѣ

губерніи на части и оцѣнилъ всѣ селенія другъ отъ друга. Сіе неслыханное глупое распоряженіе естественнымъ образомъ лишило Москву и всѣ губернскіе и уѣздные города продовольствія, что и заставляло бросить сіи пагубныя предосторожности, имѣвшія слѣдствіемъ бунты. Въ сіе время выпускались столь глупые слухи, что безъ досады нельзя ихъ было слушать; говорили, что будто злонамѣренные люди отравляли пруды и колодцы, отчего и происходитъ болѣзнь; чернь говорила, что господа нарочно выдумали болѣзнь, чтобы живыхъ людей варить въ котлахъ, относя къ сему приготавливаемые на случай появленія болѣзни чаны для ваннъ. Такія и тому подобныя вѣсти въ теченіе 4 мѣсяцевъ утомляли слухъ нашъ, сверхъ сего лѣкаря совѣтовали запастись одинъ такимъ, другой такимъ лѣкарствомъ, и мы наполняли ими цѣлые шкафы; нѣкоторые даже бросились въ библію и отыскавъ тамъ слова Иисуса Сирахова касательно азіатской холеры, которая у нихъ была слѣдствіемъ объядѣнія, пустились толковать, что будто Господь послалъ сію болѣзнь въ наказаніе нашего пресыщенія. Но событія опровергли сіи гаданія, ибо умирали сею болѣзнію самобѣднѣйшіе люди, но однако неоспоримо, что сія ужаснѣйшая эпидемія похищала наиболѣе пьяницъ и любодѣевъ. Наконецъ ужасъ, какъ не могущій продолжаться долго, прошелъ, но мамзель наша не являлась, и мы въ началѣ 1831-го года наняли швейцарку Гизендерферъ за ту же цѣну и тому же учить дѣтей нашихъ. Итакъ ученье пошло опять не только тѣмъ же, но и лучшимъ порядкомъ. Въ исходѣ Іюля того 1831-го года, знакомый намъ старичокъ и двоюродный дядя жены моей Николай Сергѣевичъ Григоровъ, бывавшій у насъ восприемникомъ дѣтей нашихъ и любившій насъ, получилъ неожиданно ударъ, лишившій его употребленія языка, руки и ноги; получа о семъ извѣстіе, мы поспѣшили къ нему на помощь, и я успѣлъ возвратить его къ жизни, вопреки звѣронравнаго его племянника и наслѣдника Хрущова, желавшаго тотчасъ уморить его. Старикъ сей первымъ своимъ дѣйствіемъ подарилъ намъ 3000 руб. ассигнаціями. Здѣсь я должевъ замѣтить, что сей старичокъ умеръ 9-го мая 1832-го года, а племянникъ и злодѣй его Хрущовъ 15-го или 18-го того же мѣсяца! Здѣсь ясно правосудіе Божіе покарало преступника. Въ томъ же 1831-мъ году 25-го Декабря, ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ кончины моей матери и въ самый день оной, умеръ братъ мой Иванъ, жившій возлѣ насъ, гдѣ теперь у насъ садъ у скотнаго двора. Опустимъ завѣсу на жизнь сего челоуѣка. Кончина его была мучительна. Послѣ него, мы съ братомъ Владиміромъ, пріѣхавшимъ для сего изъ Херсона, гдѣ онъ служилъ въ гарнизонѣ, подѣлили имѣніе; мнѣ досталось по 7 десятинъ земли въ полѣ пахотной господской и 20 душъ въ разныхъ мѣстахъ

и на нихъ долга 2500 рублей ассигнаціями, половину котораго я заплатилъ на другой годъ.

Такъ вовсе неожиданно капиталъ нашъ возросъ въ 12000 и доходъ возвысился такъ, что мы въ 1835 году получили онаго 5600 рублей, сумму доселѣ небывалую. Къ 1832 году, по случаю отпуска мадамы, я ѣздилъ въ Москву, гдѣ и нанялъ. послѣднюю у насъ доселѣ жившую, мерзавку Зекъ за 1200 рублей ассигн., которую въ декабрѣ того же года и выгнали какъ воровку и отравительницу. Въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ бывъ на выборѣ я ѣздилъ въ Порѣчье село Одоевскаго уѣзда и продалъ тамъ лѣсъ за 2400 рублей и вотъ капиталъ нашъ возросъ и въ 14000 рублей, изъ которыхъ я далъ сосѣду Протопопову 700, родному дидѣ по женѣ Болотову 5000, свояченицѣ моей Зміевой 2000 ассигнаціями. По упомянутому мною раздѣлу, усадьба наша увеличилась, и я вновь распространилъ садъ, посадивъ тамъ 180 яблонь, и такимъ образомъ теперь у насъ въ садахъ болѣе 800 плодовыхъ деревьевъ, тамъ гдѣ не было прежде ни хлыстика.

Мерзость характера и подлость образа мыслей иностранокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность найти русскаго учителя или учительницу, заставили меня и жену мою рѣшиться отдать Пашу въ пансіонъ Тульскій. Выдержавъ жестокую болѣзнь. называвшуюся гриппъ, котормъ страдала не только вся Россія, но и вся Европа, и которую приписывали летавшимъ метеорамъ или, какъ въ простонародіи называютъ падающимъ звѣздамъ, которыхъ въ исходѣ Ноября помнится упало безчисленное множество, да и воздухъ сею зимою былъ отмѣнно густъ и туманенъ, хотя и бывали жестокіе морозы: все сіе дѣлало чрезвычайное вліяніе на людей, и дорогой на многихъ обозахъ видѣлъ я лежавшихъ болѣльныхъ людей, чего прежде никогда не бывало. Вообще 1831-й и 1832-й года были очень тяжелы и много народу померло: лѣкаря и попы набрали себѣ большія деньги.

Итакъ получа естественное, а не отъ искусства лѣкарей, которые пичкали насъ и сами не вѣдали свойства болѣзни, облегченіе, я поѣхалъ съ сыновьями 20-го Декабря въ Тулу гдѣ была уже больная жена моя съ Оленькой, а Сашу оставилъ дома. Этотъ милый ребенокъ въ сіе тяжкое для меня время часто оставался на рукахъ негодной няньки и только особенному покровительству Провидѣнія обязанъ я сохраненіемъ ея. Тамъ въ началѣ Января, отдавъ Пашу въ пансіонъ для ученія языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, исторіи, географіи, математикѣ, танцевать и музыкѣ, а равно Закону Божьему и рисова-

нію съ платою по 900 руб. ассигнаціями или по курсу 1026 руб. въ годъ и пробывъ тамъ недѣли три пріѣхалъ къ Сашѣ; потомъ я въ исходѣ Января вновь поѣхалъ въ Тулу и привезъ отчаянную жену мою въ деревню, куда она сама пламенно желала ѣхать. Теперь я приступаю къ описанію самаго горестнаго для меня событія, въ одной только вѣрѣ ища себѣ подкрѣпленія и утѣшенія! Надлежало мнѣ потерять вѣрнаго друга! Боже, укрѣпи меня и утѣшь! 14-го Октября 1834-го года.

Глава XIII.

Болѣзнь и смерть жены моей Александры Ѳедоровны.

Бывши всегда слабаго здоровья, покойная жена моя послѣ разговѣнья на святой недѣлѣ 1832-го года. бывшей тогда въ половинѣ Апрѣля, почувствовала тошноту, съѣвши приготовленный мерзавкой Зекъ, учившей дѣтей нашихъ, пирогъ, но запивши квасомъ она ничего болѣе не чувствовала. Въ Маѣ у ней остановились регулы и началась сильная жажда такъ, что она выпивала въ день по нѣсколько бутылокъ квасу и воды; призвана была Епифанская весьма искусная акушерка, которая по осмотрѣ объявила, что она беременна и что жажда въ беременности иногда бываетъ; успокоенный симъ увѣреніемъ опытной бабки я поѣхалъ на бывшіе тогда въ Тулѣ выборы и возвратясь оттуда послѣ 20-го Мая я нашелъ ее въ хорошемъ состояніи здоровья, но все съ тою же жаждою. Прекрасное лѣто было проведено нами по обыкновенію радостно, и мы выѣзжали въ гости и принимали у себя, но въ началѣ Октября она вдругъ почувствовала себя дурно; призванъ былъ Богородскій лѣкаръ, который, желая точнѣе удостовѣриться въ беременности, призвалъ другую бабку и нашелъ, что беременности нѣтъ, а что она больна, но по, жестокому ихъ обыкновенію, не сказалъ чѣмъ. Съ сихъ поръ началось лѣченіе, и оба лѣкаря городской и полковой не сдѣлали ей большой пользы. Въ исходѣ Ноября я самъ легъ въ постель отъ посѣтившаго всю Европу гриппа. Въ началѣ Декабря она пожелала ѣхать въ Тулу, и я, едва могшій ходить, собралъ ее, далъ ей 300 р. ас. денегъ и, выпрося у любезнаго сосѣда Протопопова зимнюю карету, отправилъ ее туда съ Оленькой, чтобы не было ей скучно; при семъ просилъ ее и писалъ къ сестрамъ, чтобы по пріѣздѣ ея въ Тулу сдѣлать консилиумъ и кто съ онаго возьметъ лѣчить ее, тотъ пусть и лѣчитъ. Но вышло все не такъ. Пріѣхавши въ Тулу покойная взяла прямо доктора Морица, который сначала и помогъ ей, но давши ей рвотное и продолжая давать лѣкарство во время открывшихся было у ней регуловъ, поставилъ ее на край гроба. Едва таскаясь, я велѣлъ

себя посадить въ кибитку и съ сыновьями около 20-го Декабря поѣхалъ въ Тулу, оставя милую Сашу дома. Тамъ я нашелъ жену свою въ худомъ состояніи и пробылъ съ ней до 10-го Января; злодѣй Морицъ увѣрилъ меня, что онъ ее черезъ двѣ недѣли вылѣчить, и я ему повѣрилъ, оставя еще 200 рублей, я поспѣшилъ домой къ своей малюткѣ, ибо жена моя осталась на рукахъ сестеръ моихъ. Я не зналъ, что Наталья Фурія, которая все мнѣ льстила, а сама поступала какъ лютая змѣя, о чемъ кроткая жена моя ни полслова мнѣ не сказала, но о чемъ я узналъ поздно уже отъ своей негодной невестки. Во время моего отъѣзда умерла сестра моя Александра, что и понудило жену мою переѣхать къ невесткѣ; узнавъ о семъ я поскакалъ на подставныхъ въ Тулу и нашелъ жену свою въ отчаянномъ состояніи, сколько отъ чудовища Морица, столько отъ дѣйствія смерти сестры моей Александры, можно сказать внезапной. еще отъ холодныхъ комнатъ, въ которыя помѣстила ее мерзавка моя невестка. Всѣ сіи обстоятельства меня сразили, на перемѣну доктора и лѣченіе въ Тулѣ и наемъ квартиры она не согласилась, а непременно хотѣла ѣхать въ деревню, что я и долженъ былъ исполнить, опасаясь раздражить ее. Моціонъ и покой дома видимо укрѣпили было ея здоровье, но поѣздка на свадьбу къ сестрѣ ея разстроила вновь, однако она ходила и видимо въ ней не было ничего опаснаго, такъ что она гуляла въ Апрѣлѣ при прекрасной погодѣ по саду и сидѣла въ рябиновой бесѣдкѣ, гдѣ я вырѣзалъ ея вензель. Въ исходѣ Апрѣля погода перемѣнилась на дурную и это такъ подѣйствовало на ея слабое здоровье, что она легла въ постель не жалуясь однако ни на что, а только говорила иногда, какъ ей грустна мысль разстаться съ нами; я утѣшалъ ее, и сама она собиралась ѣхать въ Москву проводить Ольгу и такъ была спокойна, что угощала пріѣхавшую сестру мою и бывшихъ у насъ сосѣдей, но 1-го Мая прекрасная душа ея отлетѣла на лоно Отца всѣхъ; послѣднее ея дѣйствіе было пожать мою руку, обратя на меня полные слезъ глаза свои—я повергся у одра ея!..

Облитуя не только моими, но многочисленныхъ, обязанныхъ ей излѣченіемъ и пособіемъ, людей и всѣхъ ея подданныхъ, слезами, мы погребли ее 3-го Мая въ селѣ Богдановѣ, при чемъ сами попы рыдали, а нашъ священникъ Иванъ Дмитріевичъ, говорившій надгробное слово и выхвалявшій кротость и милосердіе покойной, отъ рыданія вѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. Что я тогда чувствовалъ, не знаю! Тѣло ея положили въ могилу 7-го Мая въ принадлежавшемъ намъ селѣ Порѣчѣ возлѣ церкви съ лѣвой стороны алтаря и надъ нею поставленъ гранитный памятникъ съ надписью, что тамъ покойся

нѣжнѣйшая жена, чадолюбивая мать и попечительная госпожа. Съ тѣхъ поръ надъ ея останками служитьсѣ еженедѣльно обѣдни и панихиды. за что и плачу по 60 руб. въ годъ, а въ первый заплачено 120 руб., ибо служили по двѣ обѣдни въ недѣлю и по двѣ панихиды. Я съ намѣреніемъ велѣлъ служить послѣ обѣдни панихиду надъ могилой, дабы и самый прахъ ея былъ уважаемъ. а какъ попы наши не такъ богаты и даже бѣдны. то я имѣю въ виду и то, чтобы и самый прахъ ея благодѣтельствовалъ бѣднымъ, какъ она въ жизни всегда спѣшила на помощь къ нимъ. Что попы за это весьма благодарны, тому служить доказательствомъ ихъ письма ко мнѣ при полученіи денегъ. Достойно замѣчанія. что у покойной послѣ отпѣванія нашъ попъ цѣловалъ руки и что отъ нея не было ни малѣйшаго запаха до самой могилы въ теченіе семи дней; она была подобна спящей и прекрасна какъ живая; всѣ добродѣтели сіяли въ лицѣ ея, и сосѣди удивлялись красотѣ смертныхъ остатковъ ея: блаженни умирающіе о Господѣ! Ей, глаголетъ духъ, да почиетъ отъ трудовъ своихъ! Изъ золотой парчи, коею она была покрыта, сдѣланы ризы съ бархатными голубыми оплечьями для попа и дьякона и отданы въ церковь Порѣчинскую.

Глава XIV.

Поѣздка въ Москву 1833-го года, хорошій доходъ на 1834-й годъ, умноженіе капитала и запасныхъ денегъ. Взятіе Паши изъ пансіона; причины этаго. Намѣреніе учить сыновей въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ и жить тамъ для надзора за ними.

Послѣ горестной моей потери, я удвоилъ мои попеченія о дѣтяхъ и не видя средства хорошо образовать Оленьку дома, рѣшился отдать ее въ училище ордена св. Екатерины на своемъ иждивеніи, о чемъ еще въ Мартѣ просилъ Императрицу; по полученіи Ея соизволенія, взявъ обоихъ сыновей съ собой, а Сашу оставя дома, поѣхалъ въ Москву. гдѣ и отдалъ Оленьку въ то училище 11-го Мая. Заведеніе это прекрасное, и состоя подъ покровительствомъ Императрицы, пользуется особыми преимуществами: я плачу туда 700 руб. ассигн., что по курсу стоитъ 798 рублей въ годъ.

Всеобщій голодъ 1833-го года во всей почти имперіи, исключая нашу одну губернію, возвысилъ неимоверныя цѣны на хлѣбъ такъ. что я въ Москвѣ продавалъ муку по 2 р. 70 к. пудъ, пшеницу 27 руб.

четверть, овесъ 11 рублей, а гречу на мѣстѣ по 11 р. и 14 р. четверть. Здѣсь и на мѣстѣ муку я продавалъ весной 2 р. 30 к., а овесъ по 7 руб. четверть. Сія чрезвычайно высокая цѣна хлѣбу въ зиму 1833-го и 1834-го года дала мнѣ необыкновенный доходъ, а именно 7400 рублей.

Пользуясь симъ необыкновеннымъ случаемъ, я отложилъ въ капиталъ 2000 руб. ассигн. и составилъ запасную сумму въ 1240 руб. ассигн. и монетой 55 рублей, а всего въ сей годъ сберегъ я на монету 3748 руб. 60 к. Многие изъ моихъ сосѣдей получили двойной доходъ, но я полуторный, оттого, что имѣлъ небольшой запасъ хлѣба, да пожалѣлъ мужиковъ, послать въ 3-ій обозъ въ Москву. 1833-й годъ будетъ однимъ изъ бѣдственныхъ въ нашей исторіи, ибо поправились 100 человѣкъ, а раззорились миллионы. Въ исходѣ Іюня я по обыкновенію ѣздилъ въ Тулу и взялъ Пашу на вакацію домой. Въ самый же Петровъ день, когда мы пировали у одного нашего сосѣда, сгорѣла большая и лучшая часть Тулы и съ ружейнымъ заводомъ. Это происшествіе, а болѣе то, что при всемъ моемъ дѣятельномъ убѣжденіи директора училищъ Евграфа Воронова о лучшемъ присмотрѣ за пансіономъ и наблюденіи, чтобы всѣ учителя ходили въ свои часы, я не могъ сего достигнуть, рѣшился оставить у себя Пашу до зимы. Платить почти даромъ 1026 рублей обидно, а видѣть пропадающимъ время и еще опасаться на счетъ нравственности для сына своего прискорбно, и я весьма доволенъ, что Богъ вложилъ въ меня сію спасительную мысль, ибо науки онъ проходитъ съ помощью книгъ подъ моимъ надзоромъ, а нравственными моими съ нимъ бесѣдами онъ запасется на будущее время его общественной жизни.

Полагая по слуху директора училищъ Тульской губерніи Евграфа Воронцова за хорошаго человѣка и желая склонить его, какъ сказано выше, къ ревностному исполненію его священной должности, вниманію къ воспитанію благороднаго юношества, я познакомился съ нимъ и бывалъ у него часто безъ визитовъ и что же я увидѣлъ?—Человѣка лѣниваго, ни къ чему не способнаго, революціонера марающаго всякаго кто выше его, подлѣйшаго скупца и самаго негоднѣйшаго чиновника, презирающаго свою присягу, которою обязался онъ служить ревностно и не дѣлать ничего вреднаго для государя, когда онъ старается составить заговоръ противъ него, наклоня къ сему Бобринскаго, Ботвиньева, Сафонова, Голицына, Артемьева и многихъ другихъ, мною у него видѣнныхъ. Но кажется труды его будутъ тщетны, ибо говоря словами знаменитаго, Дмитріева:

„Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ.

Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій.

Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій.“

Сей Воронцовъ принадлежитъ къ сектѣ масоновъ, какъ самъ мнѣ о себѣ сказалъ, и, судя по нему, эта секта прикрывается только религіей, а внутри она политическая, какъ и давно я полагалъ это; теперь сія секта есть въ глазахъ моихъ презрѣннѣйшее скопище людей самыхъ негодныхъ и лицемѣровъ. Сама природа произведя сего Воронцова косымъ, положила на немъ какъ на Мирабо печать отверженія. Сіи обстоятельства возродили во мнѣ мысль везти сыновей въ Москву и тамъ искать лучшаго ученія и бдительнѣйшаго надзора за дѣтьми. Мысль, что въ столицѣ вѣрно строже наблюдаютъ за ученіемъ юношества, подтверждается пріѣздомъ туда именно для сего предмета знаменитаго нашего министра просвѣщенія Уварова; полагаю записать дѣтей въ дворянскій институтъ, если тамъ хорошо или въ извѣстный пансіонъ Голушки; въ обоихъ случаяхъ я для сохраненія нравственности дѣтей намѣренъ жить въ Москвѣ и отъѣзжать только на 5 мѣсяцевъ для необходимаго хозяйства въ деревню, изыскивая средства, дабы и въ сіе кратковременное мое отсутствіе они были подъ надзоромъ людей благомыслящихъ.

Заключеніе.

Если пройти мысленно всю цѣпь моей жизни, то какое представится сцѣпленіе событій странныхъ, отвратительныхъ и поучительныхъ.

Изувѣченный младенецъ, тащимый въ глубокую осень на 1000 верстъ, живъ! А сколько въ это время ненаглядныхъ и береженныхъ дѣтей, къ истинной скорби своихъ нѣжныхъ родителей, исчезло съ лица земли?!

Брошенный, необразованный и даже невѣжественный юноша достигаетъ чина офицера гвардіи, когда достойнѣйшіе—его не могли достигнуть!

Невинный сынъ непощаженный своею матерью, пощажень пулею враговъ!

Изгнанный хитростію ближнихъ, водворяется могущественною десницею, возводящею его постепенно отъ лучшаго въ лучшее и дающею насладиться первѣйшимъ благомъ въ мірѣ: счастливейшимъ и благословеннѣйшимъ супружествомъ!

Почитаемый за отребіе, за соръ земной, дѣлается попечительнымъ отцемъ прекрасныхъ дѣтей! И гдѣ враги мои? Мимо идохъ—и се, не бѣ ихъ!

„Алчушаго исполнилъ благъ, а богатыщихся отпустилъ ни съ чѣмъ!“ (Луки гл. 1-я ст. 53-й). Такъ, Господи! Не мнѣ, но Тебѣ Единому да будетъ слава и благодареніе за всѣ блага на насъ изліянныя!

1811-го года пустырь болотный, гадкій обратился по манію Божию въ прекрасно устроенный и обработанный уголокъ 1834-го года! 1000 плодовыхъ деревьевъ, великолѣпные кусты розъ и другіе цвѣты красуются и благоухаютъ тамъ, гдѣ 23 года тому назадъ росли репей и крапива; три прекрасныя сажалки съ большимъ количествомъ рыбы явились на мѣстѣ прежнихъ вонючихъ болотъ; хорошій домикъ окруженный прекраснымъ каменнымъ обширнымъ строеніемъ стоятъ на мѣстѣ пустыря и дѣлаютъ видъ городка, а не деревни; вмѣсто подходяго скота, выгнаннаго среди суровой зимы на чистый снѣгъ чадолюбивой матерью, явилось стадо, которое по милости Божіей столь многочисленно, что въ пять разъ превосходитъ то, которое истребили: отъ сего удобреніе земли доведено до 5 десятинъ ежегодно и будетъ еще умножаться при разведеніи скота въ множайшемъ еще количествѣ, а сіе удобреніе уже теперь значительно увеличивало урожаи хлѣбовъ, а по времени оныя дойдутъ до множайшаго изобилія, тогда какъ у брата моего, нѣкогда щедро надѣленнаго всѣмъ, теперь нѣтъ ничего, а у сестры, при всемъ ея богатствѣ, доходы ея и до половины не равняются съ нашими.

Изобиліе и красота экипажей, все заведеніе фарфора, хрусталя, мѣди и серебра въ довольномъ количествѣ и запасныхъ денегъ близъ 1500 рублей весьма ясно свидѣтельствуютъ наше домашнее устройство, а 16000 рублей капитала обезпечиваютъ состояніе того, кто 23 года тому назадъ не смѣлъ и помыслить о столь огромной суммѣ, каковой ни дѣдъ, ни отецъ мой, будучи богатѣе меня, никогда не имѣли. Скажемъ еще и о ткачахъ, приносящихъ хорошій доходъ, и о прекрасномъ строеніи, гдѣ они помѣщаются, и тогда получимъ вѣрный взглядъ на благосостояніе того, кого нѣкогда люди завистливые и сребролюбивые пожать хотѣли и въ мнимой своей премудрости считали за профана.

Устроивъ все хозяйство свое наилучшимъ образомъ и надѣясь, что доходъ нашъ и въ дешевые года не будетъ менѣе отъ улучшенія полей, продажи при благополучномъ состояніи завода, воловъ и масла и по приходѣ садовъ въ надлежащій возрастъ, что послѣдуетъ черезъ два года, теперь я обращаю всѣ мысли мои и всѣ способы на воспитаніе дѣтей, какъ на никогда негибнувшее достояніе, какъ на важнѣй-

шій предметъ моей обязанности и, однимъ словомъ, какъ на истинное мое симъ служеніе Богу и отечеству. Итакъ, устроая образованіе Оленьки наилучшимъ образомъ и помѣстивъ ее въ первое учебное заведеніе въ нашемъ государствѣ, я хочу обезпечить также и сыновей моихъ съ сей важнѣйшей для нихъ стороны. Что значить вещественное богатство? Ничто! Не часто ли видимъ, какъ именно оно дѣлаетъ многихъ тунеядцами, лишая въ нихъ отечество полезныхъ гражданъ и сверхъ сего, сіе богатство, дѣлая празднымъ своего обладателя, рождаетъ въ немъ многіе пороки. А революціи? Наше время чревато важными происшествіями, какъ сказалъ нѣкогда знаменитый Архенгольцъ, и эта истина не можетъ быть оспариваема. Только одинъ глупецъ не видитъ того, что мы ближе къ грозѣ, чѣмъ къ покою; но положимъ, что все пойдетъ попрежнему: не всегда ли однако мы видимъ, что умъ просвѣщенный науками стоитъ гораздо выше необразованнаго богача? не видимъ ли какъ Гречъ, Булгаринъ, Полевой и Загоскинъ однимъ просвѣщеннымъ умомъ достигли славы и сдѣлали себѣ славныя состоянія. Это ясно, а почему бы мнѣ, видя прекрасныя дарованія въ своихъ сыновьяхъ, не надѣяться видѣть въ нихъ знаменитыхъ ученыхъ, писателей? Счастіе состоитъ въ просвѣщеніи, ибо посредствомъ его человѣкъ не только достигаетъ званій, въ которыхъ можетъ приносить большую пользу отечеству, но имѣетъ еще и ту неоцѣненную выгоду, что остается среди общества людей образованныхъ; невѣжество во многихъ случаяхъ пагубно.

Итакъ для истиннаго счастья дѣтей моихъ для блага отечества и пользы его, я поставилъ себѣ священною цѣлью образованіе дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ, не щадя для сего ни собственныхъ трудовъ, ни издержекъ. И самое состояніе наше указываетъ дѣтямъ моимъ поприще службы, ибо со всѣмъ ожидаемымъ наслѣдствомъ у насъ не будетъ болѣе 200 душъ, съ которыхъ по моему опыту въ самый лучший годъ нельзя получить болѣе 10000 дохода; раздѣлите его на четыре части, что достанется?

„Милая посредственность“! восклицаютъ молодые люди! Нѣтъ, эта философія хороша въ человѣкѣ 60 лѣтъ, но въ юношѣ лѣтъ и болѣе ничего! Пора русскому дворянству вновь занять свое важное мѣсто на службѣ государственной. Пора отбросить поповичей и нѣмцевъ, а къ этому науки необходимы. Воспитавъ дѣтей, я потребую отъ нихъ исполненія моего обѣта—доставить въ нихъ отечеству просвѣщенныхъ гражданъ, защитниковъ угнѣсненныхъ, карателей злыхъ и лихоимцевъ: къ этому они будутъ имѣть средства: жалованье по чину, доходъ съ имѣнія. Истинная философія въ умѣ и христіанское самоотверженіе

и вѣра въ сердцѣ проявятъ имъ ихъ святую обязанность лучше, чѣмъ всякія размалеванныя фразы. Итакъ, станемъ добре, станемъ со страхомъ на стражѣ храненія невинныхъ сердецъ дѣтей моихъ и будемъ внимать, что Господу угодно будетъ повелѣвать мнѣ.

Было время устройства имѣнія, было время на обезпеченіе состоянія сборомъ денегъ, и свидѣтель тому Богъ и моя совѣсть, что я не пропустилъ ни одного честнаго средства къ исполненію своей тогдашней обязанности. Теперь настало время бдѣнія другого и гораздо важнѣйшаго служенія; теперь не имѣнія, не умноженія денегъ, но прочнаго образованія дѣтей подѣ моимъ родительскимъ надзоромъ. требуютъ Богъ и отечество.

Я буду жить въ Москвѣ 7 мѣсяцевъ, въ которые буду лично наблюдать дѣтей и болѣе читать, дабы еще умножить мои бѣдныя свѣдѣнія, столь необходимыя при образованіи дѣтей моихъ. а весной буду ѣздить для приготовленія деревенскими занятіями денегъ. нужныхъ для достиженія благословенной моей цѣли. Дождуся ли я или нѣтъ плода моихъ сердечныхъ заботъ и помышленій—видѣть въ любезныхъ дѣтяхъ моихъ добродѣтели людей зрѣлаго возраста, или могила прежде приметъ ничтожные остатки того, который теперь мыслить и соображаетъ,—о томъ вѣдаетъ Единный міровъ Правитель; мое дѣло трудиться и жить мыслью благородною—оставить добрыхъ гражданъ своему отечеству и вѣрныхъ слугъ Богу и Государю. Жизнь безъ цѣли тяжкое бремя; а жизнь только физическая,—скотская и презрѣнная. Такъ думали всѣ мудрые люди древности и временъ новѣйшихъ, такъ мысля и я. Блаженны будутъ мои дѣти руководствуясь высокою сею мыслию. мыслию которая ведетъ родъ человѣческій къ совершенству, и которая не терпитъ жалкой посредственности столь гибельной для общества. Блаженъ буду и я въ вѣчности, если память моя благословится дѣяніями дѣтей моихъ. Тамъ, соединясь съ духомъ вѣрнаго друга, передамъ ему все, что я сдѣлалъ и что старался сдѣлать для общихъ намъ дѣтей нашихъ, надъ которыми и ихъ потомствомъ да будетъ мое благословеніе.

1834-го года, Октября 19-го дня, въ селѣцѣ Красномъ, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда.

